

ISSN 2223–2974

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№8 2025 (АВГУСТ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор

В.Н. Боробов

Выпускающий редактор

Ю.Б. Миндлин

Верстка

М. А. Комарова

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 10472

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:

109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10

Тел./факс: 8(495) 755-1913

E-mail: redaktor@nauteh.ru

<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

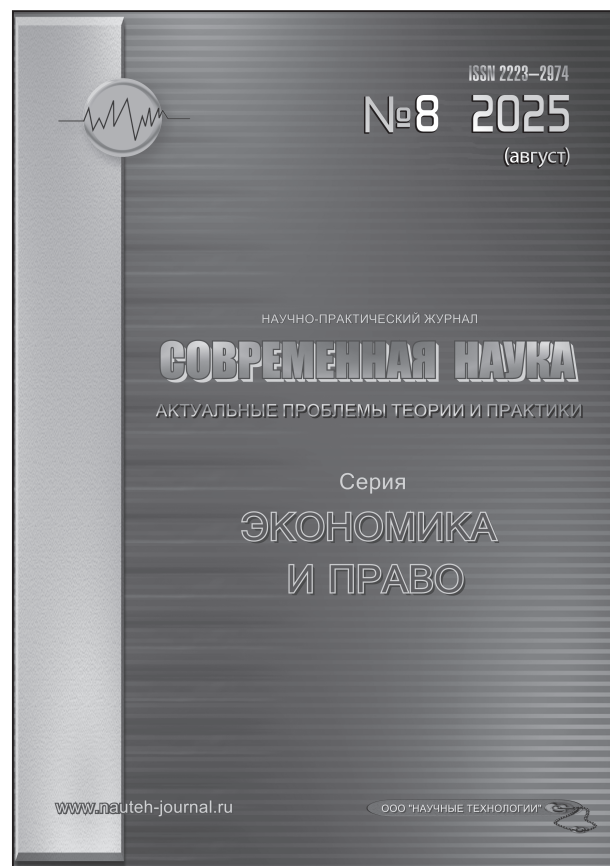
Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-44914 от 04.05.2011 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК – 5.1.x, 5.2.x, 5.4.x)

В НОМЕРЕ:
ЭКОНОМИКА,
ПРАВО,
СОЦИОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:

Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 10.08.2025 г. Формат 84x108 1/16

Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2974

Редакционный совет

Боробов Василий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

Бусов Владимир Иванович — д.э.н., профессор,
Государственный университет управления

Волкова Ольга Александровна — д.с.н., профессор, г.н.с.,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН;
профессор, Белгородский Государственный Университет

Воронов Алексей Михайлович — д.ю.н., профессор, г.н.с.,
НИЦ 4 ВНИИ МВД России

Гомонов Николай Дмитриевич — д.ю.н., профессор,
Северо-Западный институт (филиал) Московского
гуманитарно-экономического университета

Горемыкин Виктор Андреевич — д.э.н., профессор,
Национальный институт бизнеса

Ермаков Сергей Петрович — д.э.н., профессор,
г.н.с., Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Жигунова Галина Владимировна — д.с.н., доцент,
Мурманский государственный арктический университет

Иванов Сергей Юрьевич — д.с.н., профессор, Московский
Педагогический Государственный Университет

Каныгин Геннадий Викторович — д.с.н., в.н.с.,
Социологический институт РАН (С.-Петербург)

Кибакин Михаил Викторович — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна — д.ю.н.,
профессор, Институт Государства и Права РАН

Лебедев Никита Андреевич — д.э.н., профессор, в.н.с.,
Институт экономики РАН

Леденева Виктория Юрьевна — д.с.н., доцент, г.н.с.,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Леонтьев Борис Борисович — д.э.н., профессор,
Федеральный институт сертификации и оценки
интеллектуальной собственности и бизнеса

Малышева Марина Михайловна — д.э.н., в.н.с., Институт
социально-экономических проблем народонаселения РАН

Мартынов Алексей Владимирович — д.ю.н., профессор,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Мельничук Марина Владимировна — д.э.н., к.п.н.,
профессор, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская
государственная академия ветеринарной медицины
и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Незамайкин Валерий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Нижник Надежда Степановна — д.ю.н., профессор, Санкт-
Петербургский университет МВД России

Проказина Наталья Васильевна — д.с.н., профессор,
Алтайский филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Рубан Лариса Семеновна — д.с.н., профессор, г.н.с.,
Институт социально-политических исследований ФНИСЦ
РАН

Ручкина Гульнара Флюоровна — д.ю.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Рыкова Инна Николаевна — д.э.н., профессор, Научно-
исследовательский финансовый институт Минфина РФ

Рыльская Марина Александровна — д.ю.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Сумин Александр Александрович — д.ю.н., профессор,
Московский университет МВД России

Фролова Елена Викторовна — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Черкасов Константин Валерьевич — д.ю.н., профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции

Шаленко Валентин Николаевич — д.с.н., профессор,
Институт социологии ФНИСЦ РАН; профессор, Российский
государственный социальный университет

Шедько Юрий Николаевич — д.э.н., доцент, Финансовый
университет при Правительстве Российской Федерации

Широкалова Галина Сергеевна — д.с.н., профессор,
с.н.с., Приволжский филиал ФНИСЦ РАН; профессор,
Нижегородская Государственная сельскохозяйственная
академия

Шмалий Оксана Васильевна — д.ю.н., профессор,
Российская Академия Народного Хозяйства
и Государственной Службы при Президенте РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ЭКОНОМИКА

Аксенов С.Г., Абзалов В.Р. — Методологические подходы к оценке индикаторов национальной финансовой безопасности: достижения и проблемные зоны

Aksenov S., Abzalov V. — Methodological approaches to the assessment of national financial security indicators: achievements and problem areas 5

Аксенов С.Г., Каиров Р.А. — Финансовая стабильность строительных компаний: содержание и определяющие элементы

Aksenov S., Kaipov R. — Financial stability of construction companies: content and defining elements.....11

Булохов А.М., Орлова Е.Л., Михайлов М.Р. — Анализ направлений совершенствования организации системы физической культуры и спорта на региональном уровне

Bulokhov A., Orlova E., Mikhaylov M. — Analysis of ways to improve the organization of the physical culture and sports system at the regional level 16

Вerezubova Н.А., Яковлева О.А., Савонкина А.Р. — Использование технологий интернета вещей в аграрной сфере

Verezubova N., Yakovleva O., Savonkina A. — Using internet of things technologies in the agricultural sphere 20

Ли Цзе — Исследование инновационных моделей управления образованием в китайско-зарубежных кооперативных университетах на примере китайско-российских кооперативных университетов

Li Jie — Research of innovative models of education management in sino-foreign cooperative universities on the example of sino-Russian cooperative universities.....25

Перминов В.А. — Оценка экономического эффекта цифровой рупии для трансграничных переводов в Индию: консервативный сценарий

Perminov V. — Assessment of the economic impact of the digital rupee for cross-border transfers to india: a conservative scenario.....29

Степанова С.С. — Краудэко система как результат развития инвестиционных платформ

Stepanova S. — Crowdecosystem as a result of investment platform development.....34

Трубин А.Е., Тимофеев Е.О. — Инновационные методы оценки киберрисков на малых и средних предприятиях

Trubin A., Timofeev E. — Innovative methods for cyber risk assessment in small and medium-sized enterprises.....39

Чжоу Чуаньмин — Энергетическое взаимодействие Китая и России в различных аспектах: современное состояние, препятствия и перспективы развития

Zhou Chuanming — China-Russia energy cooperation in a multidimensional perspective: current state, obstacles, and development prospects.....43

Право

Абдуллаев Э.Э. — Проблемные аспекты трудовой миграции в странах БРИКС и организационно-правовые основы их решения

Abdullaev E. — Segmentation of labor migration problems in BRICS countries and organizational-legal basis for their solution 48

Билашенко Е.В., Рубцов С.Н., Платонов А.В., Зуев А.В. — Историко-правовой опыт благотворительности, посвященной памяти павших воинов и их семей в дореволюционном Санкт-Петербурге

Bilashenko E., Rubtsov S., Platonov A., Zuev A. — Historical and legal experience of charity dedicated to the memory of dead soldiers and their families in pre-revolutionary St. Petersburg 54

Бородавкин С.М. — Реформа 1864 года и ее влияние на становление профессиональной адвокатуры в России

Borodavkin S. — The 1864 reform and its impact on the formation of the professional advocacy in Russia 60

Васкес Гуанучи Сабрина Натали Шаэль — Сравнительно-правовые аспекты института брака в Российской Федерации и Республике Перу

Vasquez Guanuchi Sabrina Natali Shael — Family legal relations in the Russian Federation and the Republic of Peru a comparative legal study 65

Емельянов Е.О. — Принцип невмешательства во внутренние дела государств и публичный порядок
Emelyanov E. — Principle of the inadmissibility of intervention in the domestic affairs of states and the public order 69

Кример Л.С. — Некоторые вопросы теории косвенных доказательств
Krimer L. — Some questions about the theory of indirect evidence 73

Марченко Е.А. — Особая роль бюджетных учреждений в обеспечении охраны национальных парков
Marchenko E. — The special role of budgetary institutions in ensuring the protection of national parks 78

Намцараева А.К. — Цель и задачи применения судом цифровых технологий в уголовном судопроизводстве
Namtsaraeva A. — The purpose and objectives of the use of digital technologies by the court in criminal proceedings 82

Пекарева В.В. — Подход к пониманию содержания персональных данных как объекта уголовно-правовой охраны
Pekareva V. — Approach to understanding the content of personal data as an object of criminal law protection 85

Соловьев А.В. — Правовое регулирование лоукостеров: вызовы и проблемы
Solovev A. — Legal regulation of low-cost carriers: challenges and problems 91

Тихонов Р.И. — Специальные способы досудебного разрешения корпоративных конфликтов на стадии «deadlock»: механизмы «Russian Roulette», «Texas Shoot-Out» и «Dutch auction»
Tikhonov R. — Special methods of pre-trial resolution of corporate conflicts at the deadlock stage: «Russian roulette», «Texas Shoot-Out» and «Dutch auction» mechanisms 95

СОЦИОЛОГИЯ

Скопа В.А. — Социокультурный портрет молодого поколения: грани самоопределения и векторы развития
Skopa V. — Sociocultural portrait of the young generation: facets of self-determination and vectors of development 101

Хуан И — Характеристики, смена содержания и методы регулирования хозяйственного поведения местных властей Китая в процессе рыночной трансформации
Huang Yi — Characteristics, shift in content, and methods of regulating the economic behavior of local authorities in China during market transformation 105

Наши авторы 110

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ИНДИКАТОРОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМНЫЕ ЗОНЫ

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE ASSESSMENT OF NATIONAL FINANCIAL SECURITY INDICATORS: ACHIEVEMENTS AND PROBLEM AREAS

**S. Aksenov
V. Abzalov**

Summary. The article presents a comparative analysis of methodological approaches to the definition and assessment of indicators of national financial security. The research focuses on identifying key achievements and unresolved issues in this area. Various classifications and methods for determining threshold values of indicators are analyzed, including the method of analogies, expert assessments, a normative approach and mathematical models. The article also examines current trends in the typology of financial security, as well as the influence of external factors (including sanctions) on the relevance of certain indicators. The main methodological problems have been identified: the lack of a unified approach to selecting criteria for selecting indicators, selectivity in setting thresholds, and insufficient validity of a number of proposed indicators.

Keywords: economic security, assessment methodology, tax security, money circulation, financial market.

Анализ кризисных явлений в финансовой области предполагает выявление и изучение актуальных и возможных угроз национальной финансовой безопасности. Для построения эффективной системы отслеживания подобных угроз, которая бы учитывала как особенности функционирования экономического механизма страны, так и постоянно изменяющуюся внешнюю среду, требуется общепринятый методологический подход к исследованию индикаторов финансовой безопасности, способных точно отражать наличие и вероятность возникновения угроз. Современные исследования в сфере индикативной оценки финансовой безопасности государства зачастую отличаются субъективностью и фрагментарностью. В рамках данной статьи предпринята попытка провести сравнительный анализ различных методологических подходов к определению и оценке показателей национальной финансовой безопасности с целью выявить достигнутые успехи и ключевые проблемные зоны.

Методологические принципы индикативной оценки национальной финансовой безопасности наиболее пол-

Аксенов Сергей Геннадьевич

д-р э.н., профессор,

ФГБОУ ВО Уфимский университет науки и технологий

beregpiya@mail.ru

Абзалов Владислав Радикович

ФГБОУ ВО Уфимский университет науки и технологий

statiya2023@mail.ru

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ методологических подходов к определению и оценке индикаторов национальной финансовой безопасности. Исследование фокусируется на выявлении ключевых достижений и нерешённых проблем в этой области. Проанализированы различные классификации и методы определения пороговых значений индикаторов, включая метод аналогий, экспертные оценки, нормативный подход и математические модели. Также рассмотрены современные тенденции в типологии финансовой безопасности, а также влияние внешних факторов (в том числе санкций) на актуальность тех или иных индикаторов. Выявлены основные методологические проблемы: отсутствие единого подхода к выбору критериев отбора показателей, избирательность в установлении пороговых значений и недостаточная обоснованность ряда предлагаемых индикаторов.

Ключевые слова: экономическая безопасность, методология оценки, налоговая безопасность, денежное обращение, финансовый рынок.

но и всесторонне разработаны в трудах отечественного ученого Сенчагова В.К. В частности, он рассматривал финансовую безопасность как «состояние финансово-банковской системы, при котором государство способно в установленных рамках обеспечивать стабильные экономические условия функционирования органов государственной власти и институтов рыночной экономики». Сенчагов В.К. стал одним из первых исследователей в российской научной практике, кто выделил показатели экономической, в том числе финансовой, безопасности, отобрав их среди данных, представленных в прогнозах социально-экономического развития России. При этом были отобраны те индикаторы, которые: а) количественно выражали существующие угрозы экономической безопасности; б) отличались высокой чувствительностью и динамизмом, позволяя заблаговременно сигнализировать о потенциальных рисках; в) демонстрировали значимую взаимосвязь друг с другом.

Следует подчеркнуть, что данным подходом были преодолены две ключевые методологические задачи:

- 1) получило обоснование утверждение о возможности оценки угроз на основе сигнальной системы индикаторов;
- 2) были сформулированы конкретные критерии отбора экономических показателей, используемых в качестве индикаторов экономической, включая финансовую, безопасность.

Эвристическая ценность методологического подхода к решению первой из обозначенных задач подтверждается многолетним (более чем десятилетним) опытом исследований в области экономической и финансовой безопасности, проводимых российскими учеными, а также рядом зарубежных исследований. В то же время проблема определения критериев отбора индикаторов безопасности остаётся актуальной. Методологически очевидно, что такие критерии должны существовать, однако каждый исследователь по-разному подходит к их разработке: одни предлагают собственные, другие — избегают затрагивать данный вопрос. Например, в од-

ном из исследований в качестве критериев выбора индикаторов указаны способность отражать финансовую устойчивость страны и соответствие требованиям эффективного экономического функционирования. В другом исследовании акцент сделан на обеспечении долгосрочной фискальной устойчивости, роли государства в распределении и перераспределении финансовых ресурсов, а также на характере направления средств на выполнение ключевых государственных функций. Перечисленные характеристики действительно важны, однако они носят слишком общий характер, чтобы выполнять роль четко определённых критериев.

Обобщим методологические подходы, используемые исследователями при отборе социально-экономических показателей, рассматриваемых в качестве индикаторов финансовой безопасности. В работах Сенчагова В.К. выделены шесть групп подобных индикаторов, однако принцип их классификации не уточняется (см. табл. 1).

Таблица 1.

Систематизация индикаторов финансовой безопасности государства, предложенных Сенчаговым В.К.

Наименование группы индикаторов	Состав индикаторов
Макрофинансовые	Уровень монетизации экономики, уровень обеспечения денежной массы золотовалютными резервами, достаточность золотовалютных резервов, минимальный (пороговый) уровень золотовалютных резервов, уровень нелегального оттока капиталов, критический уровень изменения реальной процентной ставки по кредитам и депозитам, показатели рентабельности, включающие — рентабельность экономики, рентабельность ключевых отраслей, соотношение рентабельности и уровня процентных ставок
Характеризующие соотношения сбережений и инвестиций	Соотношение сбережений и инвестиций в экономике, структура сбережений в национальной и иностранной валюте, структура сбережений в экономике (по видам инструментов), недоиспользование инвестиций для капитальных вложений
Безопасности банковской деятельности	Отношение совокупных активов банковской системы к ВВП, средние сроки привлечения и размещения кредитов и депозитов, временная структура кредитов и депозитов, иностранная совокупная банковская позиция по отношению к совокупному капиталу банковской системы, динамика доли активов банковского сектора в ВВП по отношению к уровню монетизации экономики, структура ресурсов банковского сектора: корпоративных, населения, межбанковского сектора, собственных средств; доля кредитного портфеля в активах, рентабельность собственного капитала ROE, рентабельность активов ROA, доля «плохих» кредитов (в соответствии с международными стандартами финансовой отчетности) в кредитном портфеле, уровень концентрации банковской системы, зависимость банков от межбанковского кредитования, состояние корпоративных клиентов банковского сектора — динамика прибыли, выручки, внешние обязательства, инвестиции, динамика кредитного и инвестиционного рейтингов
Состояния финансового рынка	Критическое изменение фондового индекса, объем рынка производных финансовых инструментов по отношению к объему рынка первичных финансовых инструментов, доля иностранных портфельных инвестиций в ценные бумаги по отношению к иностранным инвестициям в целом, темпы прироста капитализации фондового рынка по отношению к темпам прироста ВВП, динамика показателя P/E — «кратное прибыли» (в годах окупаемости вложений), доходность государственных ценных бумаг по отношению к темпам роста ВВП, соотношение темпов роста курса доллара в рублях и темпов роста фондового индекса RTS
Ценовые	Уровень инфляции, динамика цен на различные группы товаров и услуг
Касающиеся валютного рынка и курса национальной валюты	Не раскрыты

В коллективной монографии под редакцией Е.А. Олейникова представлена классификация показателей экономической безопасности, часть из которых отражает процессы движения финансовых ресурсов и, следовательно, может быть использована для оценки финансовой безопасности. Следует отметить, что некоторые из этих показателей совпадают или близки к тем, которые были предложены ранее Сенчаговым В.К.

Те же авторы предлагают следующие критерии классификации показателей экономической безопасности:

- уровень объекта экономической безопасности (макроуровень, мезоуровень — регион или отрасль, микроуровень, а также уровень семьи и личности);
- значимость показателей (общие, базовые и частные);
- временной горизонт угроз и их прогнозирования (тактические и стратегические показатели);
- направление воздействия на экономическую систему (внутренние и внешние факторы).

Среди общих макроэкономических показателей, приведённых в коллективной работе под редакцией Е.А. Олейникова, к индикаторам финансовой безопасности, отличающимся от тех, что были предложены Сенчаговым В.К., можно отнести следующие: личные сбережения, норма сбережений (удельный вес личных сбережений в личном располагаемом доходе), соотношение объёма товаров и уровня их денежного обеспечения, дефицит государственного бюджета, размер государственного долга в процентах к ВВП, а также показатели, характеризующие деятельность теневой экономики.

Базовые макроэкономические показатели, представленные в коллективной работе под редакцией Е.А. Олейникова, расширяют систему индикаторов финансовой безопасности, разработанную под руководством Сенчагова В.К. К таким показателям относятся:

- структура собственности — доля государственного и частного секторов (их вклад в ВВП и национальный доход, распределение продукции, предприятий и численности занятых между данными секторами);
- темпы и масштабы приватизации государственных и муниципальных предприятий, а также состояние фондового рынка;
- налоговая система — уровень прямых и косвенных налогов, их структурное распределение, доля прибыли, направляемая на уплату налогов, величина налоговых ставок;
- внешнеторговые тарифы;
- процентная и учётная ставки;
- состояние денежного обращения — темпы роста денежной массы, скорость обращения денежных

агрегатов M0 и M2 в процентах к ВВП, динамика кредитования, а также значения денежного и кредитного мультипликаторов.

Тем не менее, предложенная трёхуровневая система показателей финансовой безопасности позволяет интегрировать индикаторы финансовой безопасности с группами показателей, служащих сигналами о надвигающемся кризисе, а также характеристиками уже сложившегося кризисного состояния. Так, в работе Боткина И.О., Ишмановой М.С. и Виноградовой О.С. была исследована применимость зарубежных моделей выявления предвестников банковских кризисов в условиях российской экономики. Учёными установлено, что при использовании многомерной эконометрической logit-модели, разработанной Демиргюч-Кунт и Детрагиаше, для прогнозирования банковских кризисов в российском контексте наибольшую информативность демонстрируют такие показатели, как: изменение дефлятора ВВП, объём кредитов частному сектору в процентах к ВВП, уровень реальных процентных ставок, соотношение профицита или дефицита государственного бюджета к ВВП, а также доля ликвидных активов в общей структуре банковских активов.

Однако применение альтернативного подхода, предложенного Каминским и Рейнхарт, который заключается в сравнении динамики макроэкономических показателей в периоды, предшествующие кризису, и в стабильное время, выявляет иной набор информативных индикаторов в условиях российской экономики. Среди них: отношение денежной массы M2 к денежной базе, уровень реальных процентных ставок, задолженность резидентов перед банками, объём депозитов, размещённых резидентами, а также изменение объёмов промышленного производства. Стоит отметить, что единственным показателем, демонстрирующим высокую информативность при использовании обоих подходов в российских условиях, является динамика реальных процентных ставок.

Многие российские учёные придерживаются теоретической позиции, согласно которой приближение ключевых показателей финансовой безопасности к критическим (пороговым) значениям свидетельствует о возрастании рисков кризисных явлений в экономике. Среди них — Алтумян А.Г., который на основе анализа отечественных и зарубежных исследований предложил более упрощённую и систематизированную группировку индикаторов, характеризующих финансовую безопасность России:

- 1) уровень инфляции;
- 2) коэффициент монетизации экономики;
- 3) отношение активов банковской системы к ВВП;
- 4) объём золотовалютных резервов;
- 5) капитализация финансового рынка относительно ВВП;

- 6) соотношение внешнего долга (государственного и корпоративного) и ВВП;
- 7) доля иностранной валюты в структуре денежной массы M2.

В исследовании Гавриловой В. показатели финансовой безопасности классифицируются в зависимости от интерпретации самого понятия «финансовая безопасность» и уровней её проявления — государство и экономические субъекты. Так, если рассматривать финансовую безопасность как достижение поставленных целей и защиту базовых интересов, то к основным индикаторам оценки относятся: дефицит федерального бюджета в процентах к ВВП, уровень инфляции, включая социальную инфляцию, а также платежеспособность экономических агентов.

Если же финансовая безопасность понимается как система, обеспечивающая устойчивое экономическое развитие, то на первый план выходят такие показатели, как объём инвестиций в основной капитал, доля государственной собственности в экономике, кредитоспособность хозяйствующих субъектов и степень износа основных фондов.

Трактовка финансовой безопасности как обеспечение независимости и устойчивости структур приводит к акценту на таких характеристиках, как инвестиционная активность экономических агентов.

На наш взгляд, в зависимости от экономической ситуации может изменяться как состав индикаторов финансовой безопасности, так и их относительная значимость. Например, в условиях современного санкционного давления на российскую экономику и ограничения доступа к внешним финансовым рынкам снижается роль таких показателей, как золотовалютные резервы, которые традиционно ассоциируются с возможностью погашения внешнего долга — проблема которого в текущих реалиях утратила свою остроту.

Напротив, возрастает значение индикаторов, отражающих состояние внутренних финансовых источников — таких как резервные фонды государства или доступные финансовые ресурсы населения, что связано с необходимостью усиления внутренней финансовой устойчивости.

Некоторые исследователи предлагают подход к типологии финансовой безопасности, основанный на разнообразии используемых индикаторов. Так, в работе Караниной Е.В. выделены ключевые составляющие финансовой безопасности государства: бюджетная безопасность, налоговая безопасность, устойчивость кредитно-банковской системы, безопасность денежного обращения, инвестиционная безопасность, инфляци-

онно-ценовая стабильность, безопасность страхового и фондового рынков, а также валютная безопасность.

Обобщение позиций различных исследователей позволяет утверждать, что в современной науке сложился общепринятый комплексный подход к формированию системы индикаторов финансовой безопасности. Вместе с тем, реализация такого подхода сталкивается с рядом методологических трудностей, обусловленных включением в состав показателей разнородных групп, а именно:

- количественные и качественные индикаторы;
- абсолютные и относительные значения;
- показатели, дифференцированные по уровням экономики (макроэкономический, мезоэкономический, микроэкономический);
- индикаторы динамики и структуры;
- данные, сгруппированные по отраслям и секторам экономики;
- параметры, охватывающие различные виды рынков;
- показатели, отражающие как внешние, так и внутренние угрозы;
- индикаторы функционирования отдельных финансовых подсистем (налогообложение, денежное обращение, финансовый рынок);
- параметры, характеризующие конкретные экономические процессы (приватизация, инвестиционная деятельность и др.);
- данные по деятельности юридических и физических лиц, включая домохозяйства;
- показатели, описывающие как легальный, так и теневой сектор экономики.

Однако процесс оценки финансовой безопасности не ограничивается лишь отбором соответствующих индикаторов. Наиболее распространённым подходом к решению задачи как на основе анализа их динамики выявлять потенциальные угрозы является определение пороговых, или критических значений индикаторов. При этом подходы к установлению таких границ значительно различаются, что порождает множество методологических интерпретаций.

Однако анализ имеющихся исследований показывает, что применяемые методы определения пороговых значений индикаторов зависят не столько от научного подхода автора, сколько от типа самого показателя. Так, в работах В.К. Сенчагова предлагаются следующие методы установления критических уровней:

1. Метод аналогий — заключается в сравнении с показателями других стран (развитых и развивающихся), а также со значениями данного индикатора в различные исторические периоды развития экономики. Применяется для таких показателей, как уровень монетизации экономики и отношение совокупных активов банковской системы к ВВП;

2. Метод анализа сложившейся практики в России — используется для определения критических значений индикаторов, связанных с золотовалютными резервами, реальными процентными ставками, структурой сбережений в национальной и иностранной валюте, а также для ряда параметров, характеризующих безопасность банковской системы;
3. Метод сравнения индикаторов между собой — применяется к таким показателям, как рентабельность, которая должна превышать уровень инфляции, или объём нелегального оттока капитала, который должен быть ниже сальдо счета текущих операций платежного баланса;
4. Метод сравнения с «идеальной» экономической моделью — используется при оценке индикаторов, связанных со средними сроками привлечения и размещения финансовых ресурсов;
5. Принцип Парето (80/20) — применяется для определения допустимого уровня отношения объема производных финансовых инструментов к объему рынка первичных инструментов.

В исследовании Елизаровой В.В. выделены основные методы определения и обоснования критических значений индикаторов финансовой безопасности:

- нормативный метод — предполагает установление порогового значения на уровне, закреплённом соответствующим нормативным актом, с ориентацией на цели реализуемой макроэкономической политики;
- метод аналогий — основан на использовании значений аналогичных индикаторов в других странах или на воспроизведении показателей за периоды наиболее устойчивого развития экономики государства;
- экспертный метод — заключается в определении пороговых уровней на основе обобщения мнений группы специалистов, что позволяет учитывать как количественные, так и качественные аспекты оценки.

В работе Митякова Е.С. осуществлена систематизация математических методов анализа параметров экономической безопасности применительно к системам различного уровня. Одним из ключевых классификационных критериев выступает наличие пороговых значений индикаторов. Исходя из этого признака, автор выделяет три типа моделей:

- беспороговые — в этих моделях значение индикатора сопоставляется со значением за базовый период или со средним показателем по группе схожих объектов;
- однопороговые — предполагают сравнение текущего значения индикатора с одним установленным пороговым уровнем;

— двухпороговые — предусматривают использование двух критических границ, между которыми определяется зона допустимых, повышенных или критических значений индикатора.

Подводя итог, можно констатировать, что в процессе формирования общепринятого ядра методологического подхода к исследованию национальной финансовой безопасности достигнут определённый прогресс. Основным достижением является признание комплексного подхода к построению системы индикаторов.

Однако остаётся актуальной проблема включения в систему показателей разнородных групп данных, зачастую без должного обоснования и чётких критериев отбора.

Мы разделяем точку зрения Сенчагова В.К., согласно которой необходима официальная стандартизация перечня ключевых показателей, характеризующих уровень финансовой безопасности Российской Федерации. Это позволит обеспечить регулярное проведение систематического мониторинга состояния национальной финансовой безопасности.

В результате проведённого теоретического анализа выявлено, что в области методологии установления пороговых значений также наметились определённые позиции. На сегодняшний день большинство исследований предполагают наличие таких пороговых уровней, хотя и не для всех индикаторов.

Сравнительный анализ различных методических подходов к определению пороговых значений позволил выделить три возможных уровня оценки:

- минимально допустимое значение;
- максимально допустимое значение;
- допустимое отклонение от среднего значения за определённый период.

Несмотря на достигнутые результаты, остаются нерешёнными ряд важных методологических проблем, связанных с пороговыми значениями индикаторов национальной финансовой безопасности:

1. Избирательность и различия в обосновании критериев и соответствующих им пороговых значений — некоторые показатели включаются без достаточной методологической базы;
2. Отсутствие единой методологической основы для выбора как самих критериев отбора показателей, так и критериев оценки угроз финансовой безопасности;
3. Разнообразии подходов и методов оценки пороговых значений у разных индикаторов — при этом выбор того или иного метода, видимо, зависит от типа самого индикатора.

Проведённый сравнительный анализ методологических подходов к оценке национальной финансовой безопасности и выявление актуальных проблемных зон позволяет сформулировать потенциальные направления дальнейшего развития методологии исследования:

1. Внедрение принципов открытости и гибкости в индикативную оценку и мониторинг финансовой безопасности;
2. Рассмотрение национальной финансовой безопасности через призму модели «угроза — уязвимость — последствия», основанной на адаптации подходов, используемых в борьбе с отмыванием

преступных доходов и финансированием терроризма;

3. Разработка единого интегрального индекса финансовой безопасности, аналогично предложению Сенчагова В.К.;
4. Организация регулярного мониторинга изменений в структуре угроз и своевременная их переоценка;
5. Научное обоснование приоритетов и последовательности мер реагирования на выявленные угрозы национальной финансовой безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов С.Г., Горбунова В.С. Определение категории «экономическая безопасность» в научном дискурсе // Экономика: вчера, сегодня, завтра, 2024, №4. — С. 53–59.
2. Боткин И.О., Ишманова М.С., Виноградова О.С. Особенности проявления индикаторов-предвестников банковского кризиса в Российской Федерации // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т.25. вып. 5. С.15–23.
3. Гаврилова В. Стратегия финансовой безопасности в контексте государственного регулирования экономики // Проблемы теории и практики управления. 2014. №11. С.71–78.
4. Елизарова В.В. Место и роль финансовой безопасности в системе обеспечения экономической безопасности России // Экономика, Статистика и Информатика. 2015. №2. С.45–48.
5. Каминский Г.Л., Рейнхарт С.М. Двойные кризисы: причины банковского кризиса и проблемы платежных балансов. 1999.
6. Каранина Е.В. Финансовая безопасность (на уровне государства, региона, организации, личности) — Монография. — Киров: ФГБОУ ВО «ВятГУ», 2015.
7. Митяков Е.С. Разработка математических методов анализа и прогнозирования поведения индикаторов экономической безопасности. Автореферат... к.э.н.08.00.12 — Нижний Новгород, 2012.
8. Шахова Г.Я., Маненок П.Л. Разработка пороговых значений бюджетных индикаторов с учетом мировой практики // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. №15. С. 15–30.
9. Экономическая безопасность России: Общий курс: учебник / под ред. В.К. Сенчагова. — М.: Дело, 2005. С.73.
10. Экономическая безопасность: учебное пособие / под ред. В.А. Богомолова — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013.
11. Экономическая и национальная безопасность: учебник / под ред. Е.А. Олейникова. — М.: Экзамен, 2005.

© Аксенов Сергей Геннадьевич (beregpiya@mail.ru); Абзалов Владислав Радикович (statiya2023@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФИНАНСОВАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ СТРОИТЕЛЬНЫХ КОМПАНИЙ: СОДЕРЖАНИЕ И ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ

FINANCIAL STABILITY OF CONSTRUCTION COMPANIES: CONTENT AND DEFINING ELEMENTS

**S. Aksenov
R. Kaipov**

Summary. The article analyzes the impact of the macroeconomic shock caused by the Covid-19 pandemic on the economic security of construction companies in the Russian Federation. The key threats and challenges faced by the construction industry under quarantine restrictions are considered: a decrease in construction volumes, an increase in the credit burden, an increase in the cost of building materials, a shortage of labor and a drop in demand for real estate. Attention is also paid to changes in legislation, the transition to escrow accounts, as well as government support measures, including mortgage subsidies and regulation of project financing rates. The article highlights the importance of adapting the construction industry to the «new reality» in a changing economic environment.

Keywords: economic security, construction industry, COVID-19 pandemic, 2020 crisis, government support.

Аксенов Сергей Геннадьевич

д-р э.н., профессор,
ФГБОУ ВО Уфимский университет науки и технологий
beregpiya@mail.ru

Каипов Рустам Ахметович

ФГБОУ ВО Уфимский университет науки и технологий
pavel1112w@mail.ru

Аннотация. В статье посвящена анализу влияния макроэкономического шока, вызванного пандемией Covid-19, на экономическую безопасность строительных организаций в Российской Федерации. Рассмотрены ключевые угрозы и вызовы, с которыми столкнулась строительная отрасль в условиях карантинных ограничений: снижение объемов строительства, рост кредитной нагрузки, удорожание стройматериалов, дефицит рабочей силы и падение спроса на недвижимость. Также внимание уделено изменениям в законодательстве, переходу на эскроу-счета, а также мерам государственной поддержки, включая субсидирование ипотеки и регулирование ставок проектного финансирования. Статья подчеркивает важность адаптации строительной отрасли к «новой реальности» в условиях изменяющейся экономической среды.

Ключевые слова: экономическая безопасность, строительная отрасль, пандемия COVID-19, кризис 2020 года, государственная поддержка.

Понятие «безопасность» представляет собой сложную и многогранную категорию, требующую системного подхода, поскольку оно может применяться к различным объектам — в частности, к элементам экономической системы, таким как общество, государство, регионы, отрасли, организации или отдельные индивиды. Значение обеспечения экономической безопасности (ЭБ) на государственном уровне подтверждается тем, что в Российской Федерации была разработана Стратегия экономической безопасности на период до 2030 года. В соответствии с этой стратегией, экономическая безопасность определяется как «состояние защищённости национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором реализуются экономический суверенитет страны, сохраняется целостность её экономического пространства и создаются условия для достижения стратегических национальных приоритетов Российской Федерации».

Разумеется, с учетом вышеизложенного, экономическая безопасность (ЭБ) обладает определенной спецификой в зависимости от уровня или субъекта, для которого необходимо обеспечить указанное «состояние защищенности» [1–3 и др.]. В частности, в отношении строительной организации должны соблюдаться опре-

деленные требования (см. рис. 1). Основной задачей системы экономической безопасности строительной организации является обеспечение ее устойчивого функционирования и создание условий, способствующих достижению поставленных целей. Экономическая безопасность предприятия должна основываться на принципах комплексного и системного подхода, приоритета профилактических мер, непрерывности, законодательной обоснованности, планомерности, экономической эффективности, взаимодействия, профессионализма, а также сочетания открытости и конфиденциальности [11].

Строительная отрасль занимает одну из ключевых позиций в национальной экономике практически любого государства. Она представляет собой сложное и многофункциональное образование. Любые изменения в смежных секторах экономики неизбежно вызывают ответную реакцию рынка, что напрямую отражается на состоянии строительной отрасли. Одной из важнейших черт современного промышленного и строительного секторов является их способность функционировать в условиях угроз экономической безопасности [4]. Исследования в области критериев экономической безопасности на уровне предприятия позволили установить

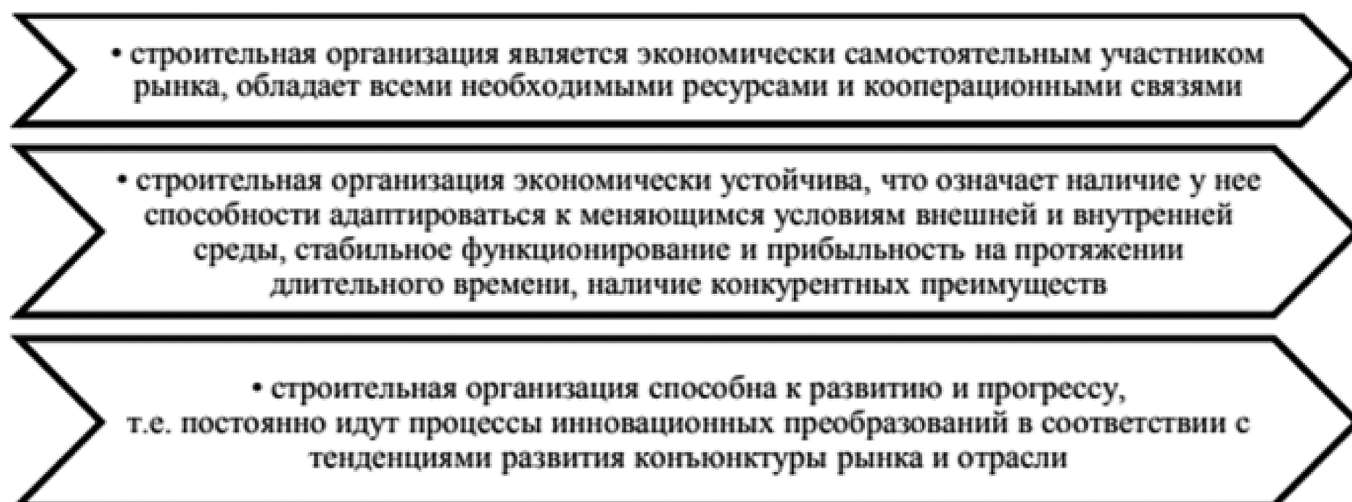

Рис. 1. Требования к экономической безопасности строительной организации

наличие корреляционной зависимости между уровнем экономической безопасности и финансовой устойчивостью организации [5].

Анализ, проведённый экономистами ведущих аналитических центров и агентств, демонстрирует, что различные отрасли по-разному пережили кризис 2020 года, вызванный пандемией Covid-19. По оценкам Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП), промышленное производство пострадало неравномерно: в частности, производители транспортных средств и товаров народного потребления столкнулись с застоем в последние месяцы, тогда как фармацевтические компании и изготовители медицинского оборудования получили определённые выгоды от распространения коронавируса. В новых условиях выигрывают те отрасли, которые смогли адаптироваться к новым форматам — онлайн-торговле, доставке, дистанционному обучению. Среди них — информационные технологии, связь, транспорт и логистика. В то же время проигрывает сектор, связанный с торговыми площадями, поскольку многие компании продолжают работать в удалённом режиме [6].

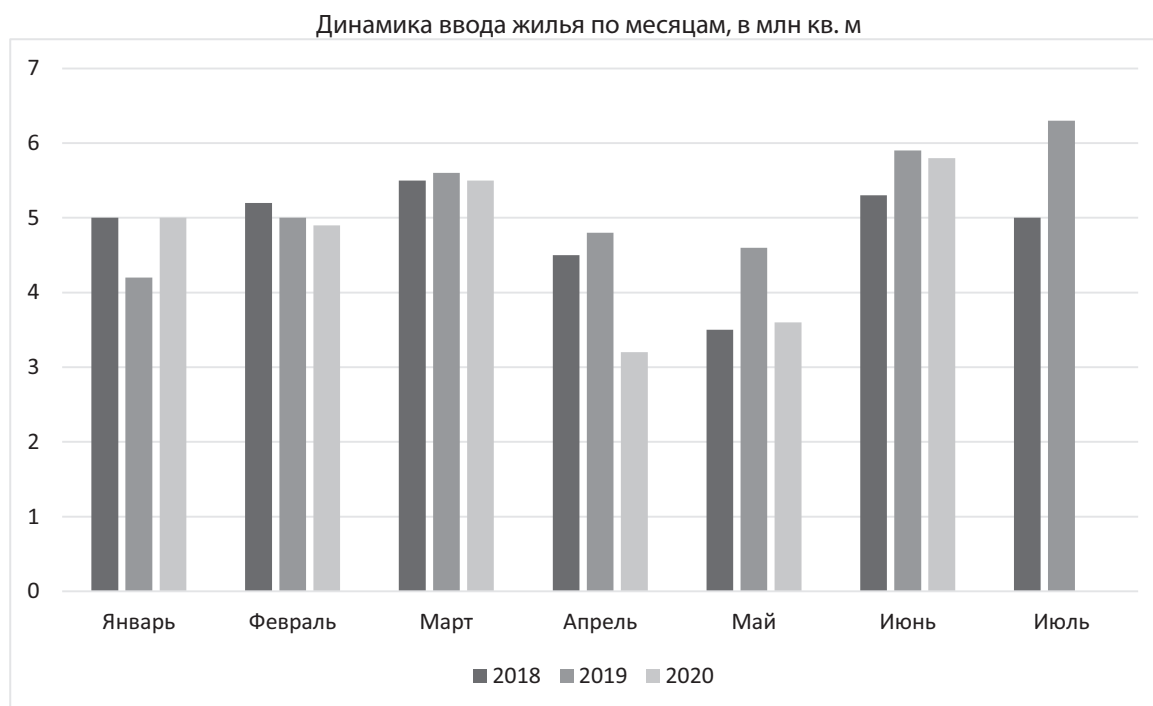
Анализ, выполненный Центром стратегического развития (ЦСР) в рамках специального проекта, в ходе которого исследовалось состояние рынка недвижимости и строительства в условиях пандемии Covid-19 и прочих кризисных факторов, показал, что кризис 2020 года затронул все без исключения строительные компании — из десяти проанализированных, все десять столкнулись с его последствиями. Проведённое исследование выявило не только высокий спрос на меры государственной поддержки, но и трудности в их реализации — 52 % застройщиков отметили увеличение кредитной нагрузки. Помимо замедления темпов ввода нового жилья, наблюдается также снижение общего объёма вводимых площадей. Отставание от показателей ввода жилья по срав-

нению с предыдущим годом фиксируется в России уже пятый месяц подряд. Так, в январе–июне 2020 года в стране было введено 28,0 млн кв. м жилья, что на 7,1 %, или на 2,1 млн кв. м, меньше, чем за аналогичный период 2019 года (см. рис. 2).

Приостановка и «заморозка» строительных проектов оказали негативное влияние на финансовое состояние предприятий отрасли. Расчёты демонстрируют, что налоговая нагрузка находится на втором месте в структуре себестоимости одного квадратного метра жилья. При этом почти половина всех налоговых поступлений в строительной отрасли приходится на НДС и страховые взносы. Очевидно, что в условиях пандемии Covid-19 отрасль пережила серьёзный шок. Если рассматривать инерционный сценарий развития, то прогнозировать долгосрочные перспективы крайне сложно. Однако, как отмечает президент Центра стратегического развития (ЦСР) А. Сеницын, без принятия активных мер государственной поддержки вернуться к тем уровням показателей, которых удалось достичь к концу 2019 года, удастся не ранее чем через четыре года.

Анализ выручки и операционной прибыли предприятий отрасли показывает, что абсолютное большинство компаний — 92 % по выручке и 89 % по прибыли — зафиксировали их снижение и отмечают ухудшение финансового положения. В настоящее время падение спроса является основным препятствием на пути восстановления и развития строительной отрасли. Параллельно наблюдается увеличение кредитной нагрузки на застройщиков, что связано, в частности, с переходом на использование эскроу-счетов, при котором компании вынуждены привлекать заемные средства вместо использования средств дольщиков. Данный механизм пока недостаточно отработан и требует доработки [7]. Более половины — 55 % — опрошенных представителей отрасли сообщают о сокращении численности персонала или уменьшении уровня заработных плат.

Таблица 1.

При сравнении стоимости квадратного метра жилья в докризисный и кризисный периоды доля налоговой нагрузки остаётся неизменной — на уровне 16 %. Это имеет большое значение, поскольку данный показатель превышает такие значимые статьи расходов, как выплаты по кредитам и займам. В условиях, когда государство предпринимает меры для поддержки строительной отрасли, включая стимулирование спроса на жильё, высокая доля налоговой нагрузки в цене квартиры усиливает роль налоговых льгот как важного инструмента стабилизации отрасли. Именно поэтому наиболее востребованными мерами государственной поддержки являются те, которые направлены на снижение налоговой нагрузки (подробный обзор мер господдержки в условиях пандемии представлен в источнике [8]). Для системообразующих и градообразующих предприятий, помимо налоговых отсрочек, важным является предоставление льготных кредитов по ставке 5 %. Малым и средним предприятиям также актуальны меры по снижению процентной ставки до 8,5 %, а также уменьшению совокупной нагрузки по страховым взносам.

НОСТРОЙ (Национальное объединение строителей) при участии НОЗА и Института развития строительной отрасли провёл опрос 290 застройщиков, а также запустил анкетирование среди 9 тысяч подрядчиков. По результатам исследования выявлено, что в значительном числе регионов застройщики и подрядчики сообщают либо об уже произошедшей остановке строительства (22,3 %), либо о вероятности её наступления в ближайшее время (17,3 %). Также были зафиксированы серьёзные трудности, связанные с обеспечением строек

кадрами: 26,4 % опрошенных отметили существенное ухудшение ситуации, ещё 29,5 % — незначительное, но всё же негативное изменение положения.

Отмечается существенное увеличение цен на строительные материалы. При этом в отдельных регионах России рост цен на некоторые категории материалов достигает 15 % и более, что является недопустимым. Особенно это касается материалов, которые производятся внутри страны и не зависят от импортных поставок. Такое повышение стоимости не имеет обоснования и носит спекулятивный характер.

Многие строительные объекты столкнулись с проблемами из-за того, что основную рабочую силу на них составляли граждане из стран ближнего зарубежья. В связи с закрытием границ из-за пандемии Covid-19, рабочих просто не стало. Депутат Мосгордумы С. Митрохин отмечает, что на стройках России трудятся около 200 тыс. иностранных работников. По данным «Института экономики города» (ИЭГ), в строительной и смежных отраслях занято 9 % от общей численности работающих в экономике страны — это около 6,5 млн человек, которые обеспечивают 5 % ВВП (валовая добавленная стоимость составляет 5,5 трлн рублей в год по данным Росстата за 2019 год). Как предполагает исполнительный директор фонда ИЭГ Татьяна Полиди, при снижении спроса на услуги строительных компаний на 10 %, без работы могут остаться 650 тыс. человек.

В данных условиях необходимо не допустить приостановки строительных работ. Уже известно о принятии

значимых мер поддержки для строительной отрасли, включая индустриальную составляющую, субсидирование ипотеки, а также регулирование ставок по проектному финансированию.

Из-за пандемии Covid-19 около 60 % девелоперов, чьи акции или облигации обращаются на бирже, сократили объемы строительства в июле. Аналитики Национального рейтингового агентства (НРА) прогнозируют, что это может привести к снижению прибыли застройщиков и увеличению их долговой нагрузки. Некоторые эксперты считают такие выводы чересчур мрачными. Тем не менее, согласно исследованию Центра стратегических разработок, большинство участников рынка также не ожидают скорого восстановления отрасли: по их оценкам, вернуться к докризисным объемам строительства удастся не ранее 2024 года. В частности, по данным за июль 2020 года, у двух третей публичных застройщиков по сравнению с концом 2019 года снизился объем жилищного строительства, что может привести к падению рентабельности по показателю EBITDA в 2020 году на три процентных пункта — до уровня 16 % [9].

Представленный выше краткий обзор, который не претендует на всеохватность, тем не менее, позволяет сделать однозначный вывод, что макроэкономический шок, вызванный пандемией Covid-19, привел к резкому ухудшению ситуации в строительной отрасли, что негативно сказалось на уровне ЭБ строительных организаций. И это требует принятия энергичных мер, учитывающих «новую реальность» [10].

Фраза «мир никогда не будет прежним» стала своего рода лозунгом 2020 года. Убежденность в том, что мир переживает исключительные события и что впереди глубокие перемены, присутствует у большинства жителей не только нашей страны, но и всего мира. Пандемия и связанные с ней карантинные меры вызвали не только страх, чувство беспомощности и неопределенности будущего, но и серьезный мировой экономический кризис. По прогнозам Международного валютного фонда (МВФ), сокращение мирового ВВП в 2020 году составит 4,9 %. Для сравнения: в 2009 году падение было почти в два раза меньше. В России Министерство экономического развития ожидает снижения ВВП на 4,8 %.

Карантинные ограничения стали одновременно причиной нынешнего кризиса и ключевым фактором, отличающим его от предыдущих экономических спадов. В современной истории ещё не было случаев, когда пандемия приводила к столь глубокой экономической депрессии. Механизм её развития выглядит следующим образом: власти вводят ограничения на деятельность тех сфер бизнеса, где происходит массовое взаимодействие людей — такие как розничная торговля, общепит, пассажирские перевозки и туризм. Компании в этих

отраслях полностью или частично прекращают свою работу, перестают закупать сырьё и материалы, потреблять энергию и топливо, сокращают фонд оплаты труда и увольняют сотрудников. Вследствие этого снижается активность поставщиков этих компаний, и кризисные явления стремительно охватывают всю экономическую систему.

Описанные процессы затронули и рынок недвижимости. Значительная часть коммерческой недвижимости используется для видов бизнеса, требующих прямого взаимодействия с клиентами [11]. В первую очередь пострадали такие сферы, как магазины, рестораны, кинотеатры, спортзалы, торговые центры и гостиницы. В условиях остановки или резкого падения оборотов часть компаний уже обанкротилась, а другие не в состоянии платить арендную плату по прежним ставкам. Хотя большинство ограничений уже снято, рынок продолжает восстанавливаться. Сколько времени это займёт и сколько участников смогут адаптироваться к новым условиям, пока неясно. По данным Росстата, реальные располагаемые доходы населения во втором квартале 2020 года снизились на 8 %, а ВВП упал на 9,6 %. Восстановление будет длительным, и, следовательно, мы вступаем в «новую реальность», где потребуются меньше торговых площадей, гостиниц, офисов и жилых помещений. Снижение спроса на недвижимость неизбежно повлечёт за собой падение цен на неё и замедление темпов в строительной отрасли.

Помимо самого экономического кризиса, карантинные меры привели к значительным изменениям в обществе и в поведении людей. Для рынка недвижимости особенно важны трансформации в образе жизни и потребительских привычках. При этом не столько сами по себе изменения, сколько их глубина и стремительность. Введение ограничений спровоцировало резкий рост удалённой работы — люди, включая преподавателей вузов и школьных учителей, теперь трудятся, совершают покупки, общаются, занимаются спортом с тренерами и даже посещают музеи дистанционно. Пандемия значительно ускорила цифровизацию [12], сделав эти тенденции массовыми. Их влияние стало настолько ощутимым, что они начали затрагивать даже такой консервативный и инертный сектор, как рынок недвижимости.

Арендный рынок, благодаря своей гибкости, первым отреагировал на пандемию снижением цен на 10–20 %. Из-за падения доходов арендаторы уже не могли позволить себе платить за жильё по прежним ставкам. В то же время рынок аренды загородного жилья, напротив, продемонстрировал рост — в некоторых сегментах, особенно премиального уровня, цены выросли в несколько раз. Повысился и интерес к покупке загородной недвижимости, однако рост числа сделок остался умеренным — на уровне десятков процентов. В условиях

снижения доходов населения потенциал спроса ограничен. При этом возможность удалённой работы не смогла компенсировать главный барьер на рынке загородного жилья — слабо развитую инфраструктуру. В таких условиях значительный рост цен возможен лишь в отдельных успешных проектах.

В марте, в самом начале кризиса, наблюдался рост числа сделок по покупке и продаже квартир. Это типичная реакция на девальвацию и ожидание повышения ставок по ипотеке. В таких условиях застройщики активно вели торговую деятельность, постепенно увеличивая цены. Однако этот рост не успел закрепиться — ему помешал введённый карантин. В апреле объём сделок сократился на 44 %. По мере ослабления ограничений рынок стал оживать, а существенную поддержку оказала государственная программа субсидирования кредитных ставок до 6,5 %. Цены на новостройки в крупных городах продолжают расти, тогда как в других регионах динамика разнонаправленная — в одних местах цены растут, в других — снижаются или остаются стабильными.

Таким образом, можно сделать вывод, что макроэкономический шок, вызванный пандемией Covid-19, затронул значительную часть отраслей национальной экономики — некоторые из них даже извлекли определённые выгоды, однако большинство столкнулись с серьёзными потерями. Как именно будет развиваться ситуация, пока

остаётся неясным — многое зависит от глубины экономического спада и темпов восстановления реальных располагаемых доходов населения. Если в 2020 году их снижение составит около 3,8 %, а в 2021-м наметится рост на 2,8 %, то на фоне понижения ключевой ставки и сокращения объёмов строительства цены на квартиры, вероятно, продолжат расти. Однако этот рост может быть неустойчивым и неравномерным по разным регионам страны.

Итогом сложившейся ситуации станет снижение уровня экономической безопасности строительных организаций и постепенный выход с рынка значительного числа компаний. В качестве решения проблемы может выступить государственная поддержка отрасли через прямые инвестиции в жилищное строительство в рамках социальных программ, включая расселение аварийного жилья. По нашему мнению, государственный заказ может быть реализован как на выполнение подрядных работ, так и в форме приобретения готового жилья у застройщиков по установленной минимальной цене с возможностью отсрочки поставки до завершения строительства. Существуют и другие возможные меры поддержки, однако их общая направленность будет единой — усиление роли государства в экономике после многолетней политики рыночного фундаментализма и активное вовлечение институтов господдержки в регулирование рынка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов С.Г., Горбунова В.С. Определение категории «экономическая безопасность» в научном дискурсе // Экономика: вчера, сегодня, завтра, 2024, №4. — С. 53–59.
2. Ковальчук Ю.А., Поляков С.Г., Степнов И.М. Практическое руководство по анализу конкурентной стратегии предприятия. М., 2004.
3. Курбанов А.Х., Порвадов М.Г. Понятийная основа категорий «национальная безопасность» и «экономическая безопасность» государства // Формирование системы материально-технического обеспечения военной организации государства: теория и практика. Сборник статей IV Международной научно-практической конференции. Пермь, 2017. С. 315–321.
4. Плотников В.А. Глобальные проблемы социально-экономического развития и нейтрализации рисков экономической безопасности периода экономического кризиса // Экономика и управление. 2009. № 3.6. С. 12–16.
5. Economic Security of the Russian Construction Complex. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.amazoniainvestiga.info/index.php/amazoni/article/view/989/917> (дата обращения 30.05.2025).
6. Коломыцева О.Ю., Плотников В.А. Специфика обеспечения экономической безопасности предприятий в условиях цифровизации экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 5-1 (119). С. 75–83.
7. Экономика коронакризиса: вызовы и решения: Сб. науч. трудов / под ред. Р.М. Нижегородцева. М.: ООО «НИПКЦ Восход-А», 2020.
8. Коган А.Б., Чаецкий А.А. Анализ эффективности девелоперских проектов, финансируемых с использованием счетов эскроу // Экономический анализ: теория и практика. 2019. Т. 18. № 8 (491). С. 1464–1477.
9. Колпакиди Д.В. Актуальные подходы к развитию регионального туризма // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 5. С. 130–138.
10. Восстановления жилищного рынка придется ждать годами. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ludiiipoteki.ru/news/index/section/mortgage/entry/vosstanovleniya-jilishnogo-ryinka-prividetsya-jdatgodami> (дата обращения 30.05.2025).
11. Боркова Е.А. Организационные аспекты реализации государственной политики устойчивого развития // Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 4. С. 431–444.

АНАЛИЗ НАПРАВЛЕНИЙ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

ANALYSIS OF WAYS TO IMPROVE THE ORGANIZATION OF THE PHYSICAL CULTURE AND SPORTS SYSTEM AT THE REGIONAL LEVEL

**A. Bulokhov
E. Orlova
M. Mikhaylov**

Summary. The article examines the tasks facing the regions in order to achieve the goals set in the State Program «Development of Physical Culture and Sports». The types of participation in public-private partnership in the field of sports are considered. A generalized classification of the stages of sports life is given. The necessity of a differentiated approach to the types of support at different stages of sports training is determined. The direction of further research to improve support for physical culture and sports at the regional level is justified.

Keywords: physical culture, top-level sports, mass sports, public-private partnerships, stages of long-term sports training, sports longevity.

Булохов Александр Михайлович

сотрудник, ФГКВУ ВО Академия ФСО России (г. Орел)
bam-4@yandex.ru

Орлова Екатерина Львовна

к.п.н., сотрудник,
ФГКВУ ВО Академия ФСО России (г. Орел)
e_180@mail.ru

Михайлов Михаил Романович

к.т.н., доцент,
сотрудник, ФГКВУ ВО Академия ФСО России (г. Орел)
mmichailov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются задачи, стоящие перед регионами для достижения целей, поставленных в Государственной программе «Развитие физической культуры и спорта». Рассмотрены виды участия в государственно-частном партнерстве в области спорта. Приведена обобщенная классификация стадий спортивной жизни. Определена необходимость дифференцированного подхода к видам поддержки на разных этапах спортивной подготовки. Обосновано направление дальнейших исследований по совершенствованию поддержки физической культуры и спорта на региональном уровне.

Ключевые слова: физическая культура, спорт высших достижений, массовый спорт, государственно-частное партнерство, этапы многолетней спортивной подготовки, спортивное долголетие.

Динамика социально-культурных процессов, происходящая в последние десятилетия во всех странах мира, оказала существенное влияние на осмысление места физической культуры и спорта в жизни человека, а также на их развитие. Глубокая социально-экономическая трансформация, связанная с переходом к рыночной экономике, деформировала систему личностных ценностей [7, с. 73], привела не только к кардинальному изменению системы отбора и подготовки профессиональных спортсменов, но и затронула организацию физической культуры всего населения страны.

В настоящее время в нашей стране большинство предприятий и организаций, за исключением силовых структур, в которых предполагается физическая подготовка как составная часть служебной подготовки, не имеют задачи стимулирования сотрудников занятиями физической культурой и спортом. В некоторых случаях и в большей степени это является сопутствующей целью, направленной на сокращение периодов временной нетрудоспособности по заболеваниям, и не имеет системного подхода. В советский период времени куль-

турно-досуговая деятельность, в том числе и физкультурная подготовка, возлагалась на ведомственные или производственные структуры: например, в Орле функционировали спортивные комплексы «Сталь» Орловского сталепрокатного завода, «ОРЛЭКС» Орловского завода электронных приборов, ВДСО «Трудовые резервы».

Необходимость преодоления негативных последствий реформ 90-х годов предопределила разработку и реализацию государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» [3], которая в 2025 году получила статус комплексной; Федерального проекта «Спорт — норма жизни», Национального проекта «Демография». Наряду с задачами развития физкультуры и массового спорта, остаётся задача подготовки спортсменов высшей квалификации, способных обеспечить сохранение передовых позиций отечественных спортсменов на международной арене и, в первую очередь, в олимпийских видах спорта. Важным критерием эффективности выполнения программы стал уровень удовлетворенности населения созданными условиями для занятий спортом. До 2030 года пред-

усматривается строительство капитальных спортивных объектов, спортивных площадок и быстровозводимых модульных объектов: бассейнов, залов, катков с искусственным льдом [3].

В связи с этим значительный интерес представляет систематизация основных направлений поддержки физкультуры и спорта на региональном уровне и определение наиболее эффективных решений по их поддержке.

Несмотря на меры государственной поддержки физической культуры и спорта, в регионах сохраняются проблемы их эффективного развития. Первостепенной проблемой, с которой сталкиваются субъекты Российской Федерации, является преодоление разрывов в доступности и качестве спортивных услуг. Инфраструктура многих регионов отстаёт, так как большинство существующих спортивных объектов устарели либо не соответствуют современным стандартам, а в ряде регионов их количество значительно меньше требуемого показателя. В отчёте о ходе реализации Программы за 2024 год указано, что наличие критических отклонений от заданных показателей в ряде регионов связано с недостаточным количеством объектов в регионе и отсутствием финансовых возможностей субъекта РФ [8].

В ряде исследований [6, 13] отмечается, что финансирование является одним из самых сложных вопросов, которые приходится решать при развитии социальной инфраструктуры, физической культуры и спорта. Переход к рынку показал, что, при отсутствии государственной поддержки, абсолютное большинство видов спорта, предлагаемых как коммерческая услуга, недоступно для населения, поскольку имеет высокую себестоимость [14, с. 129]. Наряду с традиционными подходами к классификации видов спорта, появилась ещё одна — разделение на «демократичные» и «элитарные» [2, с. 25]. Не принимая во внимание определённую некорректность термина, критерий, положенный в основу данного разделения, основан на доступности того или иного вида спорта с финансовой точки зрения. В основе другой классификации лежит дифференциация спорта на любительский и профессиональный. В этом контексте, олимпийский спорт изначально является исключительно любительским, однако на современном этапе достижение уровня олимпийского призёра требует от него, его окружения и тренерского состава полной самоотдачи и выхода на профессиональный уровень, что привело к изменению условий допуска на Олимпийские игры [15, с. 143]. Подготовка спортсменов такого уровня является результатом многолетней напряжённой и целенаправленной работы, таким образом, начало спортивной подготовки и завершение активной соревновательной фазы разнесены во времени.

Профессор Л.П. Матвеев предлагает следующую классификацию структуры многолетней подготовки:

стадия базовой подготовки, стадия максимальной реализации спортивных возможностей, стадия спортивного долголетия [5, с. 487]. В соответствии с другой классификацией в процессе многолетней подготовки спортсмена выделяют три возрастных зоны — первых больших успехов; оптимальных возможностей; поддержания высоких результатов. Для различных видов спорта данный показатель имеет разное значение, при этом для разных видов спорта и первое, и второе значение будут различны. Уровень мастерства, оцениваемый спортивными разрядами и званиями, из года в год меняются в сторону их усложнения. Подготовка спортсмена высшей квалификации, наряду с предрасположенностью к тому или иному виду спорта и способностями требует всё более ранней специализированной подготовки. Отмечается, что снижение возраста начала интенсивных тренировок без вреда для детского здоровья требует увеличения сроков подготовки, а также повышения мотивации будущего спортсмена и корректировки плана его подготовки [1, с. 27].

В связи с этим, нам представляется целесообразным объединить эти две классификации и отнести классификацию возрастных зон ко второй стадии, так как периоду первых успехов предшествуют подготовительный период или этап начальной подготовки спортсмена. Важность работы на данном этапе обуславливается задачей подготовки здоровых спортсменов и выстраиванием увеличения нагрузок таким образом, чтобы они не мешали развитию здорового организма [1, с. 26]. Третий этап предполагает фазу спортивного долголетия, связанную с занятиями физической культурой и любительским спортом, который включает в себя также занятия видами спорта, не являвшимися для спортсмена специализацией на этапе высших достижений.

Исходя из данной классификации, представляется целесообразным более подробно рассмотреть региональную структуру организации физической культуры и спорта и определить оптимальные меры их поддержки на разных этапах.

Результаты исследований особенности организации и управления системой физической культуры и спорта на региональном уровне показывают, что с 2021 году в Орловской области функционируют 42 физкультурно-спортивные организации, включающие в себя 37 спортивных школ и пять спортивных школ олимпийского резерва, а также одно училище олимпийского резерва и Центр спортивной подготовки (ЦСП), в которых развиваются 68 видов спорта и спортивных дисциплин, из них 27 — олимпийских [12, с. 136]. Для занятий спортом на открытом воздухе в 2025 году действует 71 спортивная площадка, находящаяся в управлении муниципальных учреждений [9]. Направлениями деятельности спортивных школ являются как развитие физкультуры

и массового спорта, так и развитие спорта высших достижений.

Результаты исследований показывают, что одним из решающих факторов развития массового спорта является его материально-техническая обеспеченность [14, с. 128], однако, наряду с этим, необходима поддержка как тренерского состава, так и проведения соревнований разного уровня или участия в них.

Одним из вариантов поддержки является расширение применения государственно-частного партнерства. В области физической культуры и спорта этот механизм был впервые апробирован за рубежом, а затем начал применяться во многих странах. Один из наиболее ярких примеров его реализации является Олимпиада 2012 года в Лондоне [11, с. 29]. При подготовке к Олимпийским играм в Сочи 2014 года было также привлечено множество частных компаний, которые инвестировали в строительство новых объектов, обновление инфраструктуры и развитие спорта в регионе. Это значительно повысило уровень спортивных возможностей, обеспечив доступ к качественным условиям для тренировок и проведения соревнований после окончания олимпиады жителям региона [10].

На региональном уровне эта модель пока не получила достаточного развития. Частный сектор часто не видит заинтересованности со стороны местных властей и не всегда готов инвестировать средства в инициативы, которые не имеют должной поддержки на региональном или муниципальном уровнях. В качестве примера проектов лучших практик в 2021 году можно привести спортивные объекты в Воронеже, Республике Татарстан, Республике Тыва, Республике Удмуртия с различными видами взаимодействия: государственно-частном, муниципально-частном партнерстве и концессионных соглашениях, в которых доля средств от внебюджетных инвестиций составила от 41 % до 86,9 % [4].

Одним из примеров успешного взаимодействия государства и частных инвесторов является использование многофункциональных комплексов, имеющих как спортивные арены, так и места проживания и питания, которые находятся в шаговой доступности друг от друга, что значительно повышает их привлекательность при выборе места проведения соревнований. В Орле таким примером может служить многофункциональный комплекс «Гринн», в котором традиционно проходят спортивные мероприятия вплоть до федерального уровня по спор-

тивной борьбе, стрельбе из лука, фехтованию, кикбоксингу, рукопашному бою и другим дисциплинам.

Закон о государственно-частном партнерстве ориентирован на развитие инфраструктуры, то есть в первую очередь спортивных объектов [13], однако стоит рассматривать такое взаимодействие при создании физкультурно-спортивных организаций, спортивных клубов и спортивных федераций.

В настоящее время в Орле и Орловской области ведут деятельность организации, в том числе областные, региональные и муниципальные, автономные, общественные, спортивно-общественные организации, которые осуществляют деятельность в соответствии с общероссийским классификатором видов экономической деятельности: кодом 93.12 «Деятельность спортивных клубов» — 40 единиц, кодом 93.19 «Деятельность в области спорта спортивных объектов» — 21 единица. Многие из этих организаций представлены неолимпийскими видами спорта, однако играют важную роль в организации занятий физической культурой и спортом на стадии спортивного долголетия.

Анализ системы физической культуры и спорта на региональном уровне на примере Орловской области показывает, что система её организации на современном этапе развития представляет собой сложную модель, которая представлена как государственными и муниципальными учреждениями, так и спортивными субъектами разных форм организации и владения. Реализация Государственной программы вовлечения граждан в регулярные занятия физической культурой и массовым спортом, повышение уровня физической подготовленности граждан Российской Федерации, повышение доступности объектов спорта [3]. Для достижения поставленных целей необходима не только реализация инфраструктурных проектов, но и поддержка: организационная, информационная, финансовая, объёмы и получатели которой должны гибко варьироваться в зависимости от вида спорта, этапа спортивной подготовки спортсмена, организационно-правовой формы спортивной организации. Следующим этапом исследований предполагается разработка критериев весомости поддержки исходя из доступности видов спорта в условиях региона, уровня участия в государственно-частном или муниципально-частном партнерстве, уровня и этапа спортивной подготовки, возраста спортсмена, применение которых позволит сформировать предложения по решению конкретных задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бороздин, В.Я., Бороздина, О.В. Подходы к повышению эффективности многолетней подготовки спортсменов // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2017. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-povysheniyu-effektivnosti-mnogoletney-podgotovki-sportsmenov> (дата обращения: 30.05.2025).
2. Булохов, А.М., Орлова, Е.Л., Михайлов, М.Р. Анализ мотивации при выборе вида спорта // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. №08/2. С. 24–27
3. Государственная программа «Развитие физической культуры и спорта» Утверждена постановлением Правительства от 30.09.2021 года №1661. Действующая редакция госпрограммы «Развитие физической культуры и спорта» // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. 2025. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/838/events/> (дата обращения 30.05.2025)
4. Комплекс мер «Одно окно». База лучших практик // Министерство спорта Российской Федерации. 2025. URL: <https://minsport.gov.ru/gosprogramma/fed-proect-bp/gchp/odno-okno/> (дата обращения: 30.05.2025).
5. Матвеев, Л.П. Теория и методика физической культуры: учебник. М.: Физкультура и спорт, 1991. 543 с.
6. Мельник, Т.Е. Государственно-частное партнерство в области физической культуры и спорта // Журнал российского права. 2016. № 12 (240). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvenno-chastnoe-partnerstvo-v-oblasti-fizicheskoy-kultury-i-sporta> (дата обращения: 30.05.2025).
7. Михайлова, Ю.П., Михайлов, М.Р. О необходимости разработки актуальной методики определения личностных ценностей современной молодежи // Наука. Культура. Искусство: Актуальные проблемы теории и практики: сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф.: в 4 т. / отв. ред. И.Е. Белогорцева, Ю.В. Бовкунова, С.И. Маматова. 2018. С. 72–77.
8. Отчет о ходе реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» за 2024 год // Официальный сайт Министерства спорта Российской Федерации. 2025. URL: https://storage.minsport.gov.ru/cms-uploads/cms/Otchet_o_hode_realizaczii_gosudarstvennoj_programmy_Rossijskoj_Federaczii_Razvitie_fizicheskoy_kultury_i_sporta_za_2024_god_af914cfabc.pdf (дата обращения: 30.05.2025).
9. Перечень спортивных объектов на территории города Орла, находящихся в оперативном управлении муниципальных учреждений, для подготовки к летнему сезону 2025 года // Официальный сайт администрации города Орла. 2025. URL: <https://docs.google.com/viewer?url=http://www.orel-adm.ru/upload/iblock/c8d/lulq3msa6hwt6346qnz079191qxqftgq/Postanovlenie-po-letney-baze.doc> (дата обращения: 30.05.2025).
10. Погорельый, А.Е., Федосова, Л.П., Федотова, Г.В. Основные направления совершенствования механизма государственного управления развитием физической культуры и спорта // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. №1-2 (95). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyie-napravleniya-sovershenstvovaniya-mehanizma-gosudarstvennogo-upravleniya-razvitiem-fizicheskoy-kultury-i-sporta> (дата обращения: 30.05.2025).
11. Сазонов, В.Е. Особенности реализации проектов государственно-частного партнерства в области спорта // Спорт: экономика, право, управление. 2012. № 3. С. 29–32.
12. Сорокина, Е.В., Догадина, М.Ю. Особенности организации и управления системой физической культуры и спорта в социально-экономических условиях на примере Орловской области // Автономия личности. 2021. №3 (26). С. 135–143
13. Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 N 224-ФЗ (последняя редакция) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/ (дата обращения: 30.05.2025).
14. Хайбуллин, М.И. Использование механизма государственно-частного партнерства в развитии сферы физической культуры и спорта на муниципальном уровне // Известия СПбГЭУ. 2011. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-mehanizma-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva-v-razvitii-sfery-fizicheskoy-kultury-i-sporta-na-munitsipalnom-urovne> (дата обращения: 30.05.2025).
15. Швецов, А.В., Фомин, Ю.А. Профессионализм и любительство в современном олимпийском спорте // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalizm-i-lyubitelstvo-v-sovremennom-olimpijskom-sporte> (дата обращения: 30.05.2025).

© Булохов Александр Михайлович (bam-4@yandex.ru); Орлова Екатерина Львовна (e_l80@mail.ru);
Михайлов Михаил Романович (mmichailov@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ В АГРАРНОЙ СФЕРЕ

USING INTERNET OF THINGS TECHNOLOGIES IN THE AGRICULTURAL SPHERE

**N. Verezubova
O. Yakovleva
A. Savonkina**

Summary. Modern agriculture is going through a period of active digitalization, where the Internet of Things technologies play a key role. The article considers current IoT solutions used in the agro-industrial complex to improve production efficiency. The advantages of implementing IoT in the agricultural sector are analyzed, such as reducing resource costs, increasing crop yields and minimizing environmental impact. Challenges and barriers are also considered, including high initial costs, the need for reliable telecommunications infrastructure and cybersecurity issues. Particular emphasis is placed on the prospects for the development of IoT in agriculture, including integration with other digital technologies.

Keywords: internet of things, precision farming, digital agriculture, Israel, Russia, Russian agro-industrial complex, smart farms, agricultural technologies, digitalization, «smart sensors».

Вerezubova Наталья Афанасьевна

Кандидат экономических наук, доцент,
Московская государственная академия ветеринарной
медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
nvez@mail.ru

Яковлева Ольга Анатольевна

Кандидат сельскохозяйственных наук, доцент,
Московская государственная академия ветеринарной
медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина

Савонкина Анна Романовна

Московская государственная академия ветеринарной
медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина

Аннотация. Современное сельское хозяйство переживает этап активной цифровизации, где ключевую роль играют технологии Интернета вещей. В статье рассматриваются актуальные IoT-решения, применяемые в агропромышленном комплексе для повышения эффективности производства. Анализируются преимущества внедрения IoT в аграрном секторе, такие как снижение ресурсозатрат, повышение урожайности и минимизация экологического воздействия. Также рассматриваются вызовы и барьеры, включая высокие первоначальные затраты, необходимость надежной телекоммуникационной инфраструктуры и вопросы кибербезопасности. Особый акцент делается на перспективах развития IoT в сельском хозяйстве, включая интеграцию с другими цифровыми технологиями.

Ключевые слова: интернет вещей, точное земледелие, цифровое сельское хозяйство, Российский АПК, умные фермы, агротехнологии, цифровизация, «умные сенсоры».

Введение

По оценкам ООН к 2050 году миру потребуется на 70 % больше продовольствия, чем производится сегодня, чтобы прокормить растущее население. Эксперты подчеркивают, что рост спроса на сельхозпродукцию требует внедрения инновационных решений, и технологии Интернета вещей (IoT) могут стать ключом к повышению эффективности агросектора. Благодаря «умному» земледелию появляется возможность автоматизировать процессы в агропромышленном комплексе, увеличить объемы и качество урожая, одновременно сократив производственные затраты.

Интернет вещей (Internet of Things, IoT) — это концепция, предполагающая объединение физических объектов («вещей») в единую цифровую сеть за счет встроенных технологий, позволяющих им взаимодействовать между собой или с окружающей средой.

Зарубежный опыт показывает, какие перспективы открываются перед сельским хозяйством при внедрении IoT. Например, Израиль, где значительная часть территории — пустыня, смог заработать около 2 млрд долларов в 2016 году на экспорте овощей и фруктов благодаря системе точечного орошения (данные The Observatory of Economic Complexity).

Еще один интересный пример — японский проект GuuNo SaaS (в переводе — «шагающая корова»), также известный как Connected Cow. Животных оснащают специальными датчиками, фиксирующими их активность. Собранные данные анализируются в облаке, после чего фермер получает информацию о состоянии скота, выявляет болезни, оптимальное время для осеменения и другие важные показатели. Как сообщает Forbes, к 2017 году эта разработка Fujitsu применялась на 64 фермах в Японии, Корее, Польше, Румынии и Турции.

В 2017 году в Великобритании был получен первый в мире урожай, полностью выращенный роботами. Уче-

ные автоматизировали все этапы — от посева до сбора урожая, доказав, что современные технологии позволяют обходиться без прямого участия человека. В результате с экспериментального поля, где не работал ни один фермер, было собрано 4,5 тонны ячменя.

Таблица 1.

Сравнение эффективности IoT-технологий в сельском хозяйстве России и зарубежных стран

Показатель	Россия	Израиль	США	Япония	Источник данных
Урожайность пшеницы (т/га)	3,2	6,5	3,8	4,0	Росстат, 2024; FAO, 2024
Водопотребление (м ³ /га/год)	800–1200	250	500–700	400–600	Минсельхоз РФ, 2024; OECD, 2023
Доля автоматизированных хозяйств (%)	22	85	65	70	Россельхозбанк, 2023; AgriTech, 2024
Затраты на внедрение IoT (тыс. \$/хозяйство)	25–50	10–20	15–30	20–40	World Bank, 2024; PwC, 2023

Источник: составлено автором по данным [1, 5, 7, 8].

Как отмечают эксперты — агропромышленный комплекс является одной из наиболее перспективных сфер для внедрения технологий IoT. По их прогнозам, в ближайшую пятилетку использование таких решений в аграрном секторе будет стремительно расти.

Особенно востребованными эти технологии становятся в точном земледелии, где данные о состоянии почвы, атмосферных условиях, влажности и других параметрах, поступающие в режиме реального времени, позволяют аграриям оптимизировать сроки посева и уборки урожая. Внедрение IoT открывает новые возможности для повышения качества сельхозпродукции, увеличения продуктивности полей, а также рационального использования ресурсов и снижения производственных издержек. Все это способно кардинально изменить подходы к ведению сельского хозяйства и производству продовольствия в будущем.

Одним из практических примеров применения IoT в агросекторе является интеграция этой технологии с веб-картографическими сервисами (WMS) и службами датчиков (SOS). Такие системы позволяют автоматизировать управление поливом, обеспечивая оптимальный режим орошения сельскохозяйственных культур в зависимости от их потребностей.

Важным аспектом внедрения IoT в растениеводстве является использование данных для прогнозирования и предотвращения рисков. Например, в Ставропольском крае реализуется проект «Умное поле», где сочетание датчиков влажности почвы и спутникового мониторинга позволяет прогнозировать засухи с точностью до 90 %. Система автоматически корректирует график полива и вносит удобрения, что сократило потери урожая пшеницы на 18 % за первый год применения. Аналогичный подход используется в Ростовской области: здесь IoT-платформа «АгроАналитика» интегрирована с дронами, которые сканируют поля на наличие вредителей. Данные обрабатываются алгоритмами ИИ, что позволяет точно применять пестициды, снижая их расход на 25%. Эти примеры демонстрируют, как адаптация зарубежных IoT-решений к местным условиям способна не только повысить эффективность, но и минимизировать экологические риски.

Такой подход особенно актуален для России, где климатическое разнообразие требует гибких технологических решений. Как отмечают в компании «Цифровой агроном», ключевым фактором успеха становится сочетание импортных технологий с отечественными разработками, такими как адаптивные метеостанции, способные работать при температурах до -40°C.

В российских условиях особенности агробизнеса приводят к тому, что передовые технологии в первую очередь внедряются крупными сельхозпредприятиями. Как поясняют эксперты, это обусловлено продолжительными производственными циклами и значительными сроками окупаемости, что ограничивает возможности для масштабных экспериментов с инновациями.

Аграрии вынуждены подходить к нововведениям с особой осторожностью, отдавая предпочтение только тем решениям, эффективность которых уже подтверждена на практике. В данной среде решающим аргументом в пользу внедрения технологии чаще становятся не маркетинговые заверения поставщиков, а реальные успехи коллег, уже опробовавших подобные системы на своих хозяйствах.

Тем не менее, процесс цифровизации сельского хозяйства сталкивается с рядом препятствий. Среди ключевых проблем можно выделить:

- недостаточное покрытие сельскохозяйственных территорий устойчивой связью (требуется расширение телекоммуникационной инфраструктуры);
- дефицит готовых комплексных ИТ-решений, адаптированных к местным условиям;
- нехватку специалистов, обладающих необходимыми навыками работы с современными цифровыми технологиями.

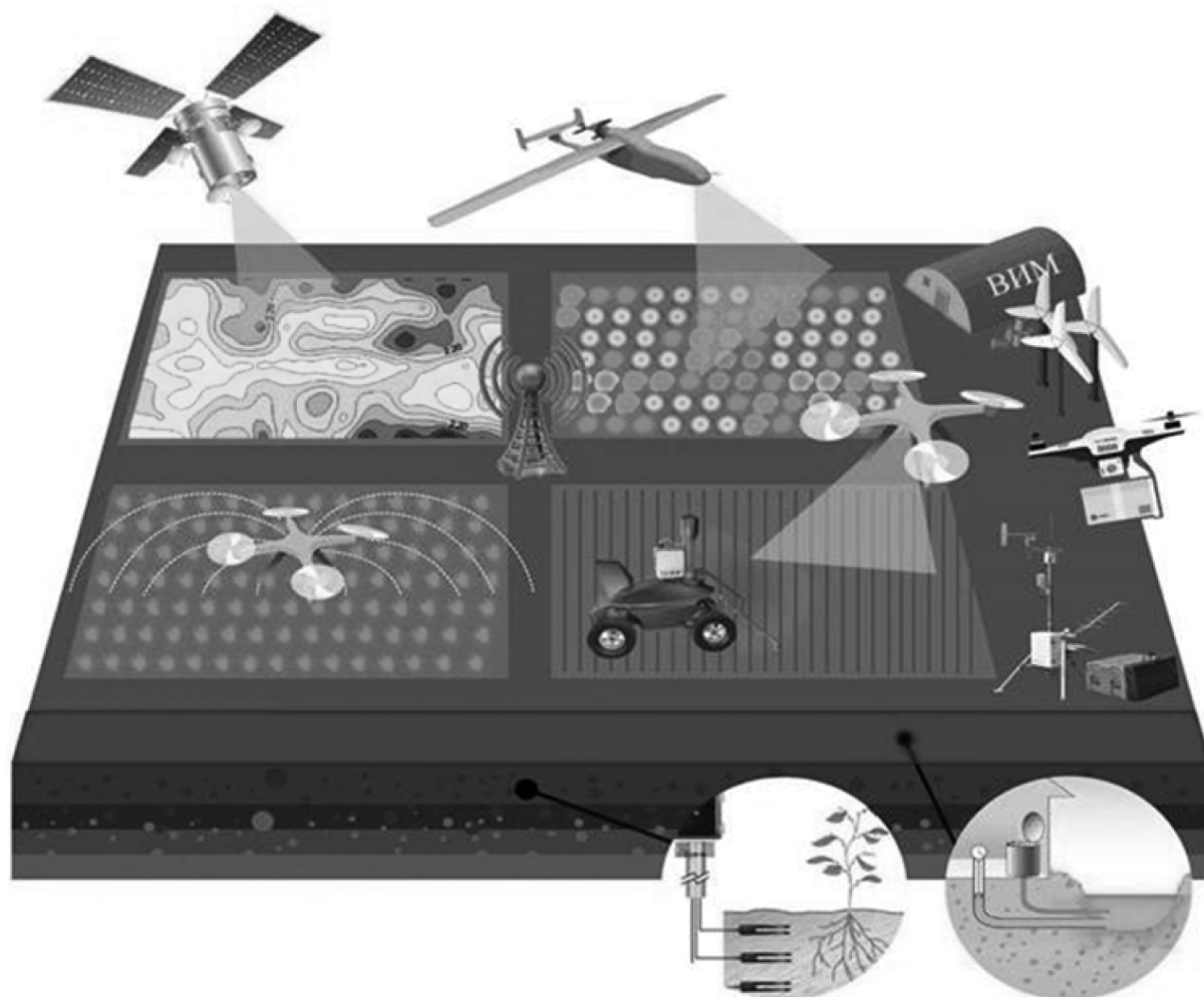

Рис. 1. Умное сельское хозяйство с IoT [3]

Источник: составлено автором по данным [10, 11]

Эти факторы существенно замедляют темпы технологической модернизации отрасли.

Анализ российских исследований [10, 12] показывает, что ключевым ограничением внедрения IoT-технологий в отечественном АПК остается низкая цифровая грамотность сельхозпроизводителей. Как отмечает Кузнецова Е.Л. [11], только 35 % руководителей агропредприятий понимают принципы работы IoT-систем, что значительно ниже показателей европейских стран (75–85 %).

Вместе с тем, как подчеркивают Смирнов Г.О. и Федорова М.К. [12], региональные программы поддержки цифровизации демонстрируют положительную динамику. В частности, в Татарстане и Краснодарском крае внедрение IoT-решений на молочных фермах позволило увеличить продуктивность на 15–20 % за 2 года.

Перспективным направлением, согласно исследованиям Иванова А.С. и Петрова В.Д. [10], является развитие отечественных IoT-платформ, адаптированных к российским климатическим условиям и инфраструктурным

ограничениям. Это позволит сократить сроки окупаемости технологий с 5–7 до 3–4 лет.

Помимо технических и инфраструктурных ограничений, значимым барьером для цифровизации АПК России остается социально-культурный фактор. Многие фермеры, особенно в малых и средних хозяйствах, скептически относятся к внедрению IoT-технологий из-за отсутствия опыта взаимодействия с цифровыми инструментами. Как показывают опросы, проведенные Россельхозбанком — 60 % владельцев небольших агропредприятий считают, что традиционные методы ведения хозяйства «проверены временем» и не требуют модернизации. Это создает замкнутый круг: отсутствие практики использования технологий снижает доверие к их эффективности, что, в свою очередь, замедляет процесс внедрения.

Для преодоления этого барьера необходима системная работа по популяризации цифровых решений. Успешным примером может служить программа «Агроконтракт», запущенная в Белгородской области. В рамках проекта фермеры получают доступ к демонстраци-

Таблица 2.

Проблемы и пути их преодоления при внедрении IoT в российском АПК

Проблема	Описание	Пути решения	Пример реализации
Слабое покрытие связью	Низкая доступность интернета в сельских регионах (35 % территорий).	Развитие спутниковых сетей (проект «Сфера»), строительство базовых станций.	Пилот в Алтайском крае с Starlink (2025 г.).
Отсутствие локализованных ИТ-решений	Импортные системы не адаптированы к климату и инфраструктуре РФ.	Создание отечественных платформ (например, «Цифровое поле»).	Разработка РГАУ-МСХА совместно с «Ростелеком».
Дефицит квалифицированных кадров	Нехватка ИТ-специалистов в АПК (дефицит 78 % в 2024 г.).	Внедрение образовательных программ при вузах, онлайн-курсы для фермеров.	Курсы IoT в МСХА им. Тимирязева.
Высокая стоимость внедрения	Средние затраты на IoT-систему — 2 млн руб. для малых хозяйств.	Субсидии до 50 %, льготное кредитование (программа Минсельхоза «Цифровое село»).	Гранты для фермеров Татарстана (2024 г.).
Низкая цифровая грамотность	40 % сотрудников АПК не имеют базовых навыков работы с ПО.	Образовательные кампании, мастер-классы от ИТ-компаний.	Проект «Агроцифра» (Сколково, 2023 г.).

Источник: составлено автором по данным [2, 4, 6, 9].

онным IoT-системам (датчики влажности почвы, умные кормушки для скота), а также проходят тренинги под руководством ИТ-специалистов. По данным областного Минсельхоза, за первый год реализации программы 120 хозяйств внедрились элементы автоматизации, что повысило их продуктивность в среднем на 12 %. Подобные инициативы не только снижают сопротивление изменениям, но и формируют локальные сообщества «пилотных» пользователей, чей опыт становится ориентиром для других аграриев.

Еще одним перспективным направлением является развитие партнерства между государством, бизнесом и научными учреждениями. Например, в Новосибирской области года действует кластер «АгроТех», объединяющий сельхозпроизводителей, разработчиков ПО (компания «Цифровое поле») и НИИ сельского хозяйства. Совместными усилиями участники кластера адаптируют израильские системы капельного орошения к сибирским климатическим условиям, интегрируя их с отечественными метеодатчиками. Это позволяет снизить стоимость внедрения на 30–40 % по сравнению с зарубежными аналогами.

Вопрос кибербезопасности в системах IoT требует особого внимания. С увеличением количества подключенных устройств растут и риски кибератак, способных парализовать работу сельскохозяйственных предприятий. По данным, предоставленным «Лабораторией Касперского», к 2025 году 22 % агрокомпаний, использующих IoT-технологии, могут столкнуться с попытками взлома. Для снижения этих угроз необходимо разработать специализированные стандарты защиты данных, а также провести обучение сотрудников основам кибергигиены. В этом отношении Татарстан демонстрирует положительный пример с реализацией программы «Агро-Сигнал», которая включает в себя регулярные аудиты

IoT-инфраструктуры и тренинги по вопросам безопасности для работников. Это позволяет повысить уровень защиты и минимизировать риски, связанные с кибератаками.

Выводы

Интеграция технологий Интернета вещей, активно используемых в Израиле, в российское сельское хозяйство открывает новые горизонты развития агропромышленного комплекса. Несмотря на существующие барьеры, Россия обладает огромным потенциалом для масштабного применения этих решений — как в животноводстве, так и в растениеводстве.

Создание условий для эффективного внедрения IoT должно включать:

- расширение программ государственной поддержки;
- инвестиции в цифровую инфраструктуру регионов;
- подготовку специалистов и внедрение образовательных инициатив;
- разработку адаптированных под российские реалии технических решений.

Таким образом, цифровизация сельского хозяйства с применением IoT представляет собой мощный инструмент не только для повышения производительности и устойчивости отрасли, но и для стратегического укрепления продовольственной безопасности России.

В долгосрочной перспективе это обеспечит не только экономическую выгоду, но и качественное улучшение жизни на селе, рост занятости, сокращение миграции из сельских территорий и формирование технологически развитой модели аграрного производства нового поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петракова Н.В. Современные тенденции развития искусственного интеллекта и машинного обучения // Современные тенденции развития аграрной науки. Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Брянский государственный аграрный университет. 2022. С. 759–763.
2. Сарсадских, А.В. Обзор цифровых технологий для внедрения в агропромышленный комплекс России — 2025. URL: <http://apej.ru/article/01-02-25> (дата обращения: 03.05.2025).
3. Седых, В.А. Перспективные направления использования цифровых технологий в сельском хозяйстве / В.А. Седых, А.В. Родионов // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. — 2022. — № 12. — С. 162–165.
4. Хоробрых, А. Цифровизация АПК: актуальное состояние и перспективы развития / А. Хоробрых // Стандарты и качество. — 2021. — № 7. — С. 62–65.
5. Цугленок, О.М. Сельское хозяйство как часть цифровой экономики современного мира / О.М. Цугленок // Эпоха науки. — 2021. — № 28. — С. 257–260.
6. Интернет вещей (IoT) в Умном сельском хозяйстве. URL: <https://www.intelvision.ru/blog/smartfarmblog> (дата обращения: 03.05.2025).
7. Конец ручного управления. Какие цифровые технологии внедряются на животноводческих предприятиях. URL: <https://www.agroinvestor.ru/animal/article/33325-konets-ruchnogo-upravleniya-kakie-tsifrovye-tekhnologii-vnedryayutsya-na-zhivotnovodcheskikh-predpri/> (дата обращения 01.05.2025)
8. Россия будет внедрять израильские технологии в сектор молочного животноводства. URL: <https://www.korovainfo.ru/news/rossiya-budet-vnedryat-izraiskie-tekhnologii-v-sektor-molochnogo-zhivotnovodstva/> (дата обращения: 03.05.2025).
9. Россия имеет невероятный потенциал для внедрения IoT». Как интернет вещей поможет сельскому хозяйству. URL: <https://rb.ru/opinion/rossiya-iot/> (дата обращения: 03.05.2025).
10. Иванов А.С., Петров В.Д. Цифровая трансформация агропромышленного комплекса: проблемы и перспективы // Агропромышленный вестник. — 2023. — №5. — С. 45–52.
11. Кузнецова Е.Л. Интернет вещей в сельском хозяйстве: анализ российского опыта внедрения // Экономика сельского хозяйства России. — 2024. — №2. — С. 33–39.
12. Смирнов Г.О., Федорова М.К. Государственная поддержка цифровизации АПК: региональный аспект // Региональная экономика: теория и практика. — 2023. — №8(515). — С. 1520–1535.

© Верезубова Наталья Афанасьевна (nverez@mail.ru); Яковлева Ольга Анатольевна; Савонкина Анна Романовна
 Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЕМ В КИТАЙСКО-ЗАРУБЕЖНЫХ КООПЕРАТИВНЫХ УНИВЕРСИТЕТАХ НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКО-РОССИЙСКИХ КООПЕРАТИВНЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Ли Цзе

Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена
withinqwert@yandex.ru

RESEARCH OF INNOVATIVE MODELS OF EDUCATION MANAGEMENT IN SINO-FOREIGN COOPERATIVE UNIVERSITIES ON THE EXAMPLE OF SINO-RUSSIAN COOPERATIVE UNIVERSITIES

Li Jie

Summary. The article examines the main trends, challenges and solutions in the field of innovative education management within the framework of cooperative universities operating at the intersection of the Chinese and foreign educational traditions. Special attention is paid to Sino-Russian cooperative universities as a modern phenomenon of integration of educational systems, exchange of best practices and the formation of a new approach to the training of specialists. Examples are given, key problems of the functioning of such institutions are analyzed and promising strategies for their development are proposed.

Keywords: innovation model, management, education, cooperative universities.

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции, вызовы и решения в области инновационного управления образованием в рамках кооперативных университетов, функционирующих на стыке китайской и зарубежной образовательной традиции. Особое внимание уделяется китайско-российским кооперативным университетам как современному феномену интеграции образовательных систем, обмена лучшими практиками и формирования нового подхода к подготовке специалистов. Приводятся примеры, анализируются ключевые проблемы функционирования подобных институтов и предлагаются перспективные стратегии их развития.

Ключевые слова: инновационная модель, управление, образование, кооперативные университеты.

Механизмы интеграции образовательных систем Китая и России привели к появлению уникальных форм взаимодействия — кооперативных университетов, которые способствуют формированию совместных программ, обмену опытом между преподавателями, студентами и исследователями, а также продвижению инновационных моделей управления высшим образованием. Развитие подобного сотрудничества особенно актуально на фоне растущих запросов к качеству образования, необходимости профессиональной мобильности выпускников и содействия транснациональным исследовательским инициативам [5].

Современные китайско-российские кооперативные университеты демонстрируют отход от иерархических, централизованных моделей управления к сетевым и партнерским формам. Успех функционирования таких университетов во многом основан на создании смешанных управляющих структур, где стратегические решения вырабатываются комитетами, включающими представителей обеих стран [8].

Рис. 1. Пример китайского кооперативного университета

Модернизация высшего образования в Китае невозможна без активной интернационализации, о чём свидетельствуют исследования Ли (2015). В последние годы транснациональное образование уверенно заняло позиции одной из ключевых тенденций в системе университетского обучения страны. Этот феномен проявляется в формировании партнёрских инициатив между китайскими и зарубежными вузами с целью развёртывания

совместных образовательных программ и создании новых институтов на территории Китая. Как правило, такие проекты ориентированы на удовлетворение образовательных запросов местных студентов (Государственный совет КНР, 2020).

Особое место в процессе интернационализации занимают университеты, реализующие программы в сотрудничестве с иностранными партнёрами; их роль в развитии современной университетской системы страны сложно переоценить [1]. Интересно отметить, что к июню 2021 года власти одобрили создание и деятельность всего девяти вузов, основанных на принципах китайско-иностранного взаимодействия (Wang, 2021) [1]. Эта цифра отражает не только высокий уровень отбора подобных проектов, но и значимость каждого учреждения для дальнейшего продвижения международной интеграции в области высшего образования.

Ключевой инновацией становится практика совместного стратегического планирования: университеты определяют приоритетные направления подготовки специалистов с учётом международных тенденций, интегрируют стандарты качества обеих государств, формируют смешанные учебные планы и развивают совместные исследовательские лаборатории. В управлении образовательным процессом фокус делается на двустороннем обмене — преподаватели и администраторы проходят совместные программы повышения квалификации, изучают партнерские системы оценки качества, совместно занимаются формированием культуры корпоративной этики и академической честности [1].

Целью исследования является выявление современных особенностей и эффективных подходов к управлению российско-китайскими кооперативными университетами, а также определение факторов, способствующих успешному внедрению инновационных моделей образовательного взаимодействия. В качестве методологической основы используется комплексный подход, который предполагает анализ научной литературы по вопросам международного сотрудничества в высшем образовании, изучение нормативных документов, регламентирующих деятельность совместных образовательных программ, а также рассмотрение конкретных примеров реализации кооперативных проектов между российскими и китайскими вузами. Такой подход позволяет наиболее полно исследовать динамику интеграционных процессов и выработать рекомендации для дальнейшего совершенствования управленческих механизмов в сфере совместного образования.

Научная новизна проведённого исследования проявляется в том, что в рамках работы были не только обнаружены, но и детально описаны современные инновационные практики управления, применяемые

в китайско-российских кооперативных университетах. Впервые был рассмотрен вопрос формирования уникальных управленческих подходов, которые возникли в результате интеграции образовательных моделей России и Китая. В отличие от существующих научных публикаций, где обычно освещаются отдельные аспекты подобного сотрудничества, здесь основной акцент сделан на всестороннем анализе управленческих механизмов именно в совместных вузах. Особенность исследования заключается в комплексном подходе к анализу организационной структуры, распределения управленческих функций, внедрения цифровых инструментов в администрирование и специфики межкультурных коммуникаций внутри академического сообщества. В рамках данной работы удалось впервые проследить, как инновационные управленческие решения способствуют успешной реализации образовательных программ, адаптации административных моделей к требованиям двух национальных систем, а также ускорению процесса интеграции кадрового и студенческого потенциала. Комплексность изучения указанных процессов и систематизация полученных результатов позволили расширить представление о ключевых трендах и перспективах развития совместных университетов, что не получило должного теоретического осмысления в отечественной и зарубежной литературе до настоящего момента.

Исследование инновационной модели управления образованием в китайских и зарубежных кооперативных университетах, на примере китайско-российских образовательных альянсов, приобретает всё большую актуальность на фоне растущей динамики совместных инициатив. Согласно сведениям Министерства образования КНР и данным, опубликованным Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, в 2024 году количество совместных образовательных программ между вузами двух стран достигло более 800 [5], а число студентов, принимающих участие в кооперативных образовательных форматах, превысило 68 тысяч. Эксперты профильных агентств прогнозируют, что к 2025 году ожидается увеличение числа студентов, обучающихся по программам двойных дипломов, до 75 тысяч, а число действующих кооперативных университетских проектов превысит 900. Особенно примечателен рост числа программ с интеграцией цифровых образовательных платформ и активным применением смешанных форм обучения — по данным World Education News + Reviews (WENR), более 60 % новых соглашений включают инновационные элементы в управленческой и образовательной практике.

Успешные модели, реализованные в таких университетах как Московский государственный университет и Пекинский политехнический институт, демонстрируют значительный рост совместных научных публикаций, а также рост востребованности выпускников — по дан-

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

Рис. 2. Московский государственный университет

ным Ассоциации совместных образовательных программ России и Китая уровень трудоустройства таких специалистов превышает 85 % в течение первого года после окончания университета (данные отчёта 2024 года) [4].

Несмотря на существенные достижения, кооперативные университеты сталкиваются с множеством вызовов. Прежде всего, различия в национальных образовательных стандартах ведут к необходимости нивелирования противоречий между нормативными требованиями двух стран. Нередко специалисты отмечают сложности с синхронизацией процедур аккредитации образовательных программ — программы, признанные в Китае, требуют дополнительной валидации в России и наоборот, что увеличивает бюрократическую нагрузку и приводит к затяжным задержкам при запуске новых курсов [2].

Языковой барьер и культурные различия в управлении также оказываются препятствием к эффективному взаимодействию между административными командами университетов. Зачастую коммуникация осложняется ограниченной осведомлённостью участников об образовательных и академических традициях партнёрской стороны. Кроме того, вопрос привлечения и удержания квалифицированных кадров, умеющих работать в межкультурной среде и владеющих двумя языками на достаточном уровне, остаётся крайне острым.

Ещё одной актуальной проблемой является несовершенство правовых механизмов признания двойных дипломов и академических званий. В существующих нормативных актах обеих стран встречаются случаи отсутствия унифицированных критериев оценки качества подготовки, что негативно влияет на карьерные перспективы выпускников [1].

Для минимизации противоречий в нормативных требованиях следует активно использовать модель международной аккредитации, вовлекая независимых экспертов и глобальные образовательные агентства. Такие меры повысят прозрачность и международную сопоставимость образовательных программ. Кроме того, разработка единой информационной платформы управления совместными университетами позволит

централизовать процессы согласования курсов, обмена данными об успеваемости студентов и проведении совместных научных мероприятий [6].

Особое значение приобретает системное развитие профессиональных компетенций управленцев кооперативных вузов: регулярные ошибки и нестыковки в реализации международных программ свидетельствуют о том, что необходимо внедрять двусторонние программы обучения специалистов в области управления и оптимизации образовательных процессов, акцентируя внимание на особенностях партнёрских систем.

Для снижения языкового и культурного барьера следует расширять преподавание специализированных дисциплин на английском языке, интегрировать модульные курсы по межкультурной коммуникации для студентов и сотрудников, а также поддерживать обмены в формате dual-degree. Рекомендуется проводить регулярные межвузовские симпозиумы, где обсуждаются вызовы и особенности совместной работы, чтобы ускорять процесс сближения методик [1].

В перспективе, успешное разрешение обозначенных проблем не только повысит конкурентоспособность кооперативных университетов, но и будет содействовать формированию единого образовательного пространства, ориентированного на потребности быстро меняющейся глобальной экономики. Кроме того, подобные университеты могут стать тестовой площадкой для внедрения цифровых решений, элементов искусственного интеллекта для индивидуализации образовательных траекторий и автоматизации административного оформления процессов.

Рис. 3. Хэйлунцзянский университет (КНР)

Ярким примером продуктивного партнёрства служит Дальневосточный федеральный университет (Рос-

Рис. 4. Shanghai Cooperation Organization University (SCOU)

сия, Владивосток), где успешно реализуется совместная программа с Хэйлунцзянским университетом (КНР). В рамках проекта действует двунациональная команда управления, ведутся программы двойных дипломов, осуществляется регулярный обмен преподавателями, а исследования в области финтеха проводятся на базе совместных лабораторий.

В Шанхае работает Shanghai Cooperation Organization University (SCOU), объединяющий студентов из стран ШОС. Здесь большое внимание уделяется практикам обратной связи с работодателями, результатом чего становится внедрение в учебный процесс персонализированных кейсов и стажировок на предприятиях обеих стран.

Анализ опыта инновационного управления образованием в китайско-российских кооперативных университетах позволяет утверждать, что формирование эффективной модели возможно только на основе гибкого смешения подходов, поиска компромисса между национальными стандартами и учёта уникального межкультурного контекста. Вектор дальнейшего развития лежит в системной цифровизации процессов, повышении квалификации управленцев, активной международной экспертизе образовательных программ и расширении академических свобод студентов. На этом пути университеты решают не только внутренние задачи, но и помогают формировать глобальную инновационную повестку, отвечая на вызовы XXI века.

Завершая рассмотрение вопроса, следует подчеркнуть, что совместные университеты, создаваемые Россией и Китаем, приобретают центральную роль в процессе интеграции образовательных систем двух стран. Благодаря реализации принципов партнерства, развитию межкультурных коммуникаций и внедрению современных цифровых инструментов, такие структуры становятся площадками для формирования инновационных управленческих стратегий. Их функционирование наглядно демонстрирует сдвиг в мировых тенденциях транснационального образования: происходит отход от традиционных иерархических моделей в пользу более адаптивных, сетевых форм организации.

Несмотря на существующие сложности, к числу которых относятся несогласованность нормативных требований, языковые различия и культурные особенности, именно в рамках этих образовательных альянсов вырабатываются эффективные механизмы повышения качества профессиональной подготовки, расширения академических обменов и интенсификации международного сотрудничества между научными и учебными организациями. Продвижение в направлении гармонизации административных процедур, укрепление профессиональных кадров и развитие интегрированных платформ, направленных на совершенствование управления учебным процессом, позволяют обеспечить долгосрочную стабильность и результативность работы кооперативных университетов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван, М.Л. (2021). Исследование совместной разработки дисциплин и образовательных программ в университетах, сотрудничающих с Китаем и зарубежными странами. *China Education News Web*.
2. Каткова Е., Сидоров Д. The Rise of Russia-China International Cooperation in Higher Education // *Proceedings of the 5th International Conference on Education, Language, Art and Inter-cultural Communication (ICELAIC 2018)*, January 2018. — P. 9–12.
3. Минобрнауки РФ. Международное сотрудничество и партнёрство [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://minobrnauki.gov.ru> (дата обращения: 28.06.2025).
4. Мониторинг трудоустройства выпускников вузов. 2024 / Минобрнауки РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mintrud.gov.ru/employment/198?ysclid=mcg73sbct1448708484> (дата обращения: 28.06.2025).
5. Тун, Ин. Русско-китайское высшее образование в контексте «Один пояс и одна дорога» / Ин Тун. — Текст: непосредственный // *Молодой ученый*. — 2020. — № 18 (308). — С. 154–155. — URL: <https://moluch.ru/archive/308/69460/> (дата обращения: 28.06.2025).
6. Чжао, С. (2021). Перспективы китайско-иностранный сотрудничества в сфере высшего образования. *China Education News Web*. Доступно по ссылке: http://www.jyb.cn/rmtzgjyb/202106/t20210617_598667.html (дата обращения: 27.06.2025).
7. Education in China: 2024 Update // *WENR — World Education News + Reviews* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://wenr.wes.org/2024/01/education-in-china-2024-update> (дата обращения: 28.06.2025).
8. Lai M., Jung J. Master's programmes at Sino-foreign cooperative universities in China: An analysis of the neoliberal practices // *Higher Education Quarterly*. — 2023. — Vol. 78, № 1. — P. 236–253. — DOI: <https://doi.org/10.1111/hequ.12456>.

© Ли Цзе (withinqwert@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА ЦИФРОВОЙ РУПИИ ДЛЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ПЕРЕВОДОВ В ИНДИЮ: КОНСЕРВАТИВНЫЙ СЦЕНАРИЙ

ASSESSMENT OF THE ECONOMIC IMPACT OF THE DIGITAL RUPEE FOR CROSS-BORDER TRANSFERS TO INDIA: A CONSERVATIVE SCENARIO

V. Perminov

Summary. The article examines the impact of the introduction of India's central bank digital currency (digital rupee) on lowering the costs of cross-border remittances. The analysis includes a historical overview of the evolution of India's payment systems (from cash dominance to leadership in digitization through UPI), an assessment of drivers (reduction of transaction costs, strengthening the role of the rupee, financial inclusion) and barriers (technological risks, regulatory complexities, the "cash paradox"). The hypothesis that user costs will be reduced by at least 25% by 2030 is tested. A forecast model based on data from the regulator and the World Bank refutes the hypothesis but demonstrates a significant economic effect from the implementation of digital rupee technology.

Keywords: digital currency, financial inclusion, risks, costs, expenses.

Перминов Виктор Александрович

Исследователь, Московский Государственный
Университет им. М.В. Ломоносова
perminov.victor.a@yandex.ru

Аннотация. Статья исследует влияние внедрения цифровой валюты центрального банка Индии (цифровой рупии) на снижение издержек трансграничных переводов. Анализ включает исторический обзор эволюции платежных систем Индии (от доминирования наличных до лидерства в цифровизации через UPI), оценку драйверов (снижение транзакционных издержек, укрепление роли рупии, финансовая инклюзия) и барьеров (технологические риски, регуляторные сложности, «парадокс наличных»). Проверяется гипотеза о сокращении затрат пользователей не менее чем на 25 % к 2030 году. Прогнозная модель, основанная на данных регулятора и Всемирного банка, опровергает гипотезу, но доказывает значимый экономический эффект от внедрения технологии цифровой рупии.

Ключевые слова: цифровая валюта, финансовая инклюзия, риски, издержки, затраты.

Введение

Индия совершила впечатляющую эволюцию платежных систем: от доминирования наличных в 1980-х до лидерства в цифровых инновациях. Запуск цифровой рупии (₹) Резервным банком Индии (РБИ) в 2022 году стал стратегическим шагом для трансформации финансового сектора, особенно в сфере трансграничных расчетов, где страна — крупнейший в мире получатель международных переводов (\$125 млрд в 2023 г.). В исследовании анализируются драйверы (снижение затрат, продвижение рупии в БРИКС+, финансовая инклюзия) и барьеры (технологические, регуляторные, социальные) внедрения цифровой валюты центрального банка, а также предлагает количественную оценку и ожидаемые эффекты от внедрения цифровой рупии. Сформулируем проверяемую в исследовании гипотезу (H1) следующим образом: «Внедрение цифровой рупии для трансграничных расчетов позволит снизить общие издержки пользователей на денежные переводы в Индию не менее чем на 25 % к 2030 году по сравнению со сценарием без цифровой рупии».

Эволюция платежных систем Индии

Развитие платежных технологий в Индии представляет собой впечатляющий путь от доминирования наличных денег до 80-х годов XX века к неформальному статусу глобального лидера в области цифровых инноваций. В начале 1980-х годов финансовая система страны характеризовалась высокой зависимостью от физической валюты и чеков, ограниченным доступом к банковским услугам, особенно в сельской местности, и ручной обработкой большинства операций. Однако растущие потребности экономики и населения, а также технологический прогресс стали катализаторами глубинной трансформации сектора. Ключевую роль в этом процессе сыграла активная позиция правительства и Резервного банка Индии (РБИ), последовательно инициировавших и поддерживавших создание критически важной инфраструктуры и систем.

Период конца XX века характеризовался постепенным отходом от исключительно ручных операций и бумажного документооборота. Ключевым драйвером изменений стала автоматизация обработки чеков.

Внедрение технологии MICR (Magnetic Ink Character Recognition) в конце 1980-х годов (пилотные проекты начались в 1986–1987 гг., массовое внедрение в крупных центрах — к концу 1990-х) позволило машиночитаемо кодировать информацию на чеках, что значительно ускорило и повысило точность клиринговых процессов по сравнению с ручной сортировкой [21, с. 342].

Параллельно происходило внедрение первых банкоматов (ATMs). Первый банкомат в Индии был установлен HSBC в Мумбаи в 1987 году [5]. Однако их распространение в 1990-е годы шло медленно из-за высокой стоимости оборудования, ограниченной телекоммуникационной инфраструктуры (особенно за пределами крупных городов) и отсутствия единых сетей. К концу 1990-х годов количество банкоматов в стране составляло лишь несколько сотен, и они использовались преимущественно для снятия наличных держателями дебетовых карт [4, с. 310]. Платежные карты (дебетовые и, в меньшей степени, кредитные) начали появляться, но оставались нишевым продуктом, доступным в основном состоятельным клиентам крупных городов и сотрудникам корпораций [6, с. 10].

Первое десятилетие XXI века стало периодом значительного ускорения цифровизации платежей в Индии, характеризовавшимся созданием критически важной национальной инфраструктуры и систем. Ключевым фундаментом стал переход банков на платформы Core Banking Solutions (CBS). К середине 2000-х годов крупные банки завершили внедрение CBS. Система позволяла клиентам получать услуги не только в любом отделении своего банка, но и через первые интернет-банкинг-порталы [12, с. 178].

В это десятилетие РБИ запустил целый ряд систем, которые сыграли значимую роль в трансформации межбанковских расчетов Индии [15, с. 64], [13, с. 42]:

- 1) RTGS (Real Time Gross Settlement): запущенная в марте 2004 года система обеспечила валовые расчеты в режиме реального времени для «объемных» транзакций (от 100 тыс. инд. рупий, позже снижен), значительно сократив риски и повысив эффективность крупных платежей;
- 2) NEFT (National Electronic Funds Transfer): введенная в ноябре 2005 года как развитие более ранней системы EFT, NEFT предоставила надежный механизм для неттинговых переводов любых сумм через дневные пакетные сессии. Стала популярным инструментом для розничных и бизнес-платежей;
- 3) развивались электронные клиринговые системы (ECS) для проведения массовых платежей (зарплаты, коммунальные платежи, иные выплаты);
- 4) появились первые мобильные банковские сервисы на базе SMS и USSD, предлагавшие базовые функции (проверка баланса, мини-выписки), хотя их использование оставалось ограниченным.

Для развития розничных платежей РБИ в 2008 году способствовал созданию Национальной платежной корпорации Индии (NPCI) как некоммерческой организации под эгидой банковского консорциума [2], [4, с. 310]. NPCI быстро взяла на себя управление существующими системами (NEFT, позже RTGS) и начала разработку новых стандартов, став центральным элементом платежной инфраструктуры.

Несмотря на прогресс, сохранялись существенные ограничения: указанные системы оставались технологически неудобными и неготовыми к использованию на уровне массового пользователя. Проникновение интернета оставалось на низком уровне, особенно в сельской местности. Доминирование наличных денег в розничных транзакциях оставалось практически безраздельным [22, с. 226]. Тем не менее, создание NPCI и запуск ключевых электронных систем заложили необходимую основу для революционных изменений следующего десятилетия.

Второе десятилетие XXI века стало эпохой беспрецедентной революции в платежной сфере Индии, которая была обусловлена технологическим прорывом, государственными инициативами и шоковым событием для экономики.

Запущенная в 2010 году система IMPS (Immediate Payment Service) стала первым в Индии механизмом мгновенных (24/7) межбанковских платежей через мобильные устройства и интернет [17, с. 45].

Возвращаясь к успехам правительства Индии, необходимо отметить разработку и внедрение двух масштабных программ — Pradhan Mantri Jan Dhan Yojana, PMJDY 2014 (нацелена на открытие банковских счетов, преимущественно для населения, ранее не охваченного банковскими услугами) [1] и интеграцию Aadhaar (универсального биометрического ID) с банковскими счетами через AEPS (Aadhaar Enabled Payment System) [10, с. 98].

Настоящим шоком для финансовой системы стала демонетизация, проведенная в ноябре 2016 года. Из оборота изымались купюры номиналом 500 и 1000 инд рупий, которые составляли около 80 % общей денежной массы в Индии. Это вынудило пользователей (как физических, так и юридических лиц) искать альтернативы, что резко повысило спрос на цифровые решения [25, с. 5].

В этом контексте запуск системы Unified Payments Interface (UPI — аналог российской Системы быстрых платежей) в апреле 2016 года оказался революционным. UPI предложил единый интерфейс для всех банков, мгновенные переводы 24/7 по VPA (Virtual Payment Address) и открытую API-архитектуру, позволившую сторонним приложениям (TPAP — PhonePe, Google Pay, Paytm, BHIM)

создавать удобные интерфейсы поверх банковской инфраструктуры [9, с. 147], [15, с. 64]. К 2023 году Индия стала мировым лидером по числу электронных транзакций — более 10 млрд платежей за 1 месяц [19], [34, с. 38]. В то же время, уровень проникновения технологий был ниже ожидаемого — расчеты наличными деньгами оставались более востребованными в сельских районах менее развитых штатов Индии, составляя до 80 % всех платежей [26].

Платежная экосистема Индии в текущем десятилетии достигла стадии зрелости, характеризуясь доминированием UPI. Система продолжает демонстрировать стабильный рост, обрабатывая свыше 11 млрд транзакций ежемесячно (на начало 2024 г.) [16, с. 28]. Расширяется функционал: внедрены UPI Lite (офлайн-микрорплатежи), UPI 123Pay (платежи без интернета), Credit Line on UPI (интеграция кредитных продуктов) и пилоты UPI для международных платежей (например, с Сингапуром) [18, с. 51].

Центральным стратегическим проектом десятилетия является цифровая валюта центрального банка (ЦВЦБ) — Цифровая рупия (e₹), разрабатываемая Резервным банком Индии [7, с. 51]. Ее внедрение осуществляется поэтапно — оптовый пилот (e₹-W) запущен 1 ноября 2022 года (расчеты на межбанковском рынке и рынке государственных ценных бумаг), тогда как розничный проект (e₹-R) был запущен 1 декабря 2022 года и был доступен ограниченному кругу банков и пользователей, но к концу 2023 года охватывал 13 банков, более 25 городов и более 1,3 млн пользователей.

Драйверы и ограничения внедрения цифровой рупии в Индии

На сегодняшний день выделяется целый ряд драйверов (пп. 1–4) и барьеров (пп. 5–7), которые стоят перед проектом ЦВЦБ Индии.

1. Снижение транзакционных издержек. Ожидается, что e₹ существенно сократит затраты на проведение платежей на всех уровнях. Внутри страны это означает снижение огромных расходов, связанных с эмиссией, транспортировкой, хранением и обработкой физических наличных денег, которые RBI оценивает в 0,5 % ВВП ежегодно [11, с. 45]. e₹ устраняет эти издержки. Для трансграничных операций, где Индия является крупнейшим получателем денежных переводов (\$125 млрд в 2023 г.) [8], e₹ может снизить комиссии, которые составляют в среднем 5–7 %, за счет исключения многочисленных посредников (корреспондентские банки, системы типа SWIFT) и обеспечения прямых P2P-расчетов на блокчейне.
2. Укрепление международной роли рупии и поддержка ВЭД: e₹ является ключевым инструментом стратегии RBI по продвижению индийской рупии на мировой арене. Ее текущая доля в глобальных расчетах минимальна (<1 %) [24]. e₹, предлагая быстрые, дешевые и безопасные расчеты, призвана повысить привлекательность рупии для международных партнеров, особенно в рамках инициатив БРИКС+ по дедолларизации и расчетам в национальных валютах.
3. Повышение финансовой инклюзии: несмотря на успехи UPI, значительная часть населения (особенно в сельской местности) остается слабо охваченной цифровыми услугами. e₹ обладает потенциалом предоставить доступ к цифровым деньгам без обязательного наличия полного банковского счета, используя упрощенные кошельки. Это критично для интеграции в финансовую систему групп населения с ограниченным доступом к технологиям.
4. Стимулирование инноваций в финансовом секторе [20, с. 15]: e₹ позиционируется не просто как цифровой аналог наличных, но и как платформа для финансовых инноваций. Поддержка смарт-контрактов позволит автоматизировать сложные процессы: от торгового финансирования (автоматическая оплата при поставке товара) до микроплатежей в интернете вещей (IoT).
5. Технологические требования и инфраструктура: критической задачей является обеспечение высокой производительности и масштабируемости системы, способной обрабатывать миллиарды транзакций ежедневно (как UPI). Устойчивость тестируемых гибридных распределенных реестров под пиковыми нагрузками и их долгосрочная эффективность остаются под вопросом [19, с. 62]. Офлайн-функциональность, необходимая для миллионов жителей сельских районов с нестабильным интернетом, представляет особую сложность с точки зрения безопасности (риск «двойного расходования»).
6. Регуляторные и правовые барьеры: статус e₹ требует четкого определения в законодательстве (аналогично наличным и безналичным деньгам), включая вопросы налогообложения и законного платежного средства. Соответствие строгому Закону о защите цифровых персональных данных (DPDPA, 2023) требует разработки механизмов баланса между конфиденциальностью пользователей (особенно для мелких транзакций) и необходимостью контроля со стороны регулятора и правоохранительных органов для процедур AML/CFT.
7. Социальные и экономические риски: глубоко укоренившаяся привычка к наличным деньгам остается главным социальным барьером. Несмотря на успех UPI, наличные доминируют в розничных транзакциях, особенно среди пожилых, сельского

населения и для мелких покупок. Преодоление этого «парадокса наличных» требует не только технологического удобства е₹, но и масштабных кампаний по изменению поведенческих привычек населения.

Оценка влияния цифровой рупии на издержки трансграничных переводов

Для верификации гипотезы (H1) о снижении издержек пользователей на трансграничные переводы в Индию не менее чем на 25 % к 2030 году посредством внедрения цифровой рупии (е₹) был проведен аналитико-количественный прогноз. В основе модели лежат следующие допущения, основанные на данных Резервного банка Индии и Всемирного банка:

Таблица 1.

Базовые и прогнозные параметры

Базовые параметры (2023)		Прогнозные параметры (2030)	
Объем денежных переводов	\$125 млрд (World Bank, 2023)	Рост объема переводов	5 % годовых
Средняя комиссия	6,4% (Remittance Prices Worldwide)	Доля е₹ в трансграничных переводах	30 % (консервативная оценка РБИ)
Общие издержки	\$8,0 млрд (6,4%)	Снижение комиссии для е₹	60 % (от базового уровня)
		Комиссия для традиционных каналов	6.4 % (неизменна)

Источник: создано по расчетам автора и отчетам РБИ и Всемирного банка.

Как следует из Таблицы 2, в рамках имеющегося консервативного сценария внедрения ЦВЦБ в международные расчеты снижение издержек ожидается на уровне около 20 %, что опровергает проверяемую гипотезу (H1). В то же время, консервативный прогноз доказывает состоятельность текущих планов и реальную выгоду от внедрения ЦВЦБ в цепочку международных платежей.

Таблица 2.

Прогноз снижения издержек при внедрении цифровой рупии

Показатель	2023 (факт)	2030 (без е₹)	2030 (с е₹)	Δ (2030 vs без е₹)
Объем переводов, млрд \$	125,0	175,9	175,9	0
Доля переводов через е₹, %	0	0	30	+30 п.п.
Средняя комиссия (е₹ канал), %	–	–	2,56	–60,0 %
Средняя комиссия (традиц. канал), %	6,40	6,40	6,40	0,0 %
Общие издержки пользователей, млрд \$	8,00	11,26	9,20	–2,06 (–18,3 %)
Средневзвешенная комиссия, %	6,40	6,40	5,23	–1,17 п.п. (–18,3 %)

Источник: создано по расчетам автора на основе данных РБИ, Всемирного банка и БМР.

Заключение

Несмотря на технологический прорыв Индии в платежной сфере (UPI, IMPS), гипотеза о 25 %-ном снижении издержек трансграничных переводов благодаря е₹ к 2030 г. не подтверждается. Консервативный прогноз показывает сокращение затрат лишь на 18,3 %. Однако даже этот результат доказывает экономическую целесообразность ЦВЦБ: интеграция е₹ в международные расчеты способна сэкономить пользователям \$2,06 млрд ежегодно. Для достижения больших показателей требуется преодоление ключевых барьеров — технологических, регуляторных и социальных.

Цифровая рупия остается перспективным инструментом для укрепления глобальной роли рупии и развития финансовой инфраструктуры БРИКС+, но ее успех зависит от системной работы РБИ и правительства по устранению выявленных ограничений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Aadhaar Enabled Payment System (AEPS) [Электронный ресурс] // Unique Identification Authority of India. — URL: <https://uidai.gov.in/> (дата обращения: 01.06.2025).
2. About Us — Journey [Электронный ресурс] // National Payments Corporation of India. — URL: <https://www.npci.org.in/About-Us/journey> (дата обращения: 01.06.2025).
3. Annual Report 1999–2000 / Reserve Bank of India. — Mumbai: RBI, 2000. — 285 p.
4. Annual Report 2008–2009 / Reserve Bank of India. — Mumbai: RBI, 2009. — 310 p.
5. ATM@30: How the cash dispenser changed banking // The Hindu BusinessLine. — 2017. — 27 June. — URL: <https://www.thehindubusinessline.com/money-and-banking/atm30-how-the-cash-dispenser-changed-banking/article9788347.ece> (дата обращения: 01.06.2025).
6. Balachandher K.G., Santha V., Norhazlin I. Banking Technology: A Case Study of India // Journal of Internet Banking and Commerce. — 2001. — Vol. 6, № 2. — P. 1–15.
7. Concept Note on Central Bank Digital Currency (CBDC) / Reserve Bank of India. — Mumbai: RBI, 2022. — 51 p.

8. Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER) / International Monetary Fund. — Washington, DC: IMF, 2023. — Стат. дан.
9. Ghosh S. How India's Unified Payments Interface (UPI) has Revolutionized Digital Payments // Journal of Payments Strategy & Systems. — 2021. — Vol. 15, № 2. — P. 142–155.
10. India Development Update: Unleashing India's Potential / World Bank. — Washington, DC: World Bank, 2017. — 98 p.
11. Migration and Development Brief 39 / World Bank. — Washington, DC: World Bank, 2023. — 45 p.
12. Patric G. Technology in Banking: The Indian Experience. — Hyderabad: ICFAI University Press, 2010. — 178 p.
13. Payment and Settlement Systems Act, 2007 — Background / Reserve Bank of India. — Mumbai: RBI, 2005. — 42 p.
14. Payment Systems in India / Bank for International Settlements, Committee on Payment and Settlement Systems. — Basel: BIS, 2012. — 85 p. — (CPSS Publications; № 104).
15. Payment Systems in India: Vision 2025 / Reserve Bank of India. — Mumbai: RBI, 2023. — 64 p.
16. Payments Vision 2025 / Reserve Bank of India. — Mumbai: RBI, 2023. — 28 p.
17. PM Jan Dhan Yojana — Achievements Report / Ministry of Finance, Government of India. — New Delhi: MoF, 2023. — 45 p.
18. Press Release: 2022–2023/1048 — Concept Note on Central Bank Digital Currency (CBDC) / Reserve Bank of India. — Mumbai: RBI, 2022. — 31 Oct. — 51 p.
19. Project Tourbillon: Security and privacy of retail CBDC / BIS Innovation Hub. — Basel: BIS, 2023. — 62 p.
20. Rabi Sankar T. (Deputy Governor, RBI). Central Bank Digital Currency — Is This the Future of Money?: [Доклад]. — July 2023. — 15 p.
21. Reddy Y. V. Lectures on Economic and Financial Sector Reforms in India. — Oxford: Oxford University Press, 2002. — 342 p.
22. Report of the Committee on Financial Inclusion / Chairman C. Rangarajan. — New Delhi: Government of India, 2008. — 226 p.
23. Survey on Retail Payment Habits of Individuals (SRPHi) 2022 / Reserve Bank of India. — Mumbai: RBI, 2022. — 41 p.
24. Survey on Retail Payment Habits of Individuals (SRPHi) / Reserve Bank of India. — Mumbai: RBI, 2019. — 38 p.
25. Unified Payments Interface (UPI) — Launch Press Release / National Payments Corporation of India. — Mumbai: NPCI, 2016. — 5 p.
26. UPI Product Statistics (January 2024) / National Payments Corporation of India. — Mumbai: NPCI, 2024. — Стат. бюл.
27. UPI Product Statistics / National Payments Corporation of India. — Mumbai: NPCI, 2023. — Стат. бюл.

© Перминов Виктор Александрович (perminov.victor.a@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КРАУДЭКОСИСТЕМА КАК РЕЗУЛЬТАТ РАЗВИТИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПЛАТФОРМ

Степанова Софья Сергеевна

Аспирант, Российская академия народного хозяйства
и Государственной службы
при Президенте Российской Федерации
rudikovasofia@gmail.com

CROWDECOSYSTEM AS A RESULT OF INVESTMENT PLATFORM DEVELOPMENT

S. Stepanova

Summary. The crowdecosystem, or crowdfunding ecosystem, evolution based on the principles of collective financing demonstrates a consistent development from simple forms to more complex and regulated types of financing. The crowdfunding ecosystem appears as a complex system, the evolution of which is determined by the interaction of technological, economic, social and cultural factors, which emphasizes the need for a comprehensive approach to its analysis, regulation and development. Understanding the elements of the crowdecosystem will create a theoretical and practical foundation for the development of the crowdfunding industry.

Keywords: crowdfunding, financial market, crowdecosystem, crowdfunding ecosystem, investment platform.

Аннотация. Эволюция краудэко системы, опирающейся на принципы коллективного финансирования, демонстрирует последовательное развитие от простых форм к более сложным и регулируемым типам финансирования. Краудэко система предстает как комплексная система, эволюция которой определяется взаимодействием технологических, экономических, социальных и культурных факторов, что подчеркивает необходимость комплексного подхода к ее анализу, регулированию и развитию. Понимание элементов краудэко системы создаст теоретический и практический фундамент для развития краудотрасли.

Ключевые слова: краудфандинг, финансовый рынок, краудэко система, инвестиционная платформа.

Введение

В эпоху цифровой трансформации финансовых рынков и растущей значимости малого и среднего предпринимательства, краудфандинг зарекомендовал себя как эффективный и динамично развивающийся инструмент привлечения капитала. Краудфандинг представляет собой форму коллективного финансирования проектов широким кругом лиц на возвратной или безвозвратной основе [3, 7].

Исторически концепция коллективного сбора денежных средств существовала задолго до появления Интернета, однако именно развитие цифровых технологий и социальных сетей придало краудфандингу современный вид через создание инвестиционных платформ. В настоящее время краудфандинг существует в разных видах — от пожертвований на социальные проекты и вознаграждений за поддержку творческих инициатив до предоставления займов и долевого участия в бизнесе [6]. Последние, более сложные формы краудфандинга законодательно регулируются во многих странах, где этот инструмент существует. В России деятельность этого сектора регулируется Федеральным законом от 02.08.2019 №259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон №259-ФЗ) [4].

Разнообразие форм краудфандинга появилось не сразу, инвестиционные платформы проходят путь развития, который сопровождается качественными и количественными изменениями как самой краудплатформы, так и всего сектора рынка. За более чем 20 лет инструмент коллективных инвестиций эволюционировал от безвозмездного сбора денег на проект до использования новейших технологий распределенных реестров для реализации крупных проектов с тысячами инвесторов.

Таким образом, цифровые платформы, или краудплатформы представляют собой не только сложное, многогранное явление, но и в том числе «новый общественный институт, который становится нам все привычнее и незаметнее в жизни, сокращая ряд издержек, включая временные и финансовые» [1].

Основные результаты

В настоящее время инвестиционная платформа не существует сама по себе, она приобрела форму краудэко системы с множеством элементов, позволяющих инструменту эффективно функционировать. Дадим развернутое, широкое определение этому понятию.

Краудэко система представляет собой сложную, динамичную и самоорганизующуюся социально-эконо-

мическую систему, включающую в себя совокупность взаимосвязанных участников, компаний и инструментов, объединенных вокруг принципов коллективного финансирования, создания ценности и взаимодействия посредством использования цифровых технологий, с целью реализации проектов, удовлетворения потребностей и решения задач, основанных на ресурсах и коллективном интеллекте широкого круга лиц. Разберем определение детально:

- слово «*сложная*» подразумевает наличие взаимосвязей множества элементов, и эти взаимосвязи часто нелинейны и могут приводить к непредсказуемым последствиям;
- слово «*динамичная*» подчеркивает отсутствие статичности явления, ведь элементы находятся в постоянном движении и адаптации. Изменения могут быть как под влиянием внутренних (например, успех или провал проектов), так и внешних (например, изменения в законодательстве или технологические прорывы) факторов;
- несмотря на наличие единого регулятора в лице Банка России, краудэко시스템а остается «*самоорганизующейся*» благодаря самостоятельным решениям участников, основанным на собственных интересах и потребностях;
- слово «*социально-экономическая*» акцентирует внимание на том, что система включает в себя как социальные (взаимодействие людей, сообщества), так и экономические (финансирование, создание

ценности, прибыль) аспекты, влияя на общество и экономику и создавая новые возможности и решения;

- фраза «*включающую в себя совокупность взаимосвязанных участников, компаний и инструментов*» раскрывает типы элементов системы и говорит о том, что эти элементы не существуют изолированно друг от друга;
- фраза «*объединенных вокруг принципов коллективного финансирования, создания ценности и взаимодействия посредством использования цифровых технологий с целью реализации проектов, удовлетворения потребностей и решения задач, основанных на ресурсах и коллективном интеллекте широкого круга лиц*» подчеркивает общие цели участников, которые направлены на создание экономической (прибыль) и социальной ценности (решение проблем общества) через сотрудничество, обмен информацией и опытом, при условии применения цифровых технологий.

Рассмотрим подробно состав краудэкосистемы на макроуровне (см. рисунок № 1).

Фундаментом системы являются два элемента — *технологическая среда* (инвестиционная платформа) и *участники* [8] этой технологической среды:

- Инвесторы: Субъекты, предоставляющие финансовые ресурсы для финансирования проектов.

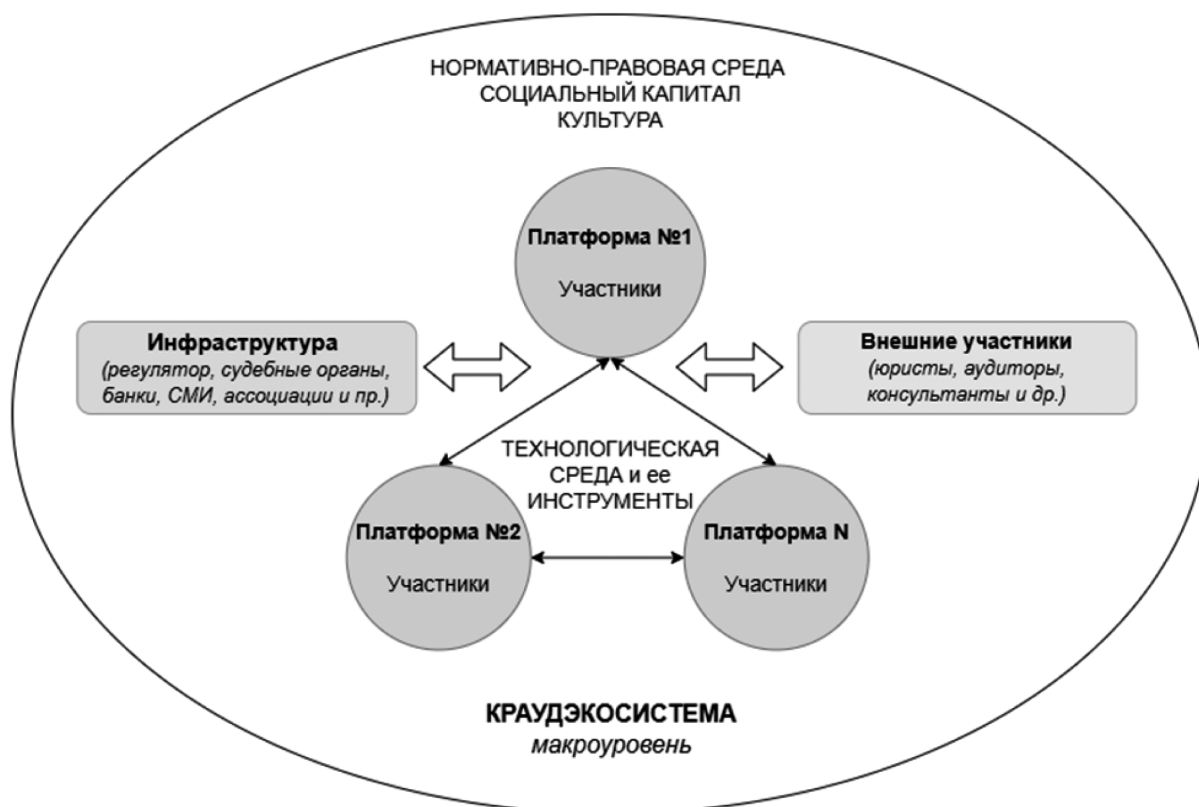

Рис. 1. Состав краудэкосистемы (макроуровень)

- Заемщики: Субъекты, привлекающие финансирование посредством платформы для реализации проектов.
- Оператор инвестиционной платформы: Организация, осуществляющая администрирование платформы, обеспечивающая ее функционирование и контроль за соблюдением правил.

Единство участников и свойство эмерджентности системы позволяют краудфандингу эволюционировать в полноценную краудэкосистему, обеспечивая прочный фундамент для её роста.

Инструменты технологической среды позволяют инвестиционной платформе развиваться качественно и масштабироваться, то есть проявляться как второй закон диалектики Гегеля, говорящий о том, что постепенные количественные изменения в определённый момент приводят к резкому качественному скачку. Так, увеличение количества инструментов, «усложняющих» инвестиционную платформу, позволяют ей через время выйти на новый уровень и предложить расширенный спектр способов привлечения инвестиций, в том числе с использованием последних цифровых технологий. Такими инструментами являются наличие высокоскоростного Интернета, подключение различных платежных систем, CRM-системы, автоматизированные системы скоринга (в том числе для проверки клиентов на причастность к отмыванию денег, полученных преступным путем и финансированию терроризма), системам блокчейн-технологии, смарт-контракты, инструменты по работе с большими данными, облачные платформы, API-интеграции, шифрование данных и другое.

Инфраструктура создает необходимые условия для функционирования и развития краудфандинга, без которых взаимосвязи между участниками будут неустойчивы. Главная функция инфраструктуры состоит в стимулировании развития предпринимательства и создании благоприятной инвестиционной среды за счет следующих основных компонентов:

1. Финансовые институты (банки, фонды, микрофинансовые организации и др.);
2. Государственные органы (Банк России как регулятор и надзорный орган, суды, Росфинмониторинг, налоговые органы и др.);
3. Профессиональные ассоциации, объединяющие участников краудэкосистемы и продвигающие ее развитие (например, Ассоциация операторов инвестиционных платформ);
4. СМИ (новостные агентства, блоги, бизнес-издания и др.).

Уровень развития инфраструктуры определяет темп совершенствования краудэкосистемы. Инфраструктура обеспечивает стабильность и прозрачность рынка, уве-

личивает доступность финансирования для проектов, а также способствует повышению доверия к краудфандингу как к инструменту инвестирования.

Нормативно-правовая среда, социальный капитал и культура являются связующим звеном и проводником элементов к другу к другу в краудэкосистеме, приводя все процессы в движение.

Нормативно-правовая среда, в том числе Закон №259-ФЗ, налоговое регулирование, Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ [5], очерчивает границы, в рамках которых участники могут действовать, упорядочивает процессы, а также стимулирует развитие финансовой системы, частью которой является краудэкосистема.

Социальный капитал имеет множество различных трактовок, однако в рассматриваемом контексте наиболее подходящая трактовка термина представляет собой «силы, которые увеличивают потенциал экономического развития общества путём создания и поддержания социальных связей и моделей социальных организаций» [2]. Социальный капитал и культура задают вектор развития любого процесса, и краудинвестирование не является исключением. Психология инвестирования, портрет инвестора и заемщика, готовность участников к риску и потерям при инвестировании, успех или неудача разных видов краудфандинга на определенной территории — все это является следствием особенностей сложившихся взаимосвязей между элементами (участниками) системы (финансового рынка).

Внешние участники являются опциональным элементом, поскольку их отсутствие не влияет напрямую на стабильное функционирование системы, однако при наступлении определённых обстоятельств они становятся обязательной ее частью. Внешние участники требуются в тех случаях, когда ресурсов инвестиционной платформы недостаточно для урегулирования вопросов, поэтому они играют роль «кризисных менеджеров», «катализаторов» и «гарантов стабильности», обеспечивая экспертизу, ресурсы и поддержку, которые необходимы для решения сложных вопросов, выхода из тупиковых ситуаций и обеспечения устойчивого развития.

Их могут привлекать все элементы системы в зависимости от своих потребностей: когда возникают споры между участниками краудэкосистемы (например, между инвестором и заемщиком) или кризисные ситуации (например, дефолт заемщика, скандал, кибератака), внешние участники (например, юристы, медиаторы, арбитры) помогают разрешить конфликт, обеспечивая справедливое и законное решение, минимизировать негативные последствия и восстановить репутацию.

В то время как краудэко­система в широком смысле пред­стает *многоуровневой и диверсифицированной си­стемой*, функционирующей на макроуровне, охватывающей значительно более широкий спектр взаимосвязанных элементов и участников, термин «краудэко­система» может пониматься и в *узком смысле* и детерминироваться как ограниченная система, органи­зованная вокруг конкретной инвестиционной платформы. В данном контексте краудэко­система рассматривается в качестве *замкнутой среды*, в которой взаимодействие осуществляется преимущественно между следующими элемен­тами (см. рисунок №2):

- Технологическая среда (инвестиционная плат­форма).
- Участники технологической среды (инвесторы, за­емщики, оператор):
- Инструменты технологической среды.

В рамках такого определения краудэко­система функ­ционирует в пределах установленных платформой пра­вил и ограничений, что позволяет осуществлять более контролируемое и масштабируемое взаимодействие. Акцент делается на эффективности, прозрачности и без­опасности внутри платформы.

Понятие краудэко­системы в узком смысле предпо­лагает интеграцию различных платформ, участников и ин­ститутов, формирующих единую среду коллективного финансирования и взаимодействия. Стремление к соз­

данию более интегрированной, устойчивой и эффек­тивной системы коллективного финансирования способ­ствует экономическому росту, инновациям и решению социальных проблем. В некотором смысле, сумма крауд­эко­систем на уровне отдельных организаций формиру­ет мегакраудэко­систему на макроуровне.

Выводы

Таким образом, в результате проведенной детерми­нации понятия «краудэко­система» и систематизации ее видов по степени охвата и масштабу функциони­рования, сформирована структурированная дефини­ционная база, определяющая краудэко­систему в узком и широ­ком смысле. Узкое понимание краудэко­системы, огра­ниченное рамками отдельной инвестиционной плат­формы, акцентирует внимание на функциональных взаимосвязях между технологической средой, участ­никами и инструментами, обеспечивающими реализа­цию проектов коллективного финансирования. В то же время, широкое понимание краудэко­системы, охваты­вающее макроуровень и учитывающее взаимодействие множества платформ, институтов и субъектов, отражает сложность, многоуровневость и диверсификацию систе­мы, а также влияние нормативно-правовых, социально-культурных и внешних факторов.

Предложенная двухуровневая дефиниция краудэко­системы вносит существенный теоретический вклад для

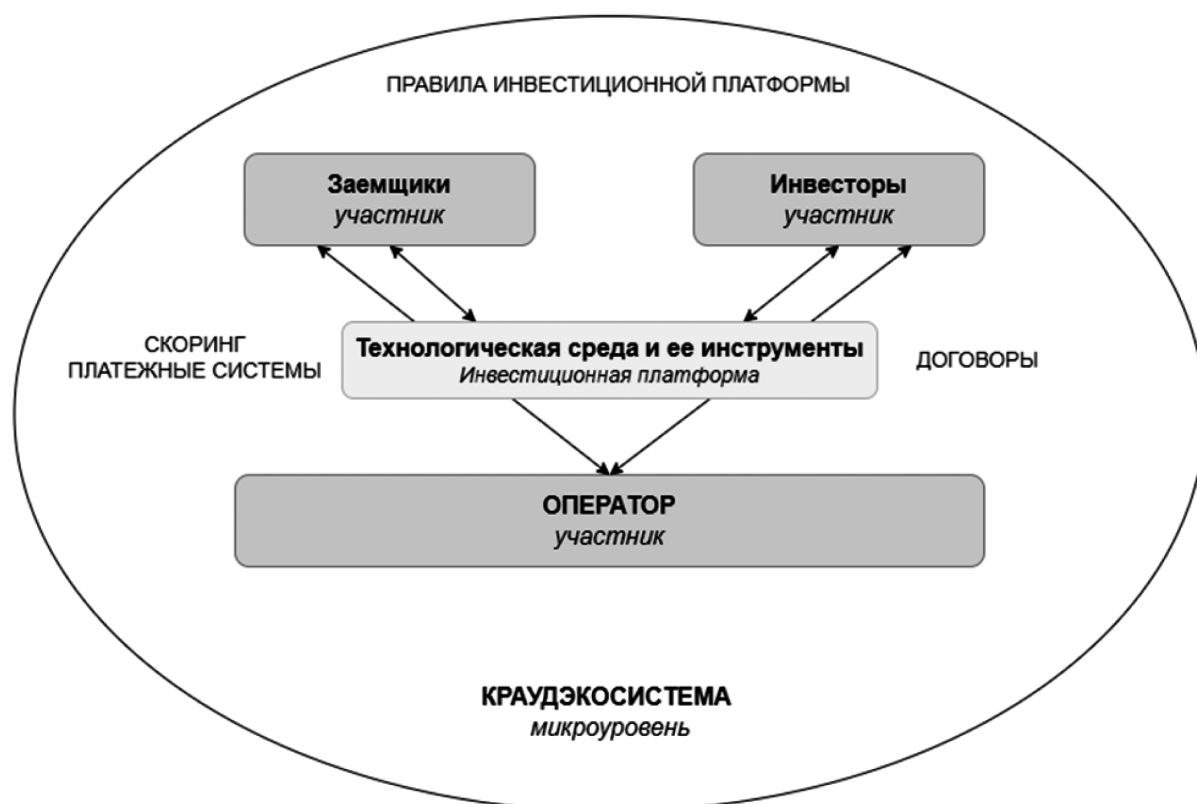

Рис. 2. Состав краудэко­системы (микроуровень)

дальнейших научных исследований в области коллективного финансирования, создавая основу для систематизации знаний и разработки методологических подходов. Предложенный термин позволяет лучше понять специфику функционирования отдельных платформ

и общие закономерности развития краудэко시스템ы в целом, что открывает новые перспективы для улучшения теоретических моделей и практических рекомендаций в области управления, регулирования и прогнозирования развития краудэкосистем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конягина, М.Н. Операторы инвестиционных платформ – агенты контроля и влияния? / М.Н. Конягина // Финсайдер 2023: финансовый рынок — новые грани возможного: сборник материалов II Национальной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 20 апреля 2023 года. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2023. — С. 37–43. — EDN LCBAZJ.
2. Кузьменко Анастасия Владимировна. Социальный капитал // Челябинский гуманитарий. 2010. №1 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-kapital> (дата обращения: 18.07.2025).
3. Ломакин А.Л., Рудикова С.С. // Кризис нормативно-правового регулирования децентрализованных финансовых процессов в интернете и пути его преодоления. Modern Economy Success. 2020. № 2. С. 100–109.
4. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: фед. закон от 02.08.2019 г. № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Консультант Плюс: [официальный сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330652/ (дата обращения: 25.06.2025).
5. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: фед. закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ // Консультант Плюс: [официальный сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (дата обращения: 25.06.2025).
6. Рудикова С.С. Проблемы формирования теоретических основ краудфандинга // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: ЭКОНОМИКА и ПРАВО. — 2022. — №10. — С. 82–87 DOI 10.37882/2223-2974.2022.10.32
7. Степанова С.С. Особенности и тенденции развития краудфинансирования на финансовом рынке России // Инновации и инвестиции. 2023. №9. С. 257–260.
8. Степанова С.С. Понятийный аппарат экономической безопасности участников краудинвестирования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiynyy-apparat-ekonomicheskoy-bezopasnosti-uchastnikov-kraudinvestirovaniya> (дата обращения: 18.07.2025).

© Степанова Софья Сергеевна (rudikovasofia@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ОЦЕНКИ КИБЕРРИСКОВ НА МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

INNOVATIVE METHODS FOR CYBER RISK ASSESSMENT IN SMALL AND MEDIUM- SIZED ENTERPRISES

**A. Trubin
E. Timofeev**

Summary. In the context of digital transformation, small and medium-sized enterprises (SMEs) are among the most vulnerable to cybersecurity threats. This paper analyzes modern cyber risk assessment methods and their applicability to SMEs. Based on a comparison of international and domestic approaches, the study identifies promising models that combine analytical rigor with implementation simplicity. The findings highlight the need for scalable and accessible risk assessment frameworks tailored to resource-constrained organizations with low digital maturity.

Keywords: information security, cyber risks, digitalization, small and medium enterprises, risk assessment methods, risk management, cybersecurity models.

В условиях стремительной цифровизации экономики малые и средние предприятия (далее — МСП) становятся активными участниками информационного пространства. При этом они представляют собой одну из наиболее уязвимых категорий организаций перед лицом киберугроз. По данным Global Cybersecurity Outlook 2024, более 40 % всех атак в мировой практике приходится на МСП, при этом большинство из них не имеют ни стратегии реагирования, ни базовых инструментов оценки рисков [14]. Аналогичная ситуация наблюдается и в России: по данным Агентства стратегических инициатив, только треть предприятий малого сектора осуществляют системную работу по управлению информационной безопасностью [1].

Отсутствие должного внимания к вопросам киберустойчивости ведет не только к росту вероятности инцидентов, но и к прямым экономическим потерям. Киберриски трансформируются в фактор дестабилизации бизнес-процессов, приводя к перебоям в работе, дополнительным затратам на восстановление, утрате деловой репутации и снижению инвестиционной привлекательности. Как подчеркивает Ф.А. Кузнецов, в малом бизнесе проблемы информационной безопасности (далее — ИБ)

Трубин Александр Евгеньевич

Кандидат экономических наук, доцент,
НОЧУ ВО Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»
niburt@yandex.ru

Тимофеев Евгений Олегович

Аспирант, НОЧУ ВО Московский
финансово-промышленный университет «Синергия»
evgentimofeev6@gmail.com

Аннотация. В условиях цифровизации экономики малые и средние предприятия (МСП) становятся одной из наиболее уязвимых категорий организаций в сфере информационной безопасности. Целью настоящего исследования является анализ современных методов оценки киберрисков и их применимости в контексте МСП. На основе сопоставления зарубежных и отечественных подходов выявлены наиболее перспективные методики, сочетающие аналитическую обоснованность с простотой внедрения. Сделан вывод о необходимости разработки адаптированных и воспроизводимых моделей оценки, учитывающих ограниченность ресурсов и низкий уровень цифровой зрелости предприятий малого бизнеса.

Ключевые слова: информационная безопасность, киберриски, цифровизация, малый и средний бизнес, методы оценки, управление рисками, модели кибербезопасности.

воспринимаются как второстепенные и редко интегрируются в управленческую повестку, что формирует институциональные барьеры для рационального распределения ресурсов [5]. Российские МСП, по мнению Д.А. Плетнева, системно отстают в уровне защищенности: дефицит средств, нехватка квалифицированного персонала и низкий уровень управленческой вовлеченности делают их уязвимыми даже к базовым видам угроз [6].

Наиболее распространённые модели оценки киберрисков традиционно разрабатываются на основе подходов, зафиксированных в таких стандартах, как ISO/IEC 27005 и NIST SP 800-30. Эти документы описывают базовые принципы построения системы управления рисками, включая инвентаризацию активов, анализ угроз, уязвимостей и вероятности наступления инцидентов [2], [12]. Однако их применение требует высококвалифицированного персонала, постоянного обновления данных и развитой ИТ-инфраструктуры. Как отмечают С.В. Гришунин и И.Ю. Пищалкина, сложность и ресурсоемкость этих подходов делают их малоприменимыми в условиях малого бизнеса [3].

Кроме технических и методических ограничений, существенную роль играют управленческие барьеры.

По наблюдению В.Г. Халина и Г.В. Черновой, отсутствие культуры работы с рисками и слабая вовлеченность руководства приводит к тому, что даже упрощенные процедуры оценки угроз не реализуются в управленческой практике [7]. В результате кибербезопасность воспринимается не как элемент стратегического управления, а как внешний технический фактор, что снижает устойчивость предприятия в долгосрочной перспективе.

Между тем, как подчеркивается в докладе Global Cybersecurity Outlook 2024, эффективное управление киберрисками способствует повышению операционной устойчивости, снижению транзакционных издержек и укреплению конкурентных позиций МСП [14]. Это обуславливает актуальность перехода от универсальных стандартов к адаптированным инструментам, ориентированным на практическую применимость, управленческую эффективность и возможность реализации на предприятиях МСП.

Цель настоящего исследования — проанализировать современные методы оценки киберрисков и выявить их применимость в системе управления в малом и среднем бизнесе. В международной практике предлагается ряд решений, сочетающих аналитическую строгость с возможностью адаптации в организациях с низкой ИТ-зрелостью.

Одним из таких решений является комбинация методов SWARA (Step-wise Weight Assessment Ratio Analysis) и BWM (Best-Worst Method), направленная на формализацию экспертных оценок значимости факторов риска и поддержку управленческих решений в области распределения ресурсов информационной безопасности. В работе А. Сукумара, Х. А. Махдираджи и В. Джафари-Садеги (2023) данный подход применен к онлайн-компаниям МСП. Методика позволяет построить иерархию угроз, которая служит основанием для приоритизации мер защиты. Ее достоинствами являются воспроизводимость, невысокие требования к технической базе и применимость в условиях ограниченного доступа к точным статистическим данным [13].

Альтернативный вектор представлен моделью RCVaR (Real Cyber Value at Risk), предложенной М.Ф. Франко и др. (2023). Она адаптирует принципы финансового анализа риска (VaR) для расчета потенциального ущерба от киберинцидентов с учетом специфики отрасли и масштаба бизнеса. Такой подход позволяет предприятию формировать экономически обоснованную стратегию кибербезопасности, выстраивая баланс между вероятностью ущерба и объемом инвестиций в защиту [10].

Значимым ориентиром является и разработанная Национальным институтом стандартов и технологий США (National Institute of Standards and Technology, NIST) ме-

тодологическая основа NIST Cybersecurity Framework (далее — CSF), которая, хотя и не содержит прямого инструментария оценки рисков, представляет собой фундамент для построения системы управления информационной безопасностью. Ее адаптированная версия для малого бизнеса способствует систематизации организационных решений, разработке внутренних регламентов и оптимизации операционных процессов [12].

Проект DETECTA 2.0, основанный на использовании цифровых двойников и технологий машинного обучения, предлагает технологически продвинутую платформу предиктивной диагностики и защиты. Данный подход демонстрирует высокий потенциал в рамках концепции Индустрии 4.0. Однако в условиях МСП его реализация требует высокой цифровой зрелости и привлечения внешней экспертной поддержки [11].

Cyber Risk Tool for Irish SMEs (Cyber Risk Assessment Tool for Irish Small Business Owners) — методика, разработанная М. Кертин в рамках исследования Munster Technological University (2024), предназначена для оценки киберрисков в малых предприятиях Ирландии [9]. Она адаптирована под владельцев бизнеса без ИТ-специализации и позволяет быстро определить уязвимые зоны и уровень цифровой зрелости. Диагностический инструмент создавался с участием фокус-групп и применяется как часть управленческого самоаудита.

Российская практика демонстрирует более ограниченный инструментарий. Наиболее целостным решением можно считать методику Р.Д. Хамидуллина, в которой реализована оценка уязвимостей и расчет допустимого риска с использованием KPI. При адаптации под специфику малого бизнеса она может служить основой для регулярной оценки и контроля параметров ИБ с управленческой точки зрения [8].

Практико-ориентированные решения, такие как платформа Security Vision CRS, обеспечивают автоматизацию оценки рисков, однако не сопровождаются открытой методологической базой и потому не рассматриваются как научно верифицированные. Предложение коробочных продуктов киберстрахования (например, от СОГАЗ, Ингосстрах) играет скорее вспомогательную роль, позволяя компенсировать финансовые последствия инцидентов, но не формируя инструментарий для их предотвращения или оценки [4].

Таким образом, зарубежные решения демонстрируют более широкую проработанность и ориентированы на поддержку управленческих решений в сфере киберустойчивости. В то время как российская практика сосредоточена на точечных инициативах, не обеспечивающих полного цикла оценки и планирования. Для эффективной трансформации ИБ из затратной функции в элемент

Таблица 1.

Сравнение зарубежных и российских инструментов оценки киберрисков в МСП

Название метода	Тип / форма реализации	Применимость к МСП	Краткая характеристика
SWARA + BWM	Мультикритериальный анализ, экспертные оценки	Высокая	Позволяет ранжировать угрозы по значимости на основе опросов; требует минимальных ресурсов
RCVaR	Количественная оценка, сценарный анализ	Средняя	Прогноз убытков от кибератак на основе статистики; нужен доступ к отраслевым данным
NIST CSF	Фреймворк, организационный подход	Высокая (при адаптации)	Универсальная модель управления ИБ; требует адаптации под уровень зрелости
Ирландская методика (2024)	Национальный инструмент, онлайн-интерфейс	Высокая (для микробизнеса)	Простой интерфейс для самооценки рисков; доступен без ИТ-отдела
DETECTA 2.0	Цифровой двойник, ML-модель	Низкая	Технологически сложное решение; не апробировано в МСП
Методика Хамидуллина	KPI-модель, расчет допустимого риска	Средняя (требует адаптации)	Предназначена для корпоративного центра; может быть адаптирована при наличии ИТ-службы

Источник: составлено автором на основе [10], [11] [13].

устойчивого развития необходимы воспроизводимые и масштабируемые модели, интегрированные в систему стратегического управления МСП.

Для систематизации ключевых различий представим сравнительное сопоставление зарубежных и отечественных решений, ориентированных на потребности МСП (табл. 1).

Проведенный анализ выявил, что зарубежные подходы к оценке киберрисков демонстрируют значительно более высокую степень методологической зрелости и ориентации на управленческие цели. Методы SWARA–BWM и RCVaR позволяют формализовать процедуры принятия решений и моделировать последствия киберинцидентов, а NIST CSF обеспечивает структурное регулирование процессов безопасности. Их особенностью является баланс между аналитической обоснованностью и доступностью для внедрения в организациях с базовой цифровой инфраструктурой.

Российская практика, напротив, остается фрагментарной: существующие разработки ориентированы либо на крупный корпоративный сектор, либо не прошли практическую апробацию в малом бизнесе. Методика Р.Д. Хамидуллина представляет собой потенциальную основу для внутреннего контроля, но требует адапта-

ции. Коммерческие решения, такие как Security Vision CRS, или страховые продукты, как правило, не обеспечивают оценку риска как управленческого процесса и не затрагивают его профилактическую составляющую.

С научной точки зрения важно отметить, что многие зарубежные решения находятся на стадии концептуальной проработки или препринтов, а потому требуют осторожного подхода к заимствованию. Однако даже в этом виде они демонстрируют направления, по которым может развиваться отечественная практика: упрощенные инструменты ранжирования угроз, количественные модели ущерба, адаптированные к масштабам и специфике МСП.

Таким образом, формирование доступных, экономически обоснованных и масштабируемых инструментов оценки киберрисков представляет собой не только научную, но и актуальную прикладную задачу. Разработка подобных решений позволит малому бизнесу перейти от реактивной модели ИБ к стратегическому управлению устойчивостью и цифровой безопасностью. Перспективными направлениями исследований являются интеграция методов оценки рисков в управленческий контур, разработка отраслевых шкал приоритетности и цифровых панелей самооценки с возможностью автоматической интерпретации результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. АНО «Агентство стратегических инициатив»; ООО «Третья сторона». Исследование защищённости от угроз информационной безопасности малого и среднего бизнеса. — 26.02.2024. — URL: <https://asi.ru/library/main/198679/> (дата обращения: 15.05.2025). — Текст: электронный.
2. ГОСТ Р ИСО/МЭК 27005–2010. Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Менеджмент информационной безопасности. Руководство по управлению рисками. — Введ. 2011-07-01. — М.: Стандартинформ, 2011. — 40 с.
3. Гришунин С.В., Пищалкина И.Ю., Сулоева С.Б. Оценка киберрисков в проектах интернета вещей // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. — 2021. — Т. 14, № 6. — С. 102–116. — DOI: 10.18721/IE.14608.
4. Карпова Н.А. Страхование киберрисков — как способ защиты бизнеса от цифровых угроз // Consult-CCT. — 2020. — URL: <https://consult-cct.ru/blogs/strahanovanie-kiberriskov/> (дата обращения: 15.05.2025). — Текст: электронный.
5. Кузнецов Ф.А. Проблемы кибербезопасности, которые нельзя игнорировать в 2022 году // Russian Journal of Management. — 2022. — Т. 10, № 4. — С. 171–180. — DOI: 10.29039/2409-6024-2022-10-4-171-180.
6. Плетнёв Д.А., Викулин С.Н., Щелканов П.Г., Плетнёв А.Д. Новые вызовы информационной безопасности малого и среднего бизнеса // Вестник Челябинского государственного университета. — 2022. — № 11 (469). — С. 177–181. — DOI: 10.47475/1994-2796-2022-11119.
7. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и киберриски // Управленческое консультирование. — 2023. — № 7. — С. 28–41.
8. Хамидуллин Р.Д. Методика оценки киберрисков корпоративного центра ИТ-мониторинга // Креативная экономика. — 2023. — Т. 17, № 12. — С. 4641–4660. — DOI: 10.18334/ce.17.12.120009.
9. Curtin M., Sheehan B., Gruben M., Kozma N., O'Carroll G., Murray H. Development of a cyber risk assessment tool for Irish small business owners / M. Curtin, B. Sheehan, M. Gruben [et al.]. — 2024. — URL: <https://arxiv.org/abs/2408.16124> (date of access: 15.05.2025). — Text: electronic.
10. Franco M.F., Künzler F., von der Assen J., Feng C., Stiller B. RCVaR: an economic approach to estimate cyberattacks costs using data from industry reports / M.F. Franco, F. Künzler, J. von der Assen, C. Feng, B. Stiller. — 2023. — URL: <https://arxiv.org/abs/2307.11140> (date of access: 15.05.2025). — Text: electronic.
11. Huertas-García Á., Muñoz J., De Miguel Ambite E., Avilés Camarmas M., Ovejero J.F. DETECTA 2.0: Research into non-intrusive methodologies supported by Industry 4.0 enabling technologies for predictive and cyber-secure maintenance in SMEs / Á. Huertas-García, J. Muñoz, E. De Miguel Ambite, M. Avilés Camarmas, J.F. Ovejero. — 2024. — URL: <https://arxiv.org/abs/2405.15832> (date of access: 15.05.2025). — Text: electronic.
12. National Institute of Standards and Technology (NIST). Guide for Conducting Risk Assessments: Special Publication 800-30, Revision 1 / Joint Task Force Transformation Initiative. — Gaithersburg, MD: National Institute of Standards and Technology, 2012. — 95 p. — URL: <https://csrc.nist.gov/publications/detail/sp/800-30/rev-1/final> (date of access: 15.05.2025). — Text: electronic.
13. Sukumar A., Mahdiraji H.A., Jafari-Sadeghi V. Cyber risk assessment in small and medium-sized enterprises: A multilevel decision-making approach for small e-tailors / A. Sukumar, H. A. Mahdiraji, V. Jafari-Sadeghi // Risk Analysis. — 2023. — Vol. 43, No. 10. — P. 2082–2098. — URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/risa.14092> (date of access: 15.05.2025). — Text: electronic.
14. World Economic Forum. Global Cybersecurity Outlook 2024. — January 2024. — URL: <https://www.weforum.org/reports/global-cybersecurity-outlook-2024> (date of access: 15.05.2025). — Text: electronic.

© Трубин Александр Евгеньевич (niburt@yandex.ru); Тимофеев Евгений Олегович (evgentimofeev6@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КИТАЯ И РОССИИ В РАЗЛИЧНЫХ АСПЕКТАХ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРЕПЯТСТВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

CHINA-RUSSIA ENERGY COOPERATION IN A MULTIDIMENSIONAL PERSPECTIVE: CURRENT STATE, OBSTACLES, AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Zhou Chuanming

Summary. This article presents a comprehensive study of energy collaboration between the PRC and the Russian Federation, sequentially examining its evolution since the 1990s and demonstrating the formation, by the present day, of a complex, multi-faceted model of interaction. The primary incentives for cooperation are the complementarity of supply and demand structures, the geopolitical situation, and the transformation of the global energy market, which provides both countries with opportunities in the area of energy security and economic advancement. Simultaneously, cooperation is associated with a series of difficulties. The author proposes developing an adaptable pricing mechanism, improving the system of financial settlements, and activating the development of infrastructure to ensure the long-term and stable development of the China-Russia energy partnership, based on mutual benefit.

Keywords: energy, oil, gas, coal, interaction, economy, China and Russia.

Чжоу Чуаньмин

*Аспирант, Забайкальский государственный университет, Чита
zhouchuanming@yandex.ru*

Аннотация. Данная статья содержит детальное исследование энергетического сотрудничества между КНР и РФ, последовательно рассматривая его эволюцию с 1990-х годов и демонстрируя формирование к настоящему моменту комплексной, многоплановой модели взаимодействия. Основными стимулами для сотрудничества служат взаимодополняемость структур спроса и предложения, геополитическая обстановка и трансформация мирового энергетического рынка, что предоставляет обеим странам возможности в области энергетической безопасности и экономического подъёма. Вместе с тем, сотрудничество сопряжено с рядом трудностей. Автор предлагает разработать адаптивный механизм ценообразования, усовершенствовать систему финансовых расчётов и активизировать развитие инфраструктуры для обеспечения продолжительного и стабильного развития китайско-российского энергетического партнёрства, основанного на взаимной выгоде.

Ключевые слова: энергетика, нефть, газ, уголь, взаимодействие, экономика, Китай и Россия.

Введение

В эпоху глубоких трансформаций мирового энергетического ландшафта и эскалации геополитической нестабильности, энергетическое взаимодействие обретает особую значимость как ключевой элемент стратегического партнёрства между государствами. Китайская Народная Республика и Российская Федерация, будучи крупнейшими мировыми экономиками и ключевыми игроками в энергетической сфере, рассматривают данное сотрудничество не просто как сферу взаимной экономической выгоды, а как фактор, способный оказывать значительное влияние на стабильность глобального энергетического рынка и геополитический баланс сил. Развиваясь на протяжении почти тридцати лет и находясь в русле инициативы «Один пояс — один путь», российско-китайское сотрудничество в энергетике достигло принципиально нового уровня зрелости. Однако, в условиях нестабильности мировых энергетических цен, усиления геополитической напряженности и ускорения глобального энергоперехода, перед обеими странами стоит стратегически важная задача: как укрепить

взаимодействие в этих непростых условиях и одновременно достичь целей энергетической безопасности и экономического развития.

I. Текущее состояние российско-китайского энергетического сотрудничества

Энергетическое партнёрство между Китаем и Россией, берущее свои истоки в 1990-х годах, за три десятилетия трансформировалось в комплексную, многогранную систему взаимодействия. Опираясь на концепцию «Один пояс — один путь», данное сотрудничество достигло своего апогея. В 2023 году двусторонний товарооборот преодолел отметку в 240 миллиардов долларов США, причем значительная часть этого объема приходилась на энергетические ресурсы, что делает их ключевым элементом экономических связей между двумя государствами.

В нефтяной сфере, магистральный нефтепровод Россия-Китай был введен в эксплуатацию в 2011 году с плановой мощностью 30 миллионов тонн в год. С 2013 года, после запуска второй линии, Россия ежегодно постав-

ляет около 15 миллионов тонн нефти-сырца по этому маршруту. К 2016 году объем китайского импорта нефти из России достиг 52,5 миллиона тонн (прирост на 24 % в годовом исчислении), что сделало Россию крупнейшим поставщиком нефти в Китай. К 2017 году по первой линии было транспортировано в общей сложности около 110 миллионов тонн, а вторая линия была полностью построена. В 2018 году она начала функционировать, поставляя нефть из Мохэ в Дацин Линьюань, увеличив ежегодные поставки по данному маршруту в два раза, с 15 до 30 миллионов тонн[1].

В сфере природного газа, подписание в 2014 году «Договора купли-продажи газа по восточному маршруту Китай-Россия» стало символом перехода двустороннего сотрудничества на новый уровень. Поставки осуществляются по магистральному газопроводу «Сила Сибири», начинающемуся в Хэйхэ (провинция Хэйлунцзян) и простирающемуся на юг до Шанхая, общей протяженностью 5111 километров. Трубопровод был введен в эксплуатацию в декабре 2019 года и планируется к полному завершению в 2024 году, обеспечивая ежегодные поставки в Китай в объеме 38 миллиардов кубических метров газа, что составляет около 30 % годового импорта страны.

Сотрудничество также расширяется в других областях энергетического сектора. В угольной промышленности, после начала украинского кризиса, объем китайского импорта российского угля не только не уменьшился, но и по некоторым направлениям даже увеличился. Согласно данным компании Kpler, в июне Китай закупил морем 4,72 миллиона тонн российского угля, в мае — 4,57 миллиона тонн; по сравнению с аналогичным периодом 2021 года, общий объем поставок остается стабильным. Заметный прогресс достигнут и в партнерстве в области атомной энергетики.[2] 19 мая 2021 года председатель КНР Си Цзиньпин и президент России Владимир Путин в формате видеоконференции совместно участвовали в церемонии начала строительства двух совместных ядерных объектов — Тяньваньской и Сюйдабаоской АЭС.[3]

II. Экономические стимулы и перспективы энергетического сотрудничества Китая и России

Энергетическое сотрудничество между Китаем и Россией основано на совокупности экономических факторов и играет важную роль в обеспечении энергетической безопасности, стимулировании экономического роста и развитии регионального сотрудничества. Это проявляется в следующем:

Во-первых, взаимодополняемость структуры спроса и предложения создает прочную основу для сотрудничества. Россия, обладая одними из самых значительных мировых запасов ресурсов, имеет в своем распоряже-

нии огромные резервы нефти, природного газа и угля. Согласно «Энергетической стратегии Российской Федерации до 2050 года», при текущих объемах добычи нефти хватит более чем на 65 лет, газа — на 100 лет, угля — более чем на 500 лет. Китай, в свою очередь, является крупнейшим мировым потребителем энергии: динамичный экономический рост и большая численность населения постоянно увеличивают внутренний спрос, а степень внешней зависимости остается высокой.[4] Стратегическое стремление России диверсифицировать экспорт энергоносителей полностью отвечает масштабным потребностям Китая в энергии; эта естественная взаимодополняемость спроса и предложения является ключевой движущей силой двустороннего сотрудничества.

Во-вторых, складывающаяся геополитическая обстановка создает новые возможности для партнерства. В условиях западных санкций, «поворот на Восток» стал для России важным способом смягчить экономические последствия. Блокировка западных рынков в связи с украинским конфликтом подтолкнула Москву к ускоренному освоению восточного направления. В то же время, Китаю необходимы надежные источники энергоснабжения, что усилило взаимный интерес к сотрудничеству. В 2023 году экспорт российской нефти в Китайскую Народную Республику резко возрос: Россия обогнала Саудовскую Аравию и стала крупнейшим поставщиком нефти-сырца в Китай, что наглядно демонстрирует геополитику как движущую силу двустороннего энергетического взаимодействия. [5. с. 86–95]

В-третьих, трансформация мировой энергетической конъюнктуры создает дополнительный спрос на сотрудничество. Растут колебания цен и риски перебоев в поставках, что повышает общую неопределенность на глобальном рынке. Россия стремится снизить зависимость от традиционного европейского направления и ускоряет переориентацию экспорта энергоресурсов на Азиатско-Тихоокеанский и Индо-Тихоокеанский регионы. Китай, со своей стороны, должен диверсифицировать каналы импорта для снижения внешних рисков. Углубление энергетического партнерства, основанное на совместном использовании ресурсов и распределении рисков, отвечает стратегическим интересам обеих стран, стремящихся к устойчивому развитию в сложной международной энергетической среде.

Российско-китайское энергетическое партнерство вступает в эпоху новых возможностей. Для Китая это означает, во-первых, что диверсификация импорта значительно снижает риски для энергетической безопасности, а долгосрочные стабильные контракты сглаживают ценовые колебания; во-вторых, совместные проекты стимулируют внутренние инвестиции в трубопроводную сеть, терминалы приема СПГ и другие инфраструктурные объекты, создавая рабочие места и способствуя развитию смежных отраслей [6]. Особенно важно, что

западные санкции против российского энергетического экспорта и финансового сектора ускоряют формирование региональной системы ценообразования и расчетов на основе юаня, расшатывая доминирующую роль доллара в глобальных энергетических расчетах.

Для России стабильный спрос со стороны Китая обеспечивает надежную выручку от экспорта энергоресурсов, которая формирует более 40 % доходов федерального бюджета и служит опорой государственных финансов и экономического развития. Наряду с этим, энергетические проекты способствуют модернизации инфраструктуры на Дальнем Востоке и в Сибири, улучшая транспортные и энергетические сети, заметно повышая инвестиционную привлекательность прибрежных районов и активизируя региональную экономику, что дополнительно углубляет процессы межрегионального сотрудничества [7].

III. Анализ текущих проблем в торговле энергоресурсами между Китаем и Россией и возможные пути их преодоления

В мае 2025 года состоялось принятие совместного заявления между председателем КНР Си Цзиньпином и президентом России Владимиром Путиным. Этот документ, озаглавленный «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении всестороннего партнерства и стратегического взаимодействия в новую эпоху», был приурочен к 80-летию Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, Победы китайского народа в Войне сопротивления японской агрессии, а также годовщине образования Организации Объединенных Наций. В данном заявлении подчеркивается стремление к развитию двустороннего взаимовыгодного сотрудничества. Стороны выразили намерение последовательно укреплять энергетическое партнерство во всех его аспектах. Также была подтверждена поддержка предприятий, реализующих совместные проекты в сферах нефти, газа (включая сжиженный природный газ), атомной энергетики, угольной промышленности, электроэнергетики, возобновляемых источников энергии. Особое внимание уделено обеспечению надежной работы трансграничной инфраструктуры и бесперебойности поставок энергоносителей [8].

Торговля энергоресурсами между Китаем и Россией, являясь важнейшим элементом двусторонних экономических отношений, демонстрирует динамичный рост, однако сталкивается с рядом системных проблем, касающихся ценообразования, инфраструктурного обеспечения, платёжных инструментов и внешних факторов.

1. Вопросы ценообразования и контрактных условий

В первую очередь, развитию сотрудничества препятствуют недостатки в механизмах определения цен

и формулировках контрактных обязательств. В сфере торговли нефтью действующая система ценообразования нуждается в совершенствовании. Зачастую цена формируется на основе стоимости нефтяных корзин Brent или Dubai с применением скидки, однако отсутствуют чёткие критерии, определяющие размер скидки, сроки её пересмотра и методы расчёта. Китайская сторона ориентируется на текущую ситуацию на мировом рынке, в то время как Россия учитывает совокупные затраты на добычу и транспортировку, что приводит к расхождениям в подходах к ценообразованию.

Во-вторых, сильная зависимость двусторонней торговли от международной системы SWIFT и необходимость использования доллара США в качестве промежуточной валюты при обмене рублей и юаней создают дополнительную ценовую волатильность, обусловленную колебаниями обменных курсов. Несмотря на то, что «Газпром» и его китайские партнёры достигли соглашения об оплате поставок газа в пропорции 50 % в рублях и 50 % в юанях [9], основная часть расчётов между Россией и Китаем осуществляется в этих валютах, что свидетельствует о расширении и диверсификации энергетического взаимодействия. [10. с. 121-126]

В-третьих, контрактные условия в газовой сфере отличаются жёсткими ограничениями. Большинство контрактов содержит положение «take-or-pay» («бери или плати»), согласно которому покупатель обязан оплачивать согласованный объём независимо от фактического потребления. В условиях замедления роста внутреннего спроса в Китае или возникновения сезонного избытка предложения данное условие значительно увеличивает закупочные расходы и затрудняет гибкое реагирование на рыночные изменения. После начала российско-украинского конфликта высокая волатильность курса рубля еще больше дестабилизировала ценообразование. [11, с. 129–156]

2. Инфраструктурные ограничения и логистические проблемы

Развитие трубопроводной инфраструктуры является ключевым фактором энергетического сотрудничества между Китаем и Россией, однако между сторонами сохраняются разногласия относительно стоимости строительства, выбора маршрутов и последующего технического обслуживания.

К числу основных нефтепроводов относится восточная ветка Китай-Россия, являющаяся ответвлением трубопроводной системы «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО). Магистраль начинается в Восточной Сибири, тянется до порта Козьмино на Тихом океане, а китайская ветка идёт из Сковородино через Мохэ в Дацин и далее вглубь Китая.[12] Несмотря на ввод в эксплуатацию не-

фтепровода ВСТО и восточной части газопровода «Сила Сибири», их проектные мощности (30 млн тонн нефти и 38 млрд м³ газа в год) уже не отвечают растущим потребностям двусторонней торговли. Проект «Сила Сибири — 2» пока не реализован из-за отсутствия соглашения. [5, 6]

Недостаточно развитая инфраструктура в Восточной Сибири приводит к увеличению затрат на разработку месторождений. Существует значительный географический дисбаланс между основными российскими нефтегазоносными районами и китайскими энергетическими центрами: в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке отсутствует развитая сеть сборных трубопроводов, надёжное электроснабжение и логистическая поддержка. Например, совместный проект «Ямал СПГ» обладает значительными запасами, но суровые арктические условия приводят к резкому увеличению затрат на добычу и, следовательно, к увеличению торговых издержек.

Сезонные ограничения на морских путях снижают надёжность поставок. Транспортировка энергоресурсов по Северному морскому пути из России в Китай в значительной степени зависит от ледовой обстановки: судоходство возможно только в период с июня по октябрь и требует дорогостоящего ледокольного сопровождения. В 2024 году поставки российской нефти в Китай по этому маршруту увеличились и достигли 2 млн тонн. Именно экспорт в Китай стал основным фактором роста российских энергетических поставок по Северному морскому пути: объём экспорта углеводородов по СМП вырос [13].

3. Структурные противоречия и вопросы стратегического доверия

Энергетическое сотрудничество между Китаем и Россией в значительной степени определяется геополитическими факторами, соображениями энергетической безопасности и дипломатическими стратегиями, а не рыночными механизмами. Для Китая приоритетом является обеспечение энергетической безопасности, то есть диверсифицированные и стабильные поставки топлива. Россия же рассматривает Китай как обширный рынок сбыта, способный компенсировать сокращение европейского спроса из-за санкций и увеличить доходы бюджета. Таким образом, энергетическое партнёрство двух стран основано на прочном политическом фундаменте и обеспечивает взаимную выгоду и стратегическое взаимодополнение.[14]

Устойчивость энергетического сотрудничества между Китаем и Россией в значительной степени зависит от стабильности двусторонних дипломатических отношений, в то время как роль рыночных механизмов остаётся ограниченной. Чрезмерная зависимость Китая от импорта нефти и газа из России может ослабить переговорные позиции Пекина на мировом рынке и снизить его стратегическую гибкость в условиях сложной между-

народной обстановки. Формат взаимодействия между китайскими и российскими энергокомпаниями определяется политическими факторами: сотрудничество, регулируемое правительствами, отражает потребность в макрорегулировании в интересах национальной безопасности и необходимо для обеспечения стабильности энергопоставок. Однако, с точки зрения рыночной динамики, такой подход подвержен расхождению между политическими целями и реальным развитием рынка, что замедляет реакцию на его изменения. По прогнозам Международного энергетического агентства, спрос Китая на нефть может достичь пика, в то время как Россия планирует к 2035 году значительно увеличить экспорт нефти и газа в Китай, что создаёт потенциальное противоречие интересов.

Для минимизации указанных рисков предлагается:

- создать гибкую систему ценообразования, привязанную к рыночным котировкам;
- совершенствовать инструменты хеджирования финансовых рисков и расширять использование национальных валют во взаиморасчётах;
- укреплять логистическую инфраструктуру и развивать диверсифицированные транспортные маршруты;
- создать совместный китайско-российский инвестиционный фонд в сфере энергетики, внедрить системы раннего предупреждения и реагирования на чрезвычайные ситуации для повышения устойчивости к рискам;
- сформировать независимую платформу энергетической информации для повышения прозрачности рынка;
- развивать технологическое сотрудничество в области энергетического перехода и расширять сотрудничество в сфере возобновляемой энергетики.

Заключение

За прошедшие годы энергетическое сотрудничество между Китаем и Россией достигло значительных результатов, сыграв важную роль в обеспечении энергетической безопасности, экономического роста и региональной интеграции обеих стран. Однако в условиях трансформации мировой экономики и ускорения энергетического перехода возникли серьёзные проблемы: негибкость ценообразования, недостаточность инфраструктуры и расхождения в стратегическом планировании. В будущем сторонам необходимо укреплять координацию политики и внедрять инновационные механизмы, создавая более гибкую модель сотрудничества. Это позволит одновременно обеспечивать энергетическую безопасность, стимулировать региональное развитие и достичь более высокого уровня взаимной выгоды и устойчивого развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Составлено на основе данных China News Service, портала «Один пояс, один путь», сайта государственных закупок КНР, официального сайта Министерства коммерции КНР и портала Комиссии по контролю и управлению государственным имуществом при Госсовете КНР.
2. В 2022 году Китай стал крупнейшим покупателем российского угля. URL: <https://www.ccera.com.cn/web/72/202207/8991.html> (Дата обращения: 13.07.2022)
3. Си Цзиньпин и президент России Владимир Путин совместно приняли участие в церемонии начала строительства совместных китайско-российских проектов в сфере атомной энергетики. URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2021/0520/c1024-32108077.html> (Дата обращения: 20.05.2021)
4. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/LWYfSENa10uBrrBoyLqAA0j5eYIA60.pdf> (Дата обращения: 12.04.2025)
5. Чжан С. Анализ перспектив сотрудничества между Китаем и Россией в регионе «Северо-Восток — Дальний Восток» в контексте политики «поворота на Восток» // *Международные отношения*. 2025. № 1. С. 86–95. DOI: 10.7256/2454-0641.2025.1.73536 EDN: BKTNZU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73536
6. Китай и Россия содействуют взаимовыгодному сотрудничеству в области энергообеспечения. URL: https://paper.people.com.cn/zgnyb/pc/content/202505/12/content_30073582.html (Дата обращения: 12.05.2025)
7. 244,8 миллиарда долларов! Китайско-российское сотрудничество достигло нового максимума. URL: <http://www.ineweek.cn/finance/2025-05-12/25264.shtml> (Дата обращения: 12.05.2025)
8. Путин: «Газпром» и китайские партнёры будут рассчитываться за поставки природного газа рублями и юанями в соотношении 50:50 URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1743310388007703514&wfr=spider&for=pc> (Дата обращения: 07.09.2022)
9. Председатель КНР Си Цзиньпин и президент России Владимир Путин совместно приняли «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия в новую эпоху в ознаменование 80-летия Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, Победы китайского народа в Войне сопротивления японской агрессии и образования Организации Объединённых Наций». URL: <https://obor.nea.gov.cn/detail/21943.html> (Дата обращения: 09.05.2025)
10. Ван Ся, Чжан Цзяси. Исследование текущего состояния и проблем энергетической торговли Китая и России в условиях новой глобальной энергетической конфигурации // *Исследования экономики угля*. 2024. № 44 (04). С. 121–126.
11. Сюн Циюэ, Чжао Сюэцин. Логика, последствия и выводы из экономических санкций США и Европы против России // *Российские исследования*. 2022. № 238(06). С. 129–156.
12. Почему китайско-российские нефтегазопроводы вызывают у Запада зависть. URL: <https://world.huanqiu.com/article/46XQyjhno> (Дата обращения: 25.01.2022)
13. Платформа инженерных услуг «Один пояс, один путь». URL: <https://www.wedoany.com/zh-cn/shortnews/MOWnEzpG.html> (Дата обращения: 04.12.2024)
14. Ли Син, Хань Яньхун, Тао Кэцин. Энергетическое сотрудничество Китая и России в рамках инициативы «Один пояс, один путь»: достижения, проблемы и меры // *Гуманитарный журнал*. 2023. № 4. С. 66–76.
15. Мировой спрос на нефть может достичь пика к 2030 году. URL: <http://news.cnpc.com.cn/system/2025/06/30/030167298.shtml> (Дата обращения: 30.06.2025)

© Чжоу Чуаньмин (zhouchuanming@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В СТРАНАХ БРИКС И ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИХ РЕШЕНИЯ

Абдуллаев Эльшан Эльшад оглы

кандидат юридических наук, научный консультант
ООО «Образовательные системы», Москва
elshanabdullaevmsu@gmail.com

SEGMENTATION OF LABOR MIGRATION PROBLEMS IN BRICS COUNTRIES AND ORGANIZATIONAL–LEGAL BASIS FOR THEIR SOLUTION

E. Abdullaev

Summary. The purpose of this article is to segment the problems of labor migration in the BRICS countries (which are the oldest members of this organization: Brazil, Russia, India, China, South Africa) and organizational–legal basis for their solution.

Methodology. The methodological basis of this study is an integrated approach, which includes the use of a set of various methods, such as analysis, generalization, classification, as well as a method of critical understanding of the practice of regulating migration processes in various countries included in BRICS, methods of strategic planning in the field of creating conditions for the effective functioning of the legal mechanism that ensures the activity of the common labor market of the BRICS countries.

Results. The article determines the possibility of solving the migration problems of the BRICS countries on the basis of the organizational and legal mechanism for the functioning of the common labor market of BRICS. The results obtained by the author can be used in the process of further development of problems in the field of international labor law, as well as for identifying promising areas for the development of legal mechanisms for the functioning of BRICS.

Conclusions. The proposals presented open the door to a comprehensive discussion of migration policy options in the BRICS countries and create the potential for future cooperation in the field of migration, including the formation of a system for regulating various types of legal labor migration (highly skilled, educational and low-skilled) within BRICS, as well as the development of common political actions regarding migration exchange, including with third countries, the practice of which has already become typical for many integration associations.

Keywords: BRICS, migration, regulation, legal mechanism, problems, common market.

Аннотация. Целью данной статьи является сегментация проблем трудовой миграции в странах БРИКС (являющихся наиболее старыми членами данной организации: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка) и организационно–правовые основы их решения.

Методология. Методологической основой данного исследования является комплексный подход, включающий в себя использование совокупности различных методик, таких как анализ, обобщение, классификация, а также методика критического осмысления практики регулирования миграционных процессов в различных странах, входящих в БРИКС, методики стратегического планирования в области создания условий для эффективного функционирования правового механизма, обеспечивающего деятельность общего рынка труда стран, входящих в БРИКС.

Результаты. В статье определена возможность решения миграционных проблем стран, входящих в БРИКС, на основе организационно-правового механизма функционирования общего рынка труда БРИКС. Полученные автором результаты могут быть использованы в процессе дальнейшей разработки проблем в области международного трудового права, а также для определения перспективных направлений развития правовых механизмов функционирования БРИКС.

Выводы. Приведенные предложения открывают двери для всестороннего обсуждения вариантов миграционной политики в странах, входящих в БРИКС, и создают потенциал для будущего сотрудничества в сфере миграции, включая формирование системы регулирования различных типов легальной трудовой миграции (высококвалифицированной, образовательной и низкоквалифицированной) внутри БРИКС, а также разработку общих политических действий в отношении миграционного обмена, в том числе и с третьими странами, практика которого уже стала типичной для многих интеграционных объединений.

Ключевые слова: БРИКС, миграция, регулирование, правовой механизм, проблемы, общий рынок.

Введение

В последние годы международная организация БРИКС стала символом медленного, но устойчивого сдвига центра политико-экономического развития от регионов Северной Атлантики к новым центрам силы Евразии, Африки и Латинской Америки. Создание

этой организации весьма показательно с точки зрения реакции мирового сообщества на стремление к политическому диктату и к формированию глобального мирового порядка, в котором доминирует Глобальный Север. В настоящее время членами БРИКС являются Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка. В 2024 году членами организации стали Египет, Эфиопия, Иран и Объ-

единенные Арабские Эмираты, а в 2025 году к БРИКС присоединилась Индонезия.

Имеющиеся в настоящее время различия между уровнем экономического развития, политической культурой, принципами и системами государственного управления стран БРИКС определяют сложности в области формирования единой стратегии развития и согласования важнейших элементов внешней политики. В этой связи, поиск областей взаимопересекающихся интересов между странами БРИКС является актуальной задачей. Среди областей, которые одинаково интересны для всех стран — участниц БРИКС можно назвать науку, технологии, образование и миграцию. Данные области являются особой сферой государственных интересов, формируя гуманитарный и экономический потенциал организации и каждого ее участника. В настоящее время миграция приобрела поистине глобальное значение: в 2023 году 232 миллиона человек, или около 3 процентов населения мира относились к категории трудовых мигрантами. Из них 136 миллионов, или почти 59 процентов, приехали в развитые страны, а 96 миллионов, или 41 процент, — в развивающиеся [2].

При этом сотни миллионов работников и членов их семей, среди которых более 229 миллионов в России, Китае и Индии, пересекли границу с нарушением действующего законодательства, превысили срок действия визы, занимались деятельностью, не соответствующей их статусу, либо поселились, а затем и трудоустроились с нарушением иммиграционного законодательства, образуя новый социальной слой населения, становясь «нелегальными» мигрантами [14].

Если же говорить о Российской Федерации, то после распада СССР в 1991 году страна быстро стала центром второй по величине иммиграционной системы в мире. 12,3 миллиона нынешних российских жителей родились за пределами страны (по сравнению с более чем 45 миллионами в США, включая 11 миллионов нелегалов, крупнейшее принимающее государство). Одновременно, с 1991 года более 1,3 миллиона российских граждан получили разрешение на постоянную эмиграцию на Запад [10].

Миграция также играет важную роль в экономике иных стран БРИКС, являясь фактором, определяющим общую структуру занятости, а также определяя качество рабочей силы, имея ввиду соотношение низкоквалифицированной и квалифицированной рабочей силы, воздействуя, при этом, на финансовую систему страны, за счет активности мигрантов в области их денежных переводов. С 2013 по 2023 год Россия занимала четвертое место в мире по годовому чистому притоку мигрантов (389000 человек), а Южная Африка — шестое (247000 человек), в то время как Индия и Китай занимали соответ-

ственно третье и четвертое места среди стран эмиграции (с ежегодными чистыми потерями 490000 и 418000 человек). Таким образом, учитывая, что такие страны как Россия, Бразилия, Индия и Китай являются странами, которые в значительной степени формируют мировые миграционные потоки, трудовая миграция является одной из ключевых проблем для этих стран, формируя «миграционное проблемное поле», которое воздействует на общую ситуацию в мире и определяет необходимость активного взаимодействия стран БРИКС в области регулирования процессов трудовой миграции [14].

Как отмечают ученые Андриященко К.Д. [1], Балдин С.А. [3], Левина М.М. [8], Петровская М.И. [11], Соколова А.А. [12] и др., в целом, как иммиграция, так и эмиграция представляют собой крайне спорные вопросы, вызывающие серьезные проблемы в странах, входящих в БРИКС. Среди наиболее конфликтных вопросов, связанных с иммиграцией, можно выделить:

- 1) опасения по поводу разрушения местных культурных и этнических традиций, а также религиозного единства в принимающих обществах;
- 2) приток мигрантов, находящихся в правовой серой зоне;
- 3) растущую нагрузку на рынок труда и систему социального обеспечения;
- 4) потерю финансовых средств через денежные переводы мигрантов в их родные страны;
- 5) распространение преступности и коррупции, а также угрозы национальной безопасности.

В отношении эмиграции основное внимание, как правило, уделяется демографическим потерям, связанным с отъездом молодых и амбициозных людей; утечке профессиональных и интеллектуальных элит и соответствующим финансовым потерям, связанным с их образованием и подготовкой; а также истощению образовательного, научного, промышленного и военного потенциала стран.

По мнению Левиной М.М., в современных условиях миграция, особенно нелегальная, может выступать важным дестабилизирующим фактором, провоцируя этнические конфликты и даже вспышки насилия, в связи с чем ее регулирование в странах БРИКС является общей задачей для стран — участниц данного объединения [8].

Таким образом, целью данной статьи является сегментация проблем трудовой миграции в странах БРИКС (являющихся наиболее старыми членами данной организации: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка) и организационно-правовые основы их решения.

Научная новизна данной статьи состоит в том, что автор определил возможности решения миграционных проблем стран, входящих в БРИКС, на основе органи-

зационно-правового механизма функционирования общего рынка труда БРИКС, который определен как разноуровневая и постоянно эволюционирующая система постепенной гармонизации трудового и миграционного законодательства, с целью защиты национальных интересов в области перемещения рабочей силы, упрощения процедур трудовой миграции и создания условий для повышения общей конкурентоспособности работников, способных решать задачи социально-экономического развития стран БРИКС в эпоху цифровизации и технологизации производственных систем, торговли и финансового обмена.

Практическая ценность данной статьи состоит в том, что полученные автором результаты могут быть использованы в процессе дальнейшей разработки проблем в области международного трудового права, а также для определения перспективных направлений развития правовых механизмов функционирования БРИКС.

Методология. Методологической основой данного исследования является комплексный подход, включающий в себя использование совокупности различных методик, таких как анализ, обобщение, классификация, а также методика критического осмысления практики регулирования миграционных процессов в различных странах, входящих в БРИКС, методики стратегического планирования в области создания условий для эффективного функционирования правового механизма, обеспечивающего деятельность общего рынка труда стран, входящих в БРИКС.

Результаты

В настоящее время в странах, входящих в БРИКС, имеется ряд общих проблем, формирующих цели миграционной политики, несмотря на значительные различия в их миграционных вызовах, которые формируются в геополитическом пространстве БРИКС. Так, например, если население России имеет существенный дефицит рабочей силы, то Китай, Индия и Бразилия имеют избыточный трудовой потенциал, что открывает двери для потенциального сотрудничества в сфере трудовой миграции [2]. В этой связи имеет место относительно крупный поток мигрантов из Китая в РФ. В период с 2013 по 2023 год число официально трудоустроенных китайцев в России увеличилось в семь раз, причем Китай теперь является крупнейшим поставщиком рабочей силы в РФ за пределами постсоветского пространства и третьим по величине (после Таджикистана и Узбекистана) среди всех мигрантов [11]. При этом по прогнозам экспертов количество китайских мигрантов будет расти с темпами от 5.0 % до 7.0 % в год в зависимости от общей геополитической ситуации и потребностей российской экономики [1].

Также можно говорить о нерегулярной и плохо администрируемой трудовой миграцией между Индией и Китаем. В 2023 году на территорию Китая прибыло более 1,2 млн. работников из Индии; в свою очередь число мигрантов в Южной Африке оценивалось в диапазоне от 4,5 до 5,7 % населения; в Индии в настоящее время зафиксировано 6,2 миллиона иммигрантов при том, что в 2023 году 14 миллионов индийцев постоянно проживали за пределами страны, впервые опередив Мексику, ранее занимавшую первое место, а Россия и Китай заняли соответственно третье и четвертое места [16].

В этой связи существенный масштаб миграционных потоков между тремя ведущими странами БРИКС (Россией, Китаем и Индией) определяет наличие параллелей между миграционной ситуацией. Среди сходных черт в указанной выше области можно выделить ряд наиболее актуальных. Так, в частности, все ведущие страны-члены БРИКС сталкиваются с крупномасштабными миграционными потоками различных типов — как легальными, так и нелегальными (нерегулярными), внешними и внутренними. Также, все пять исследуемых государства (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка) сталкиваются с крупномасштабной и долгосрочной «утечкой мозгов». Так, например, размер российской интеллектуальной диаспоры за рубежом оценивается в пределах 150–200 тыс. человек, китайской — 480–520 тыс. человек, из ЮАР — в пределах 80 тыс. человек [12]. Что касается Индии, то хотя эмиграция индийских специалистов в США фактически началась сразу после Второй мировой войны, к началу текущего века в США работало 300 000 специалистов в области высоких технологий и 135 000 врачей индийского происхождения [12].

Также следует обратить внимание на то, что в 2023 году 1 млн 339 тыс. чел. из числа китайских студентов обучались за границей, тогда как около 292 тыс. иностранных студентов обучались в Китае [6]. К 2023 году более 2,6 миллиона китайских студентов завершили обучение за рубежом, но только 0.6 миллионов вернулись домой. Аналогичная ситуация складывается в России, имея в виду, что, в настоящее время, преимущественно в Европе, обучается 120 тыс. студентов из России, при том, что возвращаться в страну после прохождения обучения планирует мене 50 % от общего количества обучаемых [12].

Эта ситуация вызывает серьезное беспокойство со стороны стран, отправляющих студентов за границу, определяя необходимость остановить или, по крайней мере, замедлить процесс утечки мозгов и такие страны как Индия и Китай, уже сформировали соответствующую политику и активно работают над поддержанием связей со своей интеллектуальной диаспорой за рубежом, стимулируя процессы возвращения этих специалистов на родину [9].

В частности, Индия внедрила «Зарубежное гражданство Индии» (OCI) — удостоверение личности для индийцев и их потомков, постоянно проживающих за границей, которое позволяет им путешествовать без виз и заниматься профессиональной деятельностью, дополнительно не подтверждая официальный статус полученного свидетельства (диплома), свидетельствующего о наличии определенной профессиональной квалификации [13].

Начиная с 2020 года, Китай предлагает гарантированное трудоустройство и значительные бонусы для возвращения высококвалифицированных специалистов и китайских студентов, обучавшихся за границей. Российские власти также активно исследуют различные способы взаимодействия с российской интеллектуальной диаспорой, предлагая сотрудничество и прохождения учебной практики на базе российских инновационных предприятий, в частности в инновационном центре «Сколково» [5].

Кроме того, исследуемые члены БРИКС активно изучают способы стимулирования притока иностранных студентов и упрощения юридических процедур, как для высококвалифицированных мигрантов, так и для тех, кто подает заявление на получение постоянного иммиграционного статуса в качестве инвесторов в национальные экономики стран, входящих в БРИКС. В частности, в России, такой статус получил 1100 немецких, 900 британских, 850 американских, 800 французских, 530 турецких и 520 китайских высококвалифицированных специалистов. Также, более 43 % мигрантов, прибывших в Россию в 2023 году из стран СНГ и Грузии, имели профессиональное образование, включая 18,3 %, лиц, имеющих университетские дипломы, при том, что 36,3 % мигрантов выразили желание остаться в России на постоянной основе [3].

В Китае с 2021 по 2023 год 45752 иностранца получили постоянное место жительства, из которых 11735 человек являются высококвалифицированными специалистами. [16].

В свою очередь, Бразилия выдала 156 тыс. рабочих виз для высококвалифицированных специалистов в 2023 году, при общем дефиците квалифицированной рабочей силы, оцениваемой в размере 1.2 млн работников. [15].

Также, страны входящие в БРИКС, имеют общие проблемы, которые касаются получения легального иммиграционного статуса, разрешения на работу и официального признания образовательных дипломов в странах пребывания. В результате потенциал иностранной рабочей силы используется не полностью.

Кроме того, как уже упоминалось, все страны, входящие в БРИКС одновременно являются государствами эмиграции и иммиграции, многие из них также служат транзитным хабом для мигрантов, стремящихся попасть в развитые страны Глобального Севера. Эта множественность ролей наиболее заметна в России и Южной Африки, когда миграционный транзитный статус создает значительные социальные, медицинские и угрозы безопасности для этих государств. Высоким является и финансово-экономический потенциал миграции. В настоящее время страны БРИКС являются важными участниками финансового рынка за счет значительного потока международных денежных переводов, хотя роли стран в этой области различаются [4].

Также, государства, являющиеся участниками БРИКС, сталкиваются с серьезными проблемами, связанными с незаконной миграцией из соседних стран на их территорию. Оценки числа нелегальных мигрантов на территории России значительно варьируются — от 2,1 миллиона до 3–5 миллионов человек. По мнению экспертов, консенсусная оценка на данный момент составляет 2,4 миллиона, тогда как общее число трудовых мигрантов (как легальных, так и нелегальных) на территории России колеблется от 3,8 до 6,7 миллиона [9].

В Китае, по официальным данным, число иностранцев, посетивших страну в 2023 году, составило 27,2 миллиона, включая 2,9 миллиона человек, прибывших официально для работы. Однако некоторые оценки говорят о наличии в стране до 50 миллионов нелегалов (преимущественно на юге страны, в основном из соседних государств, а также Пакистана и Африки), хотя у специалистов методология этих расчетов остается неясной. Однако, при этом только в 2023 году китайские власти выслали из страны около 200 000 нелегальных мигрантов. В Бразилии число нелегальных мигрантов оценивается в пределах от 600 000 до двух миллионов человек. Южная Африка, в свою очередь, депортировала более 100 тыс. нелегальных мигрантов, начиная с 2020 года [9].

На этом фоне страны БРИКС сталкиваются с серьезными проблемами, связанными с торговлей людьми, явлением, распространением организованной преступности, ростом коррупции и т.д. Таким образом, существуют общие миграционные вызовы, которые требуют ответной реакции со стороны стран, входящих в БРИКС, в частности решения требует проблема совместимости рынков труда этих стран, что, в конечном итоге, должно привести к созданию общего рынка труда стран, входящих в БРИКС. Правовой механизм такого рынка предполагает разработку ряда нормативных актов и институциональных инструментов, которые позволят обеспечить свободное перемещение работников между странами-участниками БРИКС, а также обеспечивать единые подходы к решению наиболее острых миграционных про-

блем. Аналогии такого подхода имеются. Так, например, в рамках СНГ была принята обновленная Концепция поэтапного формирования общего рынка труда и регулирования миграции, которая определяет содержание согласованных подходов к решению миграционных проблем, к регулированию социально-трудовых отношений и к свободному перемещению рабочей силы [7].

Также в настоящее время на территории Евразийского экономического союза реализуется правовая парадигма общего рынка труда, которая основывается на принципе равных возможностей трудоустройства для граждан стран-участников и гармонизацию правового регулирования в сфере занятости [8].

Данные примеры могут стать основанием для создания на геополитическом пространстве стран, входящих в БРИКС, мощного единого рынка рабочей силы, что, в конечном итоге, создаст условия для повышения привлекательности трудовой деятельности в этих странах.

По нашему мнению, процесс создания такого рынка должен быть направлен на создание правового механизма, который позволит создать универсальные нормы для трудовой миграции (рис. 1).

В целом, механизм правового регулирования общего рынка труда стран, входящих в БРИКС, мы можем определить как разноуровневую и постоянно эволюциони-

рующую систему постепенной гармонизации трудового и миграционного законодательства с целью защиты национальных интересов в области перемещения рабочей силы, упрощения процедур трудовой миграции и создания условий для повышения общей конкурентоспособности работников, способных решать задачи социально-экономического развития стран БРИКС в эпоху цифровизации и технологизации производственных систем, торговли и финансового обмена.

Функционирование данного рынка может служить для большинства стран, входящих в БРИКС, важным механизмом стабилизации социально-экономической ситуации. Это может происходить через такие механизмы, как общее регулирование в области денежных переводов мигрантов, через распределение демографической нагрузки, через универсализацию системы социального обеспечения и через предоставление мигрантам доступа к равному образованию и получению профессиональных навыков при минимальной стандартизации образовательных программ.

Заключение

Приведенные предложения открывают двери для всестороннего обсуждения вариантов миграционной политики в странах, входящих в БРИКС, и создает потенциал для будущего сотрудничества в сфере миграции, включая формирование системы регулирования раз-

Рис. 1. Структурные элементы правового регулирования общего рынка рабочей силы стран, входящих в БРИКС

личных типов легальной трудовой миграции (высококвалифицированной, образовательной и низкоквалифицированной) внутри БРИКС, а также разработку общих политических действий в отношении миграционного обмена, в том числе и с третьими странами, практика которого уже стала типичной для многих интеграционных объединений.

В этой связи укажем на то, что создание высококонкурентного рынка квалифицированной рабочей силы на геополитическом пространстве БРИКС играет важную

роль в утверждении данного объединения в качестве мирового политического и социально-экономического лидера, открывает значительные возможности для дальнейшего развития трудового законодательства в данных странах.

Таким образом, дальнейшее направление исследования будет сконцентрировано на разработке рекомендаций, направленных на создание правового механизма регулирования общего рынка труда на геополитическом пространстве БРИКС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрищенко К.Д. Тенденции и перспективы трансформации эмиграционных процессов экономики России: дисс. канд. наук. 2025 — кандидат наук
2. Балабанова Ю.Н. Обеспечение национальной экономической безопасности с учетом миграционных потоков: дисс. канд. полит. наук. — Казань, 2025. 201 с.
3. Балдин С.А. Государственное управление в миграционной сфере в условиях цифровой трансформации экономики: риски и вызовы: дисс. канд. юрид. наук. — Москва, 2024. 204 с.
4. Бондаренко К.А. Влияние стадий международной миграции на направления и объемы денежных трансфертов: дисс. канд. эконом. наук. — Москва, 2024. 123 с.
5. Ван Синь. Внешняя политика Китая в решении глобальных проблем современности: дисс. канд. полит. наук. — Москва, 2024. 214 с.
6. Ван Сяотун. Развитие внешнеэкономических связей Китая в контексте китайской стратегии «двойной циркуляции»: дисс. канд. полит. наук. — Москва, 2025. 232 с.
7. Концепция поэтапного формирования общего рынка труда. URL: <https://eccis.org/page/14686/koncepcia-poetapnogo-formirovania-obsego-rynka-truda>
8. Левина М.М. Международно-правовое регулирование трудовой миграции в Евразийском экономическом союзе: дисс. канд. юрид. наук. — Москва, 2024. 297 с.
9. Махмадбекзода Моёншо Шодмон Международные и региональные миграционные процессы в условиях современной глобализации (политологический анализ): дисс. докт. полит. наук. — Душанбе, 2024. 378 с.
10. Миграции населения в 2024 году: потоки ослабевают. URL: https://raexpert.ru/researches/regions/migration_regions_2024/
11. Петровская М.И. Административно-правовое регулирование государственного управления в сфере вынужденной миграции в Российской Федерации: дисс. канд. юрид. наук. — Москва, 2024. 233 с.
12. Соколова А.А. Возвратная трудовая миграция: масштабы, последствия, подходы к регулированию: дисс. канд. эконом. наук. — Вологда, 2024. 177 с.
13. Шарма Гаурав. Развитие государственной политики кадрового обеспечения высокотехнологических компаний (на примере Индии): дисс. канд. эконом. наук. — Москва, 2025. 207 с.
14. ICMPD Migration Outlook 2025 Ten migration issues to look out for in 2025: Origins, key events and priorities for Europe. URL: <https://www.icmpd.org/file/download/63373/file/ICMPD%2520Migration%2520Outlook%25202025.pdf>
15. Lacroix T. The transnational state and migration: Reach, flows and Policie. Political Geography. Vol. 94, April 2022, 102571
16. Worldwide immigration trends report: challenges and opportunities for 2025. URL: <https://www.fragomen.com/trending/worldwide-immigration-trends-reports/i>

© Абдуллаев Эльшан Эльшад оглы (elshanabdullaevmsu@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОПЫТ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ, ПОСВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ ПАВШИХ ВОИНОВ И ИХ СЕМЕЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

HISTORICAL AND LEGAL EXPERIENCE OF CHARITY DEDICATED TO THE MEMORY OF DEAD SOLDIERS AND THEIR FAMILIES IN PRE-REVOLUTIONARY ST. PETERSBURG

**E. Bilashenko
S. Rubtsov
A. Platonov
A. Zuev**

Summary. The paper reveals the main contents of pre-revolutionary charity, which is dedicated to the family members of fallen soldiers and their memory. The paper explored the period from the founding of Saint Petersburg to the Russian Revolution of 1917. Both regulatory legal acts and scientific literature were considered in detail. The paper identifies and discusses various stages of charity work of the Romanov's representatives towards the families of fallen soldiers. In addition, the paper shows development of the systems of various institutions that deal with caring for the members of fallen soldiers' families.

Keywords: the system of care for servicemen, Saint Petersburg's charity, hospitals, orphan's homes, asylums.

Билашенко Екатерина Вениаминовна

кандидат педагогических наук, доцент,
Российский государственный педагогический
университет имени А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург
katbil2008@yandex.ru

Рубцов Сергей Николаевич

Доктор исторических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (Северо-Западный институт
управления РАНХиГС), Санкт-Петербург
rubzov@bk.ru

Платонов Андрей Владимирович

Кандидат философских наук, доцент,
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации
kaf.seigd.lof@mail.ru

Зуев Андрей Вячеславович

Кандидат исторических наук, доцент, Государственный
университет морского и речного флота имени
адмирала С.О. Макарова;
Российский государственный педагогический
университет имени А. И. Герцена; Санкт-Петербургский
государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)
univerandrey@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается основное содержание дореволюционной благотворительности, посвященной памяти павших воинов и членов их семей со времен основания города Санкт-Петербурга и до революции 1917 года. Подробно рассматриваются как нормативно-правовые акты по данному вопросу, так и научная литература. Выделяются различные периоды царствования дома Романовых с точки зрения их позиций по отношению к благотворительности, посвященной павшим воинам и их семьям. Прослеживается также смена различных учреждений, занимающихся проблемами павших воинов и членов их семей.

Ключевые слова: система призерения военнослужащих, петербургская благотворительность, госпитали, приюты, богадельни.

Вопрос о поддержке раненых и больных воинов, а также членов их семей, был актуален задолго до правления Петра I. Однако именно в петровскую эпоху, в условиях непрерывных и масштабных войн, эта проблема приобрела критическую остроту. Появление в 1696 году Кригскомиссариатов — ведомства, отвечавшего за снабжение армии, при Военном приказе, стало важным шагом в организации помощи. Кригскомисса-

риаты, хотя и не были непосредственно предназначены для социальной поддержки ветеранов, невольно взяли на себя часть этой функции, обеспечивая определенную материальную помощь тем, кто оказался неспособен продолжать службу из-за полученных ранений или болезней. Однако система была несовершенна и не покрывала все возникающие потребности. С основанием Санкт-Петербурга проблема ухода за инвалидами войны

приобрела новую актуальность. Быстрый рост города и постоянные военные кампании приводили к увеличению числа нетрудоспособных ветеранов, требующих помощи и поддержки. Уже в 1710 году появились первые учреждения, предназначенные для призрения военных инвалидов. Указ «Об осмотре престарелых, раненых и увечных офицеров и нижних чинов» стал первой попыткой систематизировать подход к решению этого вопроса [3, С. 476]. Этот указ предписывал провести осмотр военных инвалидов и разделить их на две категории: годных к службе в других губерниях и негодных, которых следовало направить в Московские богадельни [4, С. 466].

Это свидетельствует о понимании разницы в степени инвалидности и попытках адаптировать помощь к индивидуальным потребностям. Однако, система оказалась недостаточно эффективной. Следующий важный этап произошел в 1720 году, когда был издан Высочайший именной указ «О посылке неспособных офицеров, урядников и рядовых, за неимением пропитания в монастыри и богадельни, куда пожелают». Этот указ уже более четко определял процедуру передачи инвалидов на попечение религиозных учреждений. Это подчеркивает роль церкви в организации социальной помощи в то время. Важно отметить, что выбор монастыря или богадельни оставался за самим инвалидом, что указывает на некоторую степень учета личных предпочтений.

К 1721 году количество военных инвалидов стало столь значительным, что возникла необходимость в их систематизированном учете. Император Петр I потребовал от Святейшего Синода провести полный учет инвалидов, содержащихся при монастырях и богадельнях [5, С. 188].

Это подтверждает стремление властей к более эффективному распределению ресурсов и контролю за предоставляемой помощью. Однако, даже после проведения учета, проблема содержания большого числа инвалидов оставалась актуальной. В результате, к 1722 году было принято решение о содержании только тех инвалидов, которые уже находились в монастырях и богадельнях [1]. Это свидетельствует о попытках оптимизации затрат на содержание военных инвалидов. Указ 1724 года, внес дальнейшие коррективы в систему поддержки ветеранов. Указом 1724 года женатым инвалидам было дозволено селиться в городах с отказом государства от их содержания [6, С. 649–653].

29 июня 1723 года принят указ о сборе церковных подаваний в Санкт-Петербурге в специальные кошельки на нужды будущего «гошпиталя» для военных инвалидов. С 1731 года отставные солдаты поступали в богадельни и содержались на государственном жаловании.

Таким образом, формирование системы помощи военным инвалидам в Санкт-Петербурге происходило постепенно, в течение нескольких десятилетий, отражая эволюцию государственных и общественных подходов к решению этой сложной социальной проблемы.

Каждый из упомянутых указов внес свой вклад в развитие этой системы, показывая постепенное усиление роли государства в обеспечении социальной защиты военных инвалидов и их семей. Несмотря на несовершенство системы, уже в начале XVIII века в Санкт-Петербурге были предприняты значительные усилия для решения этой важной социальной проблемы.

К началу второй четверти XVIII века, можно сказать, сложилась определенная система призрения военнослужащих в России. Особую сложность представляли её администрирование, управление финансовыми и людскими потоками. Тем более что от государства требовалось распределять «солдат отставных, которые трудиться не могут и прочих нищих» в монастыри и богадельни по регламенту, учитывая их звания и доходы [9, л.д. 5]. Распределением занимался Святейший синод. Солдатам, которые не желали жить в богадельнях, выдавались паспорта и предоставлялось право «выбирать любое место поселения на своё усмотрение».

В 1736 поступило предписание уволенных от службы за ранами, увечьем или старостью армейских унтер-офицеров поселять на свободных пограничных землях под наблюдение штаб-офицерского чина с выдачей надела в 30 четвертей (более 8 соток). Также в богадельни не направлялись военнослужащие, имевшие «свои дворы и пропитание» [12, С. 9]

Правление императрицы Елизаветы Петровны ознаменовалось попыткой реформирования системы государственного призрения инвалидов, прежде всего, ветеранов армии. До этого момента, судьба отставных военных, потерявших трудоспособность, находилась в руках Святейшего Синода, распределявшего их по монастырям и богадельням. Елизавета Петровна стремилась вывести эту сферу из-под церковного контроля, передав ее в ведение светской власти, конкретно — Коллегии экономии. Эта коллегия, в свою очередь, несла ответственность за размещение ветеранов и инвалидов в различных учреждениях.

Для улучшения условий содержания было предпринято строительство каменных госпиталей, а также создание специальных военных поселений на территории Поволжья. Целью этой масштабной программы являлся перевод престарелых и немощных солдат из монастырей и богаделен в более комфортабельные и организованные поселения, предполагающие определенный уровень самообеспечения. Переселение семей отставных

военных, организованное Главной полицейской канцелярией, сопровождалось предоставлением земельных наделов — от 20 до 30 десятин на семью, что должно было обеспечить им возможность вести сельское хозяйство и обеспечивать себя пропитанием. [10, С. 137]. Это свидетельствовало о попытке не просто обеспечить ветеранам кров, но и дать им возможность вести относительно самостоятельную жизнь. Однако, параллельно с этими инициативами, проблема нищенства оставалась крайне актуальной.

В указе императрицы, озаглавленном «О допросе главной полицией пойманных нищих, и об отсылке оных по показаниям их на прежние жилища», [7, С. 246] подчеркивалась значительная численность бродячих нищих, большая часть которых составляли отставные солдаты, их жены, а также престарелые и больные люди, вынужденные искать милостыню. В указе особо подчеркивается необходимость выявления причин нищенства и, по возможности, возвращения людей в места их прежнего проживания. Следует отметить, что даже при активных усилиях по созданию новых учреждений для ветеранов, система направления раненых и больных солдат из армии продолжала опираться на монастыри и богадельни.

Указ от 13 января 1760 года подтверждает этот факт, предписывая обеспечивать раненых и больных транспортом до места их назначения. Параллельно с этим, происходит реорганизация системы обеспечения безопасности. Вместо гарнизонных частей «служащих инвалидов», создаются «инвалидные команды», выполнявшие функции полиции и внутренних войск.

В 1760 году была сформирована первая подобная команда — 31-я уездная инвалидная команда. Это показатель стремления использовать опыт и навыки бывших солдат для нужд государства, предоставляя им при этом определённый социальный статус и обеспечение.

После смерти Елизаветы Петровны, реформирование системы призрения военных инвалидов продолжил император Пётр III. В 1762 году им было издано четыре указа, направленные на совершенствование уже существующих законов, регулирующих содержание отставных военнопленных в монастырях и богадельнях. Эти указы, хотя и не радикально меняли систему, свидетельствовали о продолжении заботы о социальной защите ветеранов.

Однако, более значимым документом Петра III стал манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» [8, С. 912]. Хотя этот манифест не прямо касался системы призрения инвалидов, он сильно повлиял на общее социальное устройство России и, несомненно, косвенно затронул и жизнь ветера-

нов, предоставляя им новые возможности и права в изменившихся общественных условиях. В целом, можно сказать, что правление Елизаветы Петровны и Петра III означало постепенное, но непрерывное усовершенствование системы государственного призрения военных инвалидов, отражая эволюцию социальной политики Российской империи в этот период. Значимость этих реформ определяется не только улучшением материального положения ветеранов, но и попыткой интегрировать их в общественную жизнь страны. Различные подходы и методы, использовавшиеся в это время, позволяют проследить сложные процессы государственного строительства и социального развития Российской империи.

В правление императрицы Екатерины II ещё больше увеличилось количество увечных, старых и немощных военнопленных, нуждавшихся в попечении. В отличие от своих предшественников государыня не стала перекладывать это бремя на церковь. Наоборот, в 1764 году она отказывалась от помещения инвалидов в монастыри и стала строить богадельни, переводя нуждавшихся военнопленных и их жён на государственное обеспечение. Монастырские богадельни были упразднены [11, С. 290]

Был определён 31 город для размещения инвалидов [2, С. 11]. Для нижних чинов под патронажем императрицы была организована Екатерининская богадельня в Москве, а для офицеров — Каменноостровский инвалидный дом в Петербурге. Каменноостровский инвалидный дом появился в 1766 году по ходатайству вел. кн. Павла Петровича, как первое специализированное заведение для военных инвалидов (в дальнейшем Инвалидный дом императора Павла I). В нём производилась опека над военными моряками и находившимися в ведении Морского ведомства.

Созданный в 1780 году Санкт-Петербургский Приказ общественного призрения должен был, среди прочего, призывать и военных инвалидов. В этом же году начали работу Санкт-Петербургские градские богадельни, куда наряду с другими категориями населения помещали и увечных и неизлечимо больных военных.

Император Павел I Петрович ещё больше увеличил число инвалидных команд: в Петропавловской крепости им была учреждена особая инвалидная команда для надзора за арестантами (прототип конвойной части); открыто специальное благотворительное Мариинское ведомство. Военные пенсионеры получили возможность после выхода в отставку поступать на гражданскую службу. При этом им полагалась государственная надбавка, соразмерная пенсии. Особо нужно отметить деятельность императора по созданию «вдовьих домов» для жён погибших военных чинов, «военно-сиротских

учреждений», в которых воспитывались дети погибших солдат и офицеров, военно-учебных заведений, полковых и батальонных школ для обер-офицерских и солдатских сыновей.

В первое десятилетие XIX века императором Александром I была проведена общая реформа всей армии. В том числе значительно расширились функции военнослужащих инвалидов рот: четыре из них стали заниматься охраной Александровской мануфактуры, появились охранные инвалидные команды при Гатчинском и Павловском дворцах, при Нарвской крепости, Шлиссельбургской тюрьме. Это позволило трудоустроить работоспособных, но выслуживших свой срок ветеранов, обеспечить их семьи. Пенсионным обеспечением, на основании изданного в 1803 году монаршего распоряжения, были охвачены ветераны, прослужившие в армии и на флоте 20, 30 и 40 лет.

Наряду с государственной системой социального призрения военных пенсионеров с начала XIX века складывается и система частной и общественной благотворительности. Примером этого служит прошение графов Зубовых, поданное ими в 1805 году, принявших на себя ежегодный расход на сумму 6000 рублей и последовавшее Высочайшее разрешение построить Инвалидный дом на 30 человек при Троице-Сергеевой пустыни под Санкт-Петербургом.

В 1807 году было велено производить раненым и увечным отставным штаб- и обер-офицерам полное жалование «во всю их жизнь», а состоявшим в ведении Приказов общественного призрения нижним чинам — инвалидное жалование. С 1809 года государство стало выплачивать вдовам погибших и умерших от боевых ран пенсии в размере полного оклада мужа пожизненно.

В дальнейшем в области благотворения военным чинам в царствование Александра I всплеском патриотических отношений в обществе в связи с событиями Отечественной войны 1812 года. В этом же году 25 июня вышел закон «О призрении семейств нижних чинов, находящихся на действительной службе в мобилизованных частях армии и флота, в государственном ополчении или в военных дружинах». На его основании правом на пособия из средств казны пользовались дети, отцы, матери, деды, бабки, братья и сестры, если они содержались трудом призванных.

Сразу же после изгнания наполеоновских войск из России, по инициативе супруги Александра I Елизаветы Алексеевны было создано Женское Патриотическое общество. Это была общественная организация, сплотившая всех дам высшего общества тогдашней России на основе благотворительности и патриотизма.

В следующем году создается по инициативе издателя П.П. Пезаровнуса Инвалидный капитал для выдачи пенсий и вспомоществованию раненым военнослужащим и их семьям, а также помощь вдовам и детям убитых воинов.

Важнейшим законодательным актом того времени выступает Высочайший приказ армиям «О учреждении Особого комитета для вспомоществования неимущим изувеченным генералам, штаб и обер-офицерам» от 18 августа 1814 года. Значение данного документа очень высоко, так как он обозначил открытие такого учреждения, которое в последствии было переименовано в Александровский Комитет о раненых, а также положило законодательное основание системе призрения военных инвалидов. Под эгидой комитета в 1831 году была открыта Чесменская военная богадельня в Санкт-Петербурге.

Существенным изменением можно считать пересмотр порядка пенсионного содержания военнослужащих. Российский военный историк В.А. Ярёмченко пишет: «При Николае I пенсии были увеличены, а сроки выслуги сокращены. Полная пенсия назначалась за 35 лет безупречной службы. Прослужившим от 30 до 35 лет определялось 2/3 полного оклада, от 20 до 30 лет — 1/3 полного оклада. В 1838 году должностной оклад полного генерала составлял 5000 рублей (ассигнаций), полковника — от 1200 до 2000 рублей, капитана — от 650 до 1100 рублей, прапорщика — от 450 до 750 рублей. Одновременно с окладами жалованья по чинам были установлены и оклады столовых денег» [13]. К военным пенсионерам прибавились лица, которым назначалось содержание «по особым положениям» — преподаватели и воспитатели военно-учебных заведений, военно-медицинский персонал, военное духовенство, военные художники [15].

В 1844 году появляется первая Свято-Троицкая община сестер милосердия, которая совместно с другими аналогичными общинами сыграла значительную роль в помощи воинам в Крымскую войну (1853-1856). Крымская война вызвала новый всплеск благотворительности в России. Так, в Санкт-Петербурге в 1855 году семейством князей Белосельских-Белозерских была устроена Больница для раненых и больных ратников ополчения. В 1856 году по решению вдовствующей императрицы Александры Федоровны в Санкт-Петербурге был основан приют для солдатских дочерей Кавалергардского полка, а петербургский купец С.Т. Овсянников основал на свои средства и возглавил учреждение для опеки 25 одиноких ветеранов войны (Инвалидный дом имени Овсянникова). В 1857 году началась деятельность Александровской слободы семейных инвалидов — филиала Николаевской Чесменской богадельни.

В послевоенный период значимым стало появление в 1867 году по инициативе группы государственных деятелей Общества попечения о больных и раненных воинах, которое с 1879 года именовалось Российского общества Красного Креста (РОКК) и под этим именем вошло в историю. Именно в это общество вошло в последствии ряд общин сестер милосердия.

Следующим толчком в развитии благотворительности для военных стала Русско-турецкая война (1877–1878). Так уже в первые месяцы войны было основано Главное попечительство для пособия нуждающимся семействам воинов под покровительством императрицы Марии Александровны и Высочайше утверждены «Временные правила о призрении семейств чинов запаса и ратников Государственного ополчения, призванных в военное время на службу», регулирующие казенное довольствие семей на время военных действий. Главное попечительство координировало работу благотворительных обществ и учреждений по всей стране. Весной 1878 года началась деятельность Шестого Санкт-Петербургского попечительства, созданного в составе Главного попечительства для выдачи пособий нуждающимся семьям воинов. В этом же году был основан Мариинский приют Комитета пособия лицам, пострадавшим на войне, предназначенным для вдов и сирот погибших офицеров. А также был создан графиней Бобринской С.А. Дамский попечительный комитет для снабжения увечных воинских нижних чинов искусственными конечностями.

По окончании войны с Турцией в России настал достаточно большой мирный период. В этот период создаются ряд специализированных благотворительных организаций, опекавших военных инвалидов и членов их семей. Примером таких организаций может послужить Общество попечения о семействах воинов войск гвардии Санкт-Петербургского военного округа и Балтийского флота (1881), Воинское благотворительное общество Белого Креста (1884), Мариинский приют для ампутированных и увечных воинов, Санкт-Петербургское общество попечения об отставных нижних чинах и оставивших службу вольнонаемных служащих Санкт-петербургской столичной полиции и управления градоначальника.

Русско-японская война 1904–1905 годов, как и предыдущие войны, в существенной мере повлияла на развитие благотворительности в России, породив новые учреждения и формы благотворительности. В августе 1904 года начала работать созданная по инициативе императрицы Александры Федоровны при Главном управлении РОКК Особая Комиссия по бесплатному размещению больных и раненных воинов в пределах Санкт-Петербургского военного округа, издавался специальный журнал «Призрение раненных», который целиком был посвящен был этому вопросу. В ноябре 1904 года был учрежден Скобелевский комитет для выдачи пособий, потерявшие на войне способности к труду воинам,

а в июне 1905 года — Алексеевский главный комитет с задачей призрения детей лиц, погибших в войну с Японией. Они в дальнейшем действуют и в период Первой мировой войны.

Первая мировая война стала величайшим испытанием для России. Эта война оказалась в пять раз губительнее, чем все войны XVIII века, вместе взятые. По количеству людей, погибавших в среднем ежедневно, эта война превзошла русско-японскую войну 1904–1905 годов в 23 раза, русско-турецкую войну 1877–1878 годов — в 30 раз, Крымскую 1853–1856 годов — в 45 раз [14]. В такое исключительно трудное, трагическое для России время задача развития благотворительной помощи пострадавшим от войны имела очень важное значение.

Предвоенная история петербургской благотворительности увенчалась созданием в 1906–1908 годах Городских попечительств о бедных — системы благотворительных организаций для оказания постоянной адресной помощи нуждающемуся городскому населению. В годы Первой мировой войны на них была возложена правительством обязанность призрения членов семей мобилизованных нижних чинов и ратников ополчения, раздача казенных продовольственных пайков. Также ими в годы войны были открыты приюты, убежища, ясли, бесплатные столовые, дешевые квартиры, мастерские для устройства инвалидов, бюро труда, пункты выдачи справок убитых, раненных, без вести пропавших воинов. Это было обусловлено еще и тем, что Петроград оказался огромной перевалочной базой для мобилизованных, пострадавших от военных действий и беженцев.

Для организации всей общероссийской благотворительной деятельности в военных условиях Императорским указом от 11 августа 1914 года был создан Верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненных и павших воинов, состоявших под августейшим председательством императрицы Александры Федоровны.

В августе 1914 года Всероссийский союз городов выступил с обращением к городскому населению России с призывом к созданию лазаретов.

1915 год ознаменовался созданием Земгора — Главного комитета по снабжению армии, образованного Всероссийскими земскими и городскими союзами. Эта организация, призванная эффективно распределять государственные оборонные заказы, сразу же получила широкую поддержку. Более пятисот организаций, частных лиц и учреждений Петрограда откликнулись на призыв, продемонстрировав солидарность и стремление содействовать военной мощи России в период Первой мировой войны. Это событие стало ярким свидетельством единства общества перед лицом общей угрозы. Земгор стал своеобразным мостом между государством

и населением, обеспечивая бесперебойное снабжение армии необходимыми ресурсами.

Параллельно с государственной деятельностью, ярким примером благотворительности и патриотизма стало активное участие князей Константиновичей в создании и работе Всероссийского Союза деятелей по увековечиванию памяти героев войны и устройству школ-приютов для сирот павших воинов. Этот союз, учрежденный в память князя Олега Константиновича, получил официальное одобрение 10 февраля 1915 года. 22 марта того же года он был взят под покровительство великого князя Константина Константиновича, что придало организации значительный вес и авторитет. Более года, вплоть до начала революционных событий, князья Константиновичи, вместе с другими членами этого крупного благотворительного общества, неустанно трудились над решением многочисленных задач. Их деятельность охватывала широкий спектр мероприятий, направленных на увековечение памяти павших воинов. Они занимались сбором информации о погибших, вне зависимости от их вероисповедания, заботились об увековечивании их имен, устанавливали и благоустроивали места захоронений, переносили прах павших воинов при необходимости, организовывали панихиды на местах захоронений, а также занимались сооружением памятников и храмов в память о погибших героях. Эта работа требовала колоссальных усилий, организаторских способностей и, что немаловажно, значительных финансовых ресурсов. Все это демонстрирует глубину их патриотизма и преданность Родине. Февральская революция 1917 года коренным образом изменила общественный и политический ландшафт России.

23 марта Временное правительство приняло решение о подчинении всех самостоятельных благотвори-

тельных организаций соответствующим ведомствам и учреждениям. Это решение, принятое в условиях стремительных перемен, предполагало реорганизацию и централизацию деятельности благотворительных организаций. [14].

5 мая 1917 года было создано Министерство государственного призрения как «установление на которое возлагается главное заведение делом призрения и социальной помощи в государстве».

1 ноября 1917 года создан Народный Комиссариат государственного призрения, заменивший собой Министерство государственного призрения. Он же 26 апреля 1918 года будет переименован в Народный комиссариат социального обеспечения РСФСР.

В дальнейшем, основываясь на идеях марксизма шло строительство государственной системы социального обеспечения, которая всецело заменяло собой общественную и частную благотворительность. Так, в ноябре 1917 — январе 1918 года Постановлениями указанного Наркомата в числе прочих было упразднены прежние попечительства о раненых и увечных воинах.

Таким образом, исторический опыт благотворительности павших военных и членов их семей в дореволюционном Санкт-Петербурге, служит нам примером для сохранения подобных традиций помощи уже современным воинам. В целом ориентируюсь на него нам необходима всеобъемлющая помощь в данной ситуации для всех воинов, прошедших войны как со стороны государства, общественных структур, так и отдельных неравнодушных граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дуров И.Г. Пенсионное обеспечение отставных военных и морских чинов в монастырях Русской Православной Церкви в первой четверти XVIII в. // Меншиковские чтения. 2010. № 1.
2. Дуров И.Г. Ветераны армии и флота Петра Великого на инвалидном содержании при Петре II, Екатерине II и Павле I // Меншиковские чтения. 2011. № 2. С. 11.
3. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Т. III (1689–1699). СПб.: Тип. II отд. собств. Е.И.В. канц., 1830. С. 476. № 2249.
4. Полное собрание законов Российской империи с 1629 года. Т. VI (1720–1722). СПб., Тип. II отд. собств. Е.И.В. канц. 1830. С. 466. № 3867
5. Полное собрание законов Российской империи с 1629 года. Т. VI (1720–1722). СПб.: Тип. II отд. собств. Е.И.В. канц., 1830. С. 188. № 3576.
6. Полное собрание законов Российской империи с 1629 года. Т. VI. С. 649–653. № 3962.
7. Полное собрание законов Российской империи с 1629 года. Т. XII (1744–1748). СПб.: Тип. II отд. собств. Е.И.В. канц., 1830. С. 246. № 9053.
8. Полное собрание законов Российской империи с 1629 года. Т. XV (1758 – 28 июня 1762). СПб.: Тип. II отд. собств. Е.И.В. канц., 1830. С. 912–915. № 11444.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 16. Д. 57. Л. 5.
10. Попов Ю.М. Зарождение системы социальной защиты военнослужащих (XVIII в.) // Воронежский вестник архивиста. Вып. 2. Воронеж, 2004. С. 137.
11. Семенкова С.Н. Исторические формы социальной помощи военнослужащим // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2011. № 18. С. 290.
12. Силин Н.Н. Некоторые особенности социальной роли православных монастырей в Тобольской епархии в середине XVIII века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 9. С. 9.
13. Цены на товары и услуги в 1838 г. в России // Деньги России: от истоков до современности. <https://www.russian-money.ru/prices/?year=1838>
14. Югова Л. Благотворительность князей Константиновичей в годы Первой мировой войны (1914–1918) // <http://alexlib.ru/obshchestvo/rossiya-rodina-lyubov/blagotvoritelnost-knyazej-konstantinoviczej-v-gody-pervoj-mirovoj-vojny-1914-1918/?ysclid=ltoc4lrdk5437605069>
15. Ярёмченко В.А. Более трёхсот лет росли льготы защитников Родины // Независимое военное обозрение. 2005. 11 февраля.

РЕФОРМА 1864 ГОДА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СТАНОВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДВОКАТУРЫ В РОССИИ

Бородавкин Сергей Михайлович

Соискатель, РГПУ им. Герцена, Санкт-Петербург
serglawyer@yandex.ru

THE 1864 REFORM AND ITS IMPACT ON THE FORMATION OF THE PROFESSIONAL ADVOCACY IN RUSSIA

S. Borodavkin

Summary. The judicial reform of 1864 occupies a special place in the history of Russian statehood as one of the most radical and successful reforms of the Alexander II era. Among the most important achievements of this reform should be emphasized the creation of the institute of sworn attorneys — professional advocacy, which for the first time in Russian history received a clear legal form and independent status. The purpose of the study is to analyze the impact of the judicial reform of 1864 on the formation of professional advocacy in Russia, to identify the basic principles of organization of the institute of sworn attorneys and to assess their importance for the development of the legal system of the Russian Empire.

Keywords: advocacy, judicial reform, Russian legal system, judicial statutes, legal defense system.

Аннотация. Судебная реформа 1864 года занимает особое место в истории российской государственности как одно из наиболее радикальных и успешных преобразований эпохи Александра II. Среди важнейших достижений данной реформы следует выделить создание института присяжных поверенных — профессиональной адвокатуры, которая впервые в российской истории получила четкое правовое оформление и независимый статус. Цель исследования — проанализировать влияние судебной реформы 1864 года на становление профессиональной адвокатуры в России, выявить основные принципы организации института присяжных поверенных и оценить их значение для развития правовой системы Российской империи.

Ключевые слова: адвокатура, судебная реформа, российская правовая система, судебные уставы, система юридической защиты.

Введение

Судебная реформа 1864 года стала историческим рубежом для российского правосудия и вызвала коренные изменения в правовой системе. Введённый Александром II Судебный устав (20 ноября 1864 г.) закрепил основы профессиональной юридической корпорации и институт адвокатуры. Проведение реформы 1864 года увеличило потребность в квалифицированных юристах и обеспечило создание новой профессиональной среды. С принятием Судебных уставов во второй половине XIX в. были сформированы независимый судейский корпус, прокуратура и впервые — институт присяжных поверенных (адвокатов), а также развивались системы юридического образования и нотариата. Данные преобразования сделали судебные учреждения центром юридической жизни и правового просвещения населения. Вместе с тем, становление адвокатуры оказалось неполным: адвокатура оформлялась в особое сословие и взаимодействовала с судами, но до революции 1917 года остаётся незавершённой корпоративной структурой.

Предпосылки реформы

До реформы 1864 года в Российской империи отсутствовал профессиональный институт адвокатуры.

Судебное представительство существовало в ограниченных формах, например, в Древней Руси поверенные могли представлять интересы только определенных категорий лиц, включая женщин, детей, монахов, стариков [7]. В XVIII веке термин «адвокат» появился в Воинском уставе Петра I, но его использование было редким, а сам Петр I негативно относился к адвокатам, считая их «товарищами воров» [10]. К середине XIX века необходимость реформы стала очевидной. Усложнение правовых норм и рост гражданских дел требовали создания профессионального сословия юристов, способных оказывать квалифицированную помощь [7]. Поражение в Крымской войне (1853–1856) и отмена крепостного права в 1861 году ускорили проведение судебной реформы, которая была призвана модернизировать всю судебную систему [15].

Судебные уставы 1864 года и адвокатура

Судебные уставы 1864 г. впервые устанавливали правовую основу адвокатуры. В частности, в структуре «Учреждения судебных установлений» вторая глава раздела IX «О присяжных поверенных» (статьи 353–406) полностью была посвящена адвокатуре. Им предусматривалось, что присяжные поверенные состоят при судах и ведают делами от имени обратившихся к ним лиц (ст. 353). Уставы гарантировали защитнику в суде осо-

бый статус: адвокат поклялся хранить тайну доверителя и независимость (приведение к присяге воспрещалось без согласия адвоката). Регулировался и порядок оплаты: заключение письменного договора об оплате услуг (ст. 395) и утверждение тарифов министром юстиции (ст. 396) [17]. Как отмечают исследователи, принципы состязательности судопроизводства и участия адвоката были ключевыми — без наличия присяжного поверенного введение состязательного процесса было бы невозможным [8].

Новые уставы вводили и квалификационные требования для адвокатов. Так, кандидатом в присяжные поверенные мог стать только гражданин не моложе 25 лет с высшим юридическим образованием и не менее пятилетним стажем службы в судебной системе или в качестве помощника присяжного поверенного (ст. 354 Учр. суд. уст.). Иностранцы, несостоятельные должники и лица, лишённые прав состояния, не могли стать присяжными поверенными [9]. Однако уже первые годы реформы выявили нехватку специалистов. Поэтому в переходных правилах (ст. 44 правил) с 1864 по 1871 гг. допускались более мягкие требования: диплом с четырёхлетним курсом юриспруденции и четырёхлетним стажем либо даже непрофильное образование при пяти годах работы в судах могли служить основанием для приёма в адвокатуру.

Несмотря на строгие формальные условия, судебные уставы 1864 года носили прогрессивный характер: они провозглашали независимость адвокатов и их независимую от административной власти роль. Уже сам факт введения присяжных поверенных означал смену дореформенных ходатаев и непрофессиональных «стряпчих» полноценной юридической защитой. Судебные уставы 1864 г. были уникальны тем, что закрепили основные правовые принципы организации адвокатской корпорации (корпорации юристов), и многие из этих принципов сохраняют актуальность и сегодня [16].

Присяжные поверенные и советы присяжных

Учреждение института присяжных поверенных (адвокатов) стало центральным новшеством реформы. Первые присяжные адвокаты появились лишь с началом работы новых общих судов в 1866 г.: 17 апреля 1866 г. во время торжественного открытия судов 27 человек принесли присягу и начали свою деятельность [3]. Среди них были Д.В. Стасов, В.И. Танеев, К.К. Арсеньев и другие, а позднее присоединились В.Н. Герард, Ф.Н. Плевако, М.Ф. Громпицкий, Н.П. Карабчевский и многие другие видные юристы. Первые адвокаты взяли на себя сложные задачи судебной защиты, в том числе по политическим делам (например, защиту «народников» в процессе 193-х в 1877 г.), что привлекло общественное внимание к их деятельности.

Важнейшим институтом адвокатуры стали Советы присяжных поверенных — органы адвокатского самоуправления, действовавшие при судебных палатах. Предполагалось создать такие советы во всех округах судебных палат (ст. 387 Учр. суд. уст.), но на практике в 1860–1870-х гг. они возникли лишь в четырёх главных городах — Москве, Санкт-Петербурге, Харькове и Одессе. Советы занимались приёмом новых членов в адвокатуру, проводили экзамены и осуществляли дисциплинарный надзор за поверенными. По замыслу реформаторов, в округе с достаточным числом присяжных поверенных защита частных лиц должна была вестись исключительно через них (ст. 387 Учр. суд. уст.). На деле же нехватка кадров и высокие цензы заставили впустить к судебному представлению и частных поверенных — людей без юридического диплома, но сданным присяжным экзаменом и уплативших сбор. Адвокаты стали разделяться на две категории — высшую (присяжные поверенные) и низшую (частные поверенные, появившиеся в 1874 г.). Институт частных поверенных означал некоторый шаг назад к дореформенному состоянию, однако позволял обеспечить защиту для самых широких слоёв населения [4, 20].

Со временем Совет присяжных поверенных превратился в основную структуру корпоративного самоуправления адвокатуры. Совет являлся именно «органом корпоративного самоуправления», принимая новых адвокатов и контролируя их деятельность [16]. До 1875 г. он преимущественно работал в указанных четырёх городах; Сенатский указ от 5 декабря 1875 г. даже приостановил дальнейшее учреждение советов (их функции были переданы окружным судам). Такое решение знаменовало незавершённость реформы: хотя адвокатура формально была отраслевой, она не получила разветвлённой сети самостоятельных органов — развитие адвокатских советов долгое время искусственно ограничивалось властью. Судебные уставы 1864 года наделяли советы присяжных поверенных не только административными, но и дисциплинарными полномочиями. Это отражало идею о необходимости контроля за адвокатской деятельностью: как профессионально-правового — соответствие действий юристов нормам закона и актуальным достижениям юридической науки; так и этического — оценка поведения присяжных поверенных с точки зрения моральных принципов и профессиональной деонтологии [18].

Реформа ввела состязательный процесс, что позволило адвокатам участвовать в уголовных и гражданских делах наравне с обвинением. Однако защитник мог вступить в процесс только на судебной стадии, а участие в предварительном следствии не допускалось [5]. Государство ограничивало развитие адвокатуры: в 1874 году был наложен мораторий на создание новых советов присяжных поверенных, а в 1889 году лицам нехри-

стианских вероисповеданий требовалось специальное разрешение министра юстиции для вступления в адвокатуру. Женщины получили доступ к профессии только после 1911 года [9]. Несмотря на ограничения, многие принципы реформы 1864 года сохранились в современном законодательстве, включая требования к адвокатам и их право на защиту интересов клиентов [5].

Становление адвокатского сословия

Адвокатура (сословие присяжных поверенных) возникла как особый слой профессиональных юристов. С самого начала к вхождению в неё предъявлялись строгие требования. Помимо уже упомянутого возраста, диплома и стажа, к кандидатам применялись дополнительные цензы: нельзя было быть государственным чиновником, депутатом или духовным лицом, а также лицом, состоящим под судом за наказуемые деяния (ст. 355 Учр. суд. уст.). Присяжные поверенные фактически составляли избранный круг правозащитников. Особенностью была система личного патроната: будущие адвокаты начинали службу помощниками присяжного поверенного, а для принятия в сословие они нуждались в благосклонности и рекомендации своего наставника. Сам процесс приёма контролировался самими адвокатами — в городах с советами проводились курсы для стажёров, где разъяснялись правила вступления, этики и ответственности. Процесс организации адвокатуры поначалу шёл постепенно. В первые годы после реформы число адвокатов оставалось очень небольшим — ежегодно принималось лишь несколько десятков новых поверенных. Однако в течение 1870–1890-х годов адвокатура медленно расширялась, несмотря на усиливавшееся административное давление. В обществе адвокаты стали рассматриваться как одна из либеральных профессий — на них возлагались функции защиты гражданских свобод и законности [16].

Адвокаты проявили себя как общественные деятели. Уже в конце XIX — начале XX вв. многие присяжные поверенные участвовали в печати, литературе и даже политике. Так, известный адвокат Н. П. Карабчевский принимал участие в общественной жизни: он прославился судебными выступлениями по громким уголовным и политическим делам. Отмечается его «колоссальное влияние на правовую культуру общества» и вклад в развитие судебного ораторства [1]. В «Процессе 193-х» (1877 г.) при его участии защита народников была значительно усилена: две из трёх его подзащитных были оправданы. Примером служит также судебный процесс над О. Палем, где Карабчевский получил оправдательный приговор, что вызвало общественный резонанс. Благодаря таким адвокатам стратегия защиты и традиции судебной риторики получили развитие.

Институт частных поверенных

Как отмечено выше, возникновение частных поверенных стало ответом на нехватку квалифицированных

защитников. Согласно «Правилам о лицах, имеющих право быть поверенными по судебным делам» от 25 мая 1874 г., под схожими названиями вводились поверенные без юридического образования, сдавшие экзамен при суде. Первоначально их допускали лишь по гражданским делам и в мировых судах, но на практике они работали по всем категориям дел, в том числе уголовным. Они имели право участвовать в досудебном следствии, знакомиться с материалами дела, представлять доказательства и выступать в судебных прениях. Их деятельность регулировалась не только законом, но и нормами профессиональной этики, закрепленными в присяге, которая запрещала использование незаконных методов защиты и требовала соблюдения интересов доверителей [10]. Среди выдающихся адвокатов того времени выделялись Владимир Спасович, Федор Плевако, Николай Карабчевский и другие. Их речи в суде стали образцом судебного красноречия и способствовали формированию школы российской адвокатуры. В частности, Спасович подчеркивал, что адвокат должен быть «рыцарем слова», защищая не только клиента, но и принципы справедливости [14].

Организационные принципы адвокатуры по реформе 1864 г.

Судебная реформа создала принципиально новую организационную структуру адвокатуры, основанную на принципах корпоративности и самоуправления. Присяжные поверенные приписывались к судебным палатам и образовывали при них особые коллегии. При составе коллегии не менее 20 человек присяжные поверенные получали право избрать совет. Совет присяжных поверенных фактически заведовал всеми делами корпорации. Поскольку советы были учреждениями новыми, им пришлось, по свидетельству А.Ф. Кони, «выработать одновременно и приемы адвокатской техники, и правила адвокатской этики» [13]. Совет обладал функциями административной и дисциплинарной власти.

Как отмечает Е.В. Васильковский [6], организация русской адвокатуры строилась на следующих принципах: совмещение правозаступничества с судебным представительством; относительная свобода профессии; формальное отсутствие связи с магистратурой; корпоративность и сословность организации, сочетавшаяся с элементами дисциплинарной подчиненности судам; договорное определение суммы гонорара.

Независимость профессии гарантировалась несколькими принципами. Во-первых, свободным выбором адвоката клиентом и оплатой его услуг непосредственно адвокату. Во-вторых, самоуправлением и отсутствием административного подчинения председателям судов. В-третьих, запретом на совмещение адвокатской деятельности с любой другой, в том числе преподаватель-

ской [12]. Дисциплинарная практика носила профилактический характер, что выражалось в строгих критериях отбора (требования приравнены к судьям) и самой дисциплинарной практике. В рамках адвокатуры был полностью реализован принцип Джона Локка — «уважай не власть, а закон». Наряду с присяжными поверенными, 25 мая 1874 года «Правилами о лицах, имеющих право быть поверенными по судебным делам» был создан институт частных поверенных. По сфере деятельности они совпадали с присяжными поверенными, но могли выступать только в судах, выдавших им разрешение. Требования к частным поверенным были значительно заниженными — достаточно было быть грамотным, совершеннолетним, не отлученным от церкви [11].

Несмотря на прогрессивный характер реформы, становление профессиональной адвокатуры в России сопровождалось рядом проблем. Во-первых, присяжные поверенные появились не везде в империи — Советы были созданы до 1881 года лишь в центральных губерниях (в Москве и Петербурге — в 1866 году и в Харькове — в 1874 году). По закону присяжные поверенные должны были заниматься делами в пределах своего судебного округа, что ограничивало доступность квалифицированной юридической помощи [2]. Создание института частных поверенных привело к появлению конкуренции с присяжной адвокатурой. Многие из присяжных поверенных оценивали это решение сугубо отрицательно, поскольку закон распространялся и на помощников присяжных поверенных, фактически уравнивая их статус. Была создана еще одна форма адвокатуры, которая по факту конкурировала с присяжной адвокатурой [11].

К началу XX века адвокатура уже имела черты организованного сословия, но оставалась разобщенной. Не существовало единых общероссийских органов управления или дисциплины: адвокаты подчинялись либо советам присяжных поверенных, либо напрямую судьям в тех округах, где советов не было. За каждым адвокатом закреплялось «судебное место» (округ судебной палаты), в пределах которого он мог вести дела (ст. 356 Учр. суд. уст.). Адвокатуру формировало органическое взаимодействие с судами: в судебных учреждениях создавались советы и отделения советов присяжных по-

веренных, а деятельность защитников ограничивалась рамками конкретных судебных округов.

Период революции 1905–1907 годов дал новые стимулы для адвокатской самоорганизации. После Манифеста 17 октября 1905 г. началась либерализация режима: были сняты ограничения на учреждение новых советов присяжных поверенных, и к началу 1906 г. открылись Советы в нескольких новых округах (Новочеркасск, Одесса, Казань, Иркутск, Омск, Саратов). В 1916 г. к ним добавились Киев и Ташкент. Таким образом, к началу Первой мировой войны адвокатура имела уже двузначное число региональных советов, что усиливало её автономию и представительность.

Заключение

Реформа 1864 года заложила основы принципиально новой судебной системы в России, основанной на независимости судебной власти, гласности и состязательности процесса. Впервые в истории страны суд был отделён от законодательной и исполнительной ветвей власти, а предварительное следствие перестало зависеть от прокуратуры и полиции. Законом был введен институт присяжных поверенных, гарантирована их независимость, определены правила обучения и поступления в адвокатуру. Халилов И.В. отмечает, что основным достижением судебной реформы 1864 г. стало создание сильного института независимой адвокатуры [19]. В последующие полвека адвокатура прошла несколько этапов становления: от единичных защитников после 1866 г. до широкого сословия с разветвлённой сетью советов к началу XX века. На этом пути адвокатов не сдерживала власть — от временных запретов на новые советы и пороговых требований к приёму до изъятия политических дел из юрисдикции присяжных. Тем не менее адвокатская профессия стала важным элементом судебной системы и общества, давая защиту гражданам и участвуя в общественных дебатах (в том числе через деятельность таких фигур, как Н.П. Карабчевский). К революции 1917 года адвокатура превратилась в влиятельную, пусть и институционально не до конца завершённую, юридическую корпорацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Н.И., Ботанцова Л.В. Жизнь и профессиональная деятельность Николая Платоновича Карабчевского, его роль в развитии судопроизводства и адвокатуры во второй половине XIX-начале XX века //Юридическая наука: история и современность. — 2019. — №. 9. — С. 68–72.
2. Арапова Е.Д. Пореформенная адвокатура 60-70-х годов XIX века в восприятии русского общества //Москва. — 2011. — Т. 1. — №. 4.
3. Арутюнян О. 160 лет со дня учреждения в России института присяжных поверенных [Электронный ресурс] // Федеральная палата адвокатов РФ. — 22 ноября 2024 г. — URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/160-let-so-dnya-uchrezhdeniya-v-rossii-instituta-prisyazhnykh-poverennykh/> (дата обращения: 08.07.2025)
4. Барановский А. История становления российской адвокатуры с 1864 по 1917 гг. [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. — 07 декабря 2018. — URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/istoriya-stanovleniya-rossiyskoy-advokatury-s-1864-po-1917-g/> (дата обращения: 08.07.2025)
5. Буфетова М.Ш. Формирование института адвокатуры и института защиты судебной реформой 1864 года //Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2024. — №. 3 (45). — С. 26–37.

6. Васьяковский Е.В. Будущее русской адвокатуры: К вопросу о предстоящей реформе / [Е.В. Васьяковский]. — Санкт-Петербург: Н.К. Мартынов, 1893. — 20 с.; 23. — Источник электронной копии: ПБ.
7. Горбунова Н. А. Исторические особенности развития адвокатуры в России //Наука. Общество. Государство. — 2017. — Т. 5. — №. 1 (17). — С. 5–11.
8. Грудцына Л.Ю., Лабушкин В.Ю. Судебная реформа 1864 Г. и развитие адвокатуры в России //Образование и право. — 2019. — №. 5. — С. 317–321.
9. Денисенко Н.В. К вопросу о становлении и развитии института адвокатуры в Российской империи. — 2020.
10. Жолобова Г.А., Яковлев Я.Д. Формирование профессиональной адвокатуры в России в ходе проведения судебной реформы 1864 г.: организация, статус и особенности работы //Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. — С. 50.
11. История развития адвокатуры в России [Электронный ресурс] // Доклад: «Тернистый путь становления российской адвокатуры: защита профессиональных прав адвокатов», 2020 г. — URL: <https://fparf.ru/on-bar/history/prisyazhnaya-advokatura-po-sudebnym-ustavam-1864/> (дата обращения: 08.07.2025)
12. История Российской адвокатуры. Любологический обзор [Электронный ресурс] // Адвокатская палата города Москвы. — 1 августа 2010. — URL: <https://www.advokatymoscow.ru/press/news/5094/> (дата обращения: 08.07.2025)
13. Кони А.Ф. Общие черты судебной этики. Доклад на заседании Московского Психологического общества 22 декабря 1901 г. / Традиции адвокатской этики. Избранные труды российских и французских адвокатов (XIX — начало XX в.). Составители И.В. Елисеев, Р.Ю. Панкратов. — Спб.: Изд-во «Юридический центр Пресс». — 2004. — с. 167.
14. Малофеев М.М., Желудков М.А. Влияние ВД Спасовича на становление института адвокатуры после Судебной реформы 1864 года //Юридическая наука: история и современность. — 2021. — №. 7. — С. 176.
15. Мойсинович А.М. Судебная реформа 1864 г. в оценках современников и исследователей второй половины XIX — начала XX вв. — 2006.
16. Немытина М.В. Судебная реформа 1864 года в России и формирование юридической корпорации //Историко-правовые проблемы: новый ракурс. — 2019. — №. 3. — С. 66–75.
17. Присяжная адвокатура по Судебным уставам 1864 года [Электронный ресурс] // Федеральная палата адвокатов РФ. — URL: <https://fparf.ru/on-bar/history/prisyazhnaya-advokatura-po-sudebnym-ustavam-1864/> (дата обращения: 08.07.2025)
18. Середкина О.А., Калашникова Е.Б. Формирование профессиональной адвокатуры в Российской империи //Science Time. — 2015. — №. 12 (24). — С. 716–719.
19. Халилов И.В. Адвокатура России в период судебной реформы 1864 г.: историко-правовой аспект //Социология и право. — 2019. — №. 2 (44). — С. 91–95.
20. Юношев С.В. Очерк развития адвокатуры в России //Юридический вестник Самарского университета. — 2018. — Т. 4. — №. 1. — С. 88–92.

© Бородавкин Сергей Михайлович (serglawyer@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУТА БРАКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ ПЕРУ

FAMILY LEGAL RELATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF PERU A COMPARATIVE LEGAL STUDY

Vasquez Guanuchi Sabrina Natali Shael

Summary. Comparative jurisprudence at the present stage of social development is an integral element of legal reality. As rightly noted in the specialized literature, comparative law is an indispensable tool for improving any branch of national law, as well as an effective means of improving the rule of law. Family law is no exception. Such importance of theoretical comparative legal research for the national law of countries is due to the fact that effective political and legal reforms are impossible without systematic scientific knowledge in the field of legal development. This systematization is achieved primarily by comparative law. The specifics of family legal relations in the Russian Federation and the Republic of Peru have both common features and special features peculiar to each specific national legal order. At the same time, it is the special features of family legal relations, not peculiar to one family legal relationship, but peculiar to other legal relations, that can form both the basis for systematization of scientific knowledge and the basis for changing the norms of national legislation.

Keywords: grounds for the emergence of family relations, divorce, separation, dishonest behavior, marriageable age.

Vasquez Guanuchi Sabrina Natali Shael

*Аспирант,
Юго-западный государственный университет
sabrinanashvg@gmail.com*

Аннотация. Сравнительное правоведение на современном этапе общественного развития выступает неотъемлемым элементом правовой действительности. Как справедливо отмечается в специализированной литературе, сравнительное правоведение является незаменимым инструментом для совершенствования любой отрасли национального права, а также эффективным средством совершенствования правопорядка. Семейное право не является тому исключением.

Такое значение теоретических сравнительно-правовых исследований для национального права стран обусловлено тем, что проведение эффективных политических и правовых реформ невозможно без систематизированных научных знаний в области правового развития. Систематизация достигается в первую очередь сравнительным правоведением.

Специфика семейных правоотношений в Российской Федерации и Республике Перу имеет как общие черты, так и отличные, свойственные каждому конкретному национальному правопорядку. При этом именно особенные черты семейных правоотношений могут лечь как в основу систематизации научных знаний, так и в основу изменения норм национального законодательства.

В данной статье исследуется институт брака в законодательстве России и законодательстве республики Перу как одно из оснований возникновения семейных правоотношений, выявляются общие черты и специфические особенности заключения и прекращения брака, делается акцент на специфике требований, необходимых для регистрационных процедур.

Ключевые слова: основания возникновения семейных правоотношений, развод, сепарация, супружеская измена, брачный возраст.

В наиболее общем понимании семейные правоотношения представляют собой ту сферу общественных отношений, которая урегулирована нормами семейного права. При этом данные правоотношения возникают из брака, родства, усыновления и иной формы устройства на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей, а также из отношений, в которых стороны связаны между собой юридическими правами и обязанностями, охраняемыми государством [2, с. 10; 7, с. 1151; 8, с. 85; 9, с. 87].

В ограниченных рамках настоящего исследования проведем сравнительный анализ оснований возникновения семейных правоотношений (вступления в брак) и оснований прекращения семейных правоотношений (развода) по законодательству Российской Федерации и Перу с целью систематизации научных знаний в данной области [4, с. 20].

В настоящее время основным источником семейного права в Перу является Гражданский кодекс (CÓDIGO CIVIL), утвержденный 24 июля и вступивший в силу 14 ноября 1984 года (Далее — ГК Перу 1984 года) [10]. Специального закона, регламентирующего правовой режим семейных отношений в перуанском законодательстве не принято. Важно отметить тот факт, что ГК Перу 1984 года — это третий Гражданский кодекс в истории Перу (отличающийся от своих предшественников и структурой, и рядом новых положений) и самый новый в Латинской Америке. Разработка данного нормативного правового акта велась почти 20 лет — с 1965 года. ГК Перу 1984 года состоит из 10 книг, Вводного и Заключительного титулов (всего 2122 статьи). Вводный титул включает в себе общие правила о правоприменении и значении законов, недопустимости злоупотребления правом. В книгах ГК Перу 1984 года регламентированы такие вопросы, как: I — Право лиц; II Юридические сдел-

ки; III — Семейное право; IV — Наследственное право; V Вещное право; VI — Обязательства; VII — Источники обязательств; VIII — Исковая и погасительная давность; IX — Публичные реестры; X — Международное частное право.

Основным источником семейного права в Российской Федерации является специальный кодифицированный нормативный правовой акт — Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ (далее — Семейный кодекс РФ). При этом в силу нормативных предписаний ст. 3 Семейного кодекса РФ в нормы семейного законодательства входят также положения законов субъектов Российской Федерации по вопросам, отнесенным к их компетенции (например, положениями законов субъектов России может быть определен брачный возраст, отличный от общеустановленного возраста вступления в брак). Что же касается применения к семейным правоотношениям положений Гражданского кодекса Российской Федерации, то здесь важно акцентировать внимание на нормативных предписаниях ст. 4 Семейного кодекса РФ, закрепляющих общие правила о том, что к имущественным и личным неимущественным отношениям между членами семьи, не урегулированными семейным законодательством, применяются положения законодательства гражданского права в той мере, в которой это не противоречит существу семейных отношений.

Таким образом, сравнивая правовые основы семейных отношений в Российской Федерации и Перу, необходимо отметить, что в основу российского семейного законодательства заложены положения специального закона — Семейного кодекса РФ, нормы же положений гражданского законодательства применяются исключительно к вопросам имущественных и личных неимущественных отношений, не урегулированных положениями специального закона. В Перу положения ГК Перу 1984 года, напротив, составляют правовую основу семейных отношений. Таким образом, перуанское законодательство относит семейные правоотношения к гражданским правоотношениям.

Теперь акцентируем внимание на правовых основаниях вступления в брак по законодательству Российской Федерации и законодательству Перу. Брак в Российской Федерации представляет собой союз двух лиц перед законом, который осуществляется на добровольной основе [3, с. 29; 5, с. 216; 6, с. 136]. Целью данного союза является совместная жизнь и создание семьи. В рамках брачного союза супруги имеют равные права, обязанности и ответственность в семье. Точно так же, если у них есть дети, оба родителя имеют одинаковые права и обязанности, чтобы в этом случае обеспечить защиту, уход, образование и поддержку семье, которая возникает в результате брака.

Правовые основы брака в Перу закреплены в ГК Перу 1984 года. Согласно статье 234 вышеназванного закона, брак в Перу — это добровольный союз, заключаемый между мужчиной и женщиной. Муж и жена имеют равные полномочия, соображения, права, обязанности и ответственность в семье. При этом, по перуанскому семейному законодательству брак может быть заключен исключительно добровольно и между юридически дееспособными мужчиной и женщиной.

Основания, препятствующие заключению брака в Перу, закреплены в положениях ст. ст. 241 и 242 ГК Перу и сводятся к следующему: наличие кровного родства; наличие возраста до 16 лет; наличие родства по общим родителям или родственникам (свойственники); наличие брака у одного из лиц, намеревающихся вступить в брак; наличие отношений опеки и усыновления (попечительства); наличие действий насильственного характера в отношении будущего супруга; вдовы в течение 300 дней после смерти мужа.

Таким образом, по перуанскому законодательству для заключения брака необходимо наличие отдельных обязательных условий. В частности, к ним относится наличие добровольного согласия (вступление в брак должно быть добровольным решением обоих людей), то есть не может быть никаких требований или принуждения третьих лиц к заключению союза в соответствии с законом. Следующим условием является то, что брак — это исключительно союз между мужчиной и женщиной с целью вести совместную жизнь и создать семью. Кроме того, важен и такой элемент, как правоспособность: в этом случае и мужчина, и женщина не должны иметь никаких препятствий для вступления в брак. Другими словами, для заключения союза обе стороны должны соответствовать критериям ГК Перу 1984 года.

Достаточно специфичными выглядят по перуанскому гражданскому законодательству процедурные особенности вступления в брак. Так, положениями ст. 248 ГК Перу 1984 года определено, что лица, намеревающиеся вступить в брак, должны заявить об этом устно или письменно мэру провинции или округа по месту жительства любого из них. Кроме заявления лицам, вступающим в брак, необходимо приложить заверенные копии свидетельств о рождении, подтверждение места жительства и медицинскую справку, выданную не ранее чем через тридцать дней, подтверждающую отсутствие заболеваний, препятствующих вступлению в брак и перечисленных в ГК Перу 1984 года.

В отдельных случаях (в зависимости от обстоятельств, при которых планируется заключение брака) предоставляются также судебное решение об освобождении от ответственности, документ, подтверждающий согласие родителей или родственников по восходящей линии, или

отказ от побочного кровного родства третьей степени, заверенная копия свидетельства о смерти предыдущего супруга или постановление о разводе или расторжении брака, аннулирование предыдущего брака, консульское свидетельство о браке или вдовстве и иные документы, которые могут потребоваться в зависимости от обстоятельств.

Кроме перечня документов, необходимых для вступления в брак, каждый из будущих супругов должен представить двух свидетелей, достигших совершеннолетия, которые знают его не менее трех лет и которые под присягой дадут показания относительно наличия или отсутствия каких-либо препятствий вступления в брак. Как у жениха, так и у невесты могут быть одни и те же свидетели.

Согласно положениям ст. 248 ГК Перу 1984 года, если заявление на вступление в брак является устным, то составляется протокол, который подписывается мэром, заявителями, лицами, которые дали свое согласие, и свидетелями. При этом ст. 249 ГК Перу 1984 года определена возможность освобождения судом лиц, вступающих в брак, от обязанности предъявлять определенные документы. Такое освобождение возможно только тогда, когда перечисленные в ст. 248 ГК Перу 1984 года документы очень трудно или невозможно получить.

Согласно положениям ст. 259 ГК Перу 1984 года мэр объявляет о планируемом браке посредством уведомления, которое будет вывешено в офисе муниципалитета в течение восьми дней и которое будет опубликовано один раз в газете. В избирательном округе, где нет периодических изданий, уведомление должно быть направлено через радиовещательную станцию в соответствующем населенном пункте, который выбран лицами, вступающими в брак, или в населенном пункте, ближайшем к населенному пункту, являющемуся местом жительства лиц, вступающих в брак.

Такой сложный порядок вступления в брак, связанный с уведомлением об этом максимально широкого круга лиц направлен на то, чтобы любое лицо, которому известно о существовании обстоятельств, препятствующих вступлению в брак, могло своевременно заявить об этом, указав соответствующую причину. С одной стороны, перуанский законодательный подход к вступлению в брак можно назвать фундаментальным, поскольку посредством предоставления большого количества документов, наличия различных ограничений и возможности своевременного уведомления о причинах, препятствующих заключению брака, законодатель минимизирует риски, связанные с признанием документа о заключении брака недействительным. С другой стороны, порядок заключения брака, закрепленный в ГК Перу 1984 года, является достаточно сложным, а возможность

любого лица заявить об обстоятельствах, препятствующих заключению брака, является причиной манипуляций со стороны отдельных лиц, например, бывших партнеров. В данном случае, пока идет разбирательство о том, действительно ли существуют обстоятельства, препятствующие заключению брака, вступление в брак невозможно. При этом такой процесс может затянуться на несколько месяцев.

Порядок заключения брака в Российской Федерации отличен от порядка заключения брака в Перу и установлен положениями Семейного кодекса Российской Федерации. Так, нормативными предписаниями ст. 10 вышеназванного документа определено, что заключение брака возможно исключительно в органах записи актов гражданского состояния. Согласно ст. 12 Семейного кодекса Российской Федерации для заключения брака необходимы взаимное добровольное согласие мужчины и женщины, вступающих в брак, и достижение ими брачного возраста. При этом точно также как и в нормах перуанского законодательства, в нормах российского законодательства определен перечень оснований, препятствующих заключению брака. Ряд этих оснований схож с основаниями, препятствующих заключению брака в Перу. Согласно ст. 14 Семейного кодекса Российской Федерации брак не может быть заключен между: лицами, из которых хотя бы одно лицо уже состоит в другом зарегистрированном браке; близкими родственниками (родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии (родителями и детьми, дедушкой, бабушкой и внуками), полнородными и неполнородными (имеющими общих отца или мать) братьями и сестрами); усыновителями и усыновленными; лицами, из которых хотя бы одно лицо признано судом недееспособным вследствие психического расстройства.

Таким образом, перечень оснований, препятствующих вступлению в брак, в Российской Федерации гораздо уже перечня оснований, препятствующих вступлению в брак в Перу. Важно акцентировать внимание также на факте медицинского обследования лиц, вступающих в брак. Так, как уже было отмечено ранее, медицинское обследование лиц, вступающих в брак в Перу, является обязанностью для будущих супругов. Согласно же положениями ст. 15 Семейного кодекса Российской Федерации медицинское обследование лиц, вступающих в брак, проводится в добровольном порядке и исключительно с согласия лиц, вступающих в брак. Не установлено в нормах российского семейного законодательства и обязанности по сообщению неограниченному кругу лиц информации о намерении мужчины и женщины вступить в брак.

Далее рассмотрим основания прекращения брака, акцентируя при этом внимание только на тех, которые свойственны перуанскому праву, но не свойственны

праву российскому. Так, в нормах перуанского семейного законодательства закреплён институт сепарации, отсутствующий в положениях норм российского семейного права.

Согласно положениям ст. 332 ГК Перу 1984 сепарация предполагает раздельное проживание супругов и приостанавливает выполнение супружеских обязанностей, связанных с ложем и кровом, и прекращает имущественный режим совместного проживания супругов, оставляя брачные узы в силе.

Основаниями для сепарации являются закреплённые в ст. 333 ГК Перу 1984 основания: супружеская измена; физическое или психологическое насилие, которое судья оценит в зависимости от обстоятельств; посягательство на жизнь супруга; тяжкое оскорбление, которое делает совместную жизнь невыносимой; необоснованное оставление супружеского дома на срок более двух непрерывных лет или когда совокупная продолжительность периодов оставления превышает этот срок; бесчестное поведение, которое делает совместную жизнь невыносимой; обычное и неоправданное употребление галлюциногенных наркотиков или веществ, которые могут вызвать зависимость; серьёзное заболевание, передающееся половым путем, полученное после заключения брака; гомосексуализм, возникший после вступления в брак; осуждение за умышленное преступление к лишению свободы на срок более двух лет, наложенное после заключения брака; невозможность вести совместную жизнь, должным образом доказанная в судебном порядке; фактическое раздельное проживание

супругов в течение двухлетнего непрерывного периода (этот срок составляет четыре года, если у супругов есть несовершеннолетние дети).

Анализируя вышеприведенные в нормах перуанского семейного законодательства основания для сепарации, можно констатировать отсутствие соответствующих оснований в нормах российского семейного законодательства в качестве оснований для прекращения брака, института же сепарации, предполагающего возможность фактически состоять в браке при этом не иметь общих супружеских обязанностей и возможности совместного проживания не установлено вовсе. При этом те основания для сепарации, которые закреплены в нормах перуанского семейного законодательства, на практике в Российской Федерации являются основаниями прекращения брака в случае, если они закреплены в брачном договоре. При этом наиболее частыми из них являются супружеские измены.

Подводя итог сравнительно-правовому анализу положений перуанского и российского семейного законодательства, отметим, что специфика семейных правоотношений в Российской Федерации и Республике Перу имеет как общие черты, так и особенные, свойственные каждому конкретному национальному правопорядку. При этом именно особенные черты семейных правоотношений, не свойственные одним семейным правоотношениям, но свойственные другими, могут лечь как в основу систематизации научных знаний, так и в основу изменения норм национального законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семейный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.1995 N 223-ФЗ // Российская газета. 1996. № 17. 27 янв.
2. Безвиконная Е.В. Ценностное измерение семейных правоотношений // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. №3 (36). С. 9-14.
3. Иванова Е.В., Семенова И.Ю. К вопросу законодательного оформления семьи как правовой категории // *Oeconomia et Jus*. 2017. №3. С. 28–34.
4. Карданова А.К. О роли сравнительного правоведения в современной правовой жизни России // Ленинградский юридический журнал. 2013. №2 (32). С. 16–23.
5. Ковальчук К.В. К вопросу законодательного оформления семьи как правовой категории // *Modern Science*. 2019. № 5-1. С. 215–218.
6. Сваткова А.А. К вопросу о понятии брака // *Эпоха науки*. 2015. №4. С. 135–137.
7. Чемагина Н.А., Магиярова Р.М. Семейные правоотношения // *Экономика и социум*. 2015. №1-4 (14). С. 1150–1152.
8. Чекулаев С.С., Шахов Я.В. Сравнительный анализ правового института брака в России и в других странах // *Юридическая наука*. 2021. №4. С. 83–87.
9. Шарафутдинова Э.Н. Понятие и особенности семейных правоотношений // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2017. №1 (9). С. 83–88.
10. CÓDIGO CIVIL. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.limaeasy.com/index.php?option=com_jreviews&format=ajax&url=media/download&m=Lk66Y&1705426338958 (дата обращения 16.01.2023 г.).

© Васкес Гуанучи Сабрина Натали Шаэль (sabrinasashvg@gmail.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИНЦИП НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА ГОСУДАРСТВ И ПУБЛИЧНЫЙ ПОРЯДОК

PRINCIPLE OF THE INADMISSIBILITY OF INTERVENTION IN THE DOMESTIC AFFAIRS OF STATES AND THE PUBLIC ORDER

E. Emelyanov

Summary. The author addresses the relationship between the principle of the inadmissibility of intervention in the domestic affairs of states as one of the principles of international law and the category of public order based on the analysis of a number of Resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation issued regarding the enforcement of the European Court of Human Rights' judgements in Russia. As a result of the analysis, the author concludes that the principle of the inadmissibility of intervention in the domestic affairs of states is closely connected to the public order via the category of peremptory norms of international law (*jus cogens* norms). This conclusion, which follows from the considered Resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation, is confirmed in the doctrine and publications of the UN International Law Commission.

Keywords: principle of the inadmissibility of intervention in the domestic affairs of states, international public order, national public order, *jus cogens* norms.

Емельянов Егор Олегович

Соискатель, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева
e.o.emelyanov@mail.ru

Аннотация. Автор рассматривает соотношение принципа невмешательства во внутренние дела государств как одного из принципов международного права и категории публичного порядка на основе анализа ряда Постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых по вопросу обязательности исполнения решений Европейского суда по правам человека на территории России. По итогу анализа автор приходит к выводу, что принцип невмешательства во внутренние дела государств тесно связан с публичным порядком через категорию императивных норм международного права (норм *jus cogens*). Такой вывод, проистекающий из рассмотренных Постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, находит свое подтверждение в доктрине и публикациях Комиссии по международному праву ООН.

Ключевые слова: принцип невмешательства во внутренние дела государств, международный публичный порядок, национальный публичный порядок, нормы *jus cogens*.

Принцип невмешательства во внутренние дела государств является одним из основополагающих принципов международного права, которые, в свою очередь, являются источниками этой отрасли (п. 1 ст. 38 Статута Международного суда ООН [1]). Данный принцип нашел свое закрепление в ряде международно-правовых документов. В первую очередь следует отметить п. 7 ст. 2 Устава ООН [2], которая ограничивает право ООН на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства — ограничение, впрочем, не затрагивает применение принудительных мер на основании Главы VII Устава. ООН, таким образом, должен определить, является ли вмешательство оправданным постольку, поскольку такое оно будет признано выполнением обязанности по обеспечению международного мира и безопасности.

По принципу невмешательства ООН также был принят специальный документ — Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета (резолюция 2131 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря

1965 г.) [3]. В ней отмечается, что как прямое, так и косвенное вмешательство является нарушением Устава ООН, и раскрываются особенности понятия «вмешательство». В частности, ООН осуждает:

- вооруженное вмешательство;
- все другие формы вмешательства и угрозы против правосубъектности государства или его политических, экономических и культурных элементов;
- экономические, политические и иные меры «для принуждения другого государства подчинить осуществление его суверенных прав или для получения от него каких бы то ни было преимуществ»;
- способствование вооруженной, подрывной и террористической деятельности по изменению строя другого государства путем насилия;
- вмешательство во внутреннюю борьбу в другом государстве;
- применение силы для лишения народов формы их национального существования [3].

Одновременно, как и в Уставе ООН, в Декларации содержится оговорка о том, что ничто в ней не затрагивает

положения Устава ООН в отношении международного мира и безопасности.

Также, принцип невмешательства сформулирован в Декларации принципов Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г. Формулировки в ней похожи на те, которые содержатся в Декларации ООН выше, и касаются запрета как прямого, так и косвенного вмешательства во внутреннюю компетенцию другого государства [4].

Публичный порядок, в свою очередь, представляет собой «фундаментальные юридические основы, на которых базируется экономический и моральный порядок в обществе», самые важные для мира и благосостояния общества правила для защиты интересов [5]. Публичный порядок может быть национальным — в таком случае речь идет о мерах, предпринимаемых конкретным государством для защиты собственного суверенитета. Национальный публичный порядок при этом считается элементом международно-правовой системы защиты прав человека, гарантом ее действия на уровне конкретного государства [6].

Публичный порядок также может быть международным. В его состав обычно включается как часть национального регулирования государства в отношениях, в которых присутствует иностранный элемент, так и его обязанность по соблюдению международно-правовых обязательств и вопрос международного иммунитета. Ряд ученых также полагает, что международный публичный порядок содержит нормы *jus cogens*, то есть императивные нормы международного права, от которых невозможно отступить и нарушение которых «порождает особую ответственность» [7, 8].

Автору представляется важным рассмотреть соотношение принципа невмешательства во внутренние дела государств и публичного порядка на примере анализа некоторых Постановлений Конституционного Суда РФ (далее — КС РФ), которые были приняты по вопросу обязательности исполнения решений Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) на территории России.

Прежде всего стоит отметить некую эволюцию подхода КС РФ к вопросу о конфликте правовых позиций КС РФ и ЕСПЧ о конституционности какой-либо нормы российского законодательства.

Так, в 2013 году, рассматривая дело в связи с жалобой гражданина К.А. Маркина об отказе российских властей предоставить ему в период прохождения военной службы по контракту отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, КС РФ пришел к выводу, что при наличии конфликта позиций ЕСПЧ и КС

РФ относительно положений закона, которые надлежит применить, необходимо ставить вопрос о конституционности таких положений. При этом, если все-таки КС РФ считает оспариваемые нормы соответствующими Конституции РФ, то он должен в рамках своей компетенции определить «возможные конституционные способы реализации постановления [ЕСПЧ]» [9].

Более жесткая позиция была занята КС РФ в 2015 году. Суд рассмотрел запрос группы депутатов Государственной Думы РФ в связи с неопределенностью в правовом регулировании, которое, предположительно, обязывает суды и иные государственные органы исполнять решения ЕСПЧ даже вопреки Конституции РФ (Постановление КС РФ от 14.07.2015 № 21-П, [10]). В указанном Постановлении КС РФ однозначно указал на приоритет Конституции РФ по сравнению с любым постановлением ЕСПЧ (в том числе сославшись на практику европейских государств-участников Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция)). КС РФ отметил, что постановление ЕСПЧ не может считаться обязательным к исполнению при противоречии толкования Конвенции, данного в нем, императивным нормам международного права (*jus cogens*), к которым относится принцип невмешательства во внутренние дела государств.

Наконец, 19 января 2017 г. было вынесено Постановление КС РФ по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией РФ постановления ЕСПЧ по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» [11]. В указанном постановлении ЕСПЧ обязал Россию как нарушившую положения Конвенции о защите собственности выплатить акционерам компании-заявительницы в возмещение материального ущерба, включая компенсацию понесенных ею инфляционных потерь, почти 2 млрд. евро.

КС РФ постановил, что постановление ЕСПЧ исполнить невозможно, поскольку материальные потери компании явились следствием ее же незаконных действий в виде злостного уклонения от уплаты налогов, и выплата столь значительной суммы, присужденной ЕСПЧ, из того же бюджета, который недополучал от компании огромные суммы налоговых платежей, противоречит «конституционным принципам равенства и справедливости в налоговых правоотношениях». КС РФ также отметил, что выстроенные ЮКОС незаконные схемы уклонения от уплаты налогов препятствовали в том числе стабилизации публичного правопорядка, а толкование Конвенции со стороны ЕСПЧ «противоречит общеобязательным нормам, относящимися к международному публичному порядку (*jus cogens*), в число которых, безусловно, входят принципы государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств». По мнению Суда, в данном деле толкование ЕСПЧ Кон-

венции противоречит Конституции РФ, положения которой — прежде всего касающиеся прав и свобод человека и гражданина и основ конституционного строя России — формируют национальный публичный порядок и «имеют основания» в международном публичном порядке.

Таким образом, из позиций КС РФ следует, что нормы *jus cogens* относятся к международному публичному порядку (на основании которого строится и национальный публичный порядок) и включают принцип невмешательства во внутренние дела государств.

Стоит указать, что не все исследователи согласны с трактовкой КС РФ норм *jus cogens*, которой он придерживается в указанных Постановлениях. Например, по мнению А.С. Исполинова, КС РФ «имплицитно» демонстрирует собственную готовность определять перечень норм *jus cogens*, относя к ним принцип суверенного равенства и уважения прав, присущих суверенитету, а также принцип невмешательства во внутренние дела государств [12]. С.В. Черниченко также указал на «слишком вольное» обращение членов КС РФ с термином *jus cogens*, четко определенным в Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. [13].

Однако для целей настоящей статьи важно сосредоточить внимание на двух вопросах: 1) составляют ли нормы *jus cogens* международный публичный порядок? и 2) включен ли принцип невмешательства во внутренние дела государств в перечень норм *jus cogens*?

В доктрине по вопросу соотношения международного публичного порядка и норм *jus cogens* сложились противоположные точки зрения. Так, Г.И. Тункин указывал на высшую степень дискуссионности понятия международного публичного порядка и в большей степени его теоретический характер для целей анализа вопроса императивных норм [14]. Ш. Руссо также отмечал, что принципа публичного порядка в международном праве

«почти не существует» [15]. С другой стороны, как было отмечено выше, И.И. Лукашук констатирует наличие международного публичного порядка с нормами *jus cogens* в праве Устава ООН [7], а Х. Лаутерпахт полагает, что «главные» принципы международного права могут рассматриваться как составные части международного публичного порядка [16].

Автор, в свою очередь, склонен согласиться с исследователями, включающими нормы *jus cogens* в международный публичный порядок, в том числе с опорой на публикации Комиссии по международному праву ООН (далее — Комиссия). Комиссия отказалась давать исчерпывающий перечень норм *jus cogens*, определив только признаки таких норм — и одним из признаков является то, что нормы *jus cogens* призваны защищать международный публичный порядок (*ordre public*) [17].

Отвечая на второй вопрос, стоит указать, что Комиссия, определив в 2022 году примерный (неисчерпывающий) перечень норм *jus cogens*, не включила в него принцип невмешательства во внутренние дела государств [18]. Однако, как указано выше, Комиссия и не претендовала на предоставление закрытого и исчерпывающего перечня норм. Ученые же в целом склонны включать в состав норм *jus cogens* принцип невмешательства во внутренние дела государств (в том числе с указанием на то, что этот принцип прямо закреплен в Уставе ООН). Так, на это указывает Г.М. Вельяминов [19], И.И. Синякин и А.Ю. Скуратова [20], И.В. Воронцова [21].

Таким образом, из изложенного следует, что принцип невмешательства во внутренние дела государств тесно связан с категорией публичного порядка через категорию императивных норм международного права. Эта связь прослеживается из сопоставления понятий принципов международного права, норм *jus cogens* и публичного порядка, и нашла свое отражение в правовых позициях КС РФ по приведенным делам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Статут Международного суда ООН // URL: <https://www.icj-cij.org/files/statute-of-the-court/statute-of-the-court-ru.pdf> (дата обращения: 17 июля 2025 г.)
2. Устав ООН (принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.) // Действующее международное право. Т. 1. — М.: Московский независимый институт международного права, 1996. С. 7–33.
3. Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета (резолюция 2131 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 1965 г.) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/inadmissibility_of_intervention.shtml (дата обращения: 17 июля 2025 г.)
4. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г. // URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (дата обращения: 17 июля 2025 г.)
5. Богатина Ю.Г. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве: теоретические проблемы и современная практика. М.: Статут, 2010. 408 с. // Предоставлено СПС «КонсультантПлюс»
6. Курочкин С.А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. М.: Статут, 2017. 288 с. // Предоставлено СПС «КонсультантПлюс»
7. Лукашук И.И. Современное право международных договоров: в 2 т. М.: Волтерс Клувер, 2006. Т. 2: Действие международных договоров. 496 с. // Предоставлено СПС «КонсультантПлюс»

8. Quadri R. Cours général de droit international public // RdC. Vol. 113 (1964). P. 335.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2013 № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда» // «Вестник Конституционного Суда РФ», № 2, 2014
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». // «Вестник Конституционного Суда РФ», № 6, 2015
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 г. по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации». // «Вестник Конституционного Суда РФ», № 2, 2017
12. Исполинов А.С. Несколько жизней доктрины императивных норм (jus cogens) в международном праве // Международное правосудие. 2025. № 1. С. 70–97. // Предоставлено СПС «КонсультантПлюс»
13. Черниченко С.В. Европейский суд по правам человека: проблема неисполнимости постановлений // Московский журнал международного права. 2018. № 3. С. 6–17, 12 (цит. по Исполинов А.С. Несколько жизней доктрины императивных норм (jus cogens) в международном праве // Международное правосудие. 2025. № 1. С. 70–97. // Предоставлено СПС «КонсультантПлюс»)
14. Yearbook of the International Law Commission. 1966. Vol. I. P. 38 // URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_1966_v1_p1.pdf (дата обращения: 17 июля 2025 г.)
15. Rousseau Ch. Principes généraux du droit international public. Vol. I. P. 340–341 (цит. по Тункин Г.И. Теория международного права / Под общей ред. проф. Л.Н. Шестакова. — М.: ИКД «Зерцало-М», 2014, С. 135)
16. Rousseau Ch. Principes généraux du droit international public. Vol. I. P. 340–341 (цит. по Тункин Г.И. Теория международного права / Под общей ред. проф. Л.Н. Шестакова. — М.: ИКД «Зерцало-М», 2014, С. 135)
17. Доклад Комиссии международного права о работе ее шестьдесят восьмой сессии. URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2016/russian/chp9.pdf> (дата обращения: 17 июля 2025 г.)
18. Report of the International Law Commission. Seventy-third session (18 April–3 June and 4 July–5 August 2022). United Nations, New York, 2022. P. 16 URL: https://legal.un.org/ilc/reports/2022/english/a_77_10_advance.pdf (дата обращения: 17 июля 2025 г.)
19. Вельяминов Г.М. Международное право: опыты. М.: Статут, 2015. 1006 с. // Предоставлено СПС «КонсультантПлюс»
20. Синякин И.И., Скуратова А.Ю. Нормы jus cogens: исторический аспект и современное значение для международного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 3. С. 526–545. // Предоставлено СПС «КонсультантПлюс»
21. Воронцова И.В. Принцип обеспечения судебной защиты нарушенных прав и законных интересов как межотраслевой общепризнанный принцип // Вестник гражданского процесса. 2015. № 5. С. 109–128. // Предоставлено СПС «КонсультантПлюс»

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ КОСВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Кример Леонид Семенович

Аспирант, Автономная некоммерческая организация
высшего образования «Российский университет
адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева»
leon1789@gmail.com

SOME QUESTIONS ABOUT THE THEORY OF INDIRECT EVIDENCE

L. Krimer

Summary. This article describes the most important aspects of the theory of indirect evidence — such as: what the evidence is; how derivatives and initial information correlate, helping to clarify the degree of reliability of the events; reasonable cases of recourse to derivative material evidence; problems of inadmissibility and unreliability of circumstantial evidence; possible distortion due to subjective factors.

The purpose of the article is to characterize indirect evidence and determine its significance for legal proceedings.

Keywords: criminal procedure science, circumstantial evidence, inadmissibility and unreliability of circumstantial evidence, reliability of evidence, derivative information, court decision.

Аннотация. В данной статье охарактеризованы наиболее важные аспекты теории косвенных доказательств — такие как: что собой представляют данные доказательства; как соотносятся производные и первоначальные сведения, способствующие уточнению степени достоверности совершенных событий; целесообразные случаи обращения к производным вещественным доказательствам; проблемы недопустимости и ненадежности косвенных доказательств; возможности искажения в связи с действием субъективных факторов.

Целью статьи является характеристика косвенных доказательств и определение их значения для судопроизводства.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная наука, косвенные доказательства, недопустимость и ненадежность косвенных доказательств, достоверность доказательств, производные сведения, решение суда.

Актуальность темы статьи обусловлена необходимостью формирования целостной научной концепции применения косвенных доказательств в современной российской уголовной юстиции, выработки методологических подходов к решению проблем при выборе таких доказательств.

В отечественной уголовно-процессуальной науке [1; 2; 5; 8 и др.] вопросам доказывания всегда уделялось и продолжает уделяться значительное внимание, поскольку степень разработанности этой области напрямую влияет как на личные судьбы граждан, так и на стабильность и безопасность всего общества. Когда преступление остается без заслуженного наказания, это способствует формированию новых правонарушений, а единичное несправедливое решение суда, будь то применение меры пресечения в виде заключения под стражу либо вынесение приговора о лишении свободы, может привести к тому, что невиновный окажется среди закоренелых преступников.

В доктрине уголовно-процессуального права косвенные доказательства выделяются в особую группу, отечественное законодательство не предусматривает для них специальных процедурных правил, а их оценка осуществляется на основании общего принципа свободы исследования и оценки доказательственной информации. Несмотря на это, научное сообщество акцентирует вни-

мание на наличии проблем при выборе подхода к таким доказательствам.

Формирование косвенных доказательств зачастую связано не только с первичными источниками — они могут опираться на уже производные данные (имеется в виду возможность многократной передачи информации через несколько звеньев-посредников). Это указывает на различную степень производности, зависящую от количества этапов опосредования между доказательством, поступающим следователю или суду, и фактом, который нуждается в установлении.

Технология отражения данных в подобных доказательствах такова: каждое следующее звено, воспроизводя содержание предыдущего, становится своеобразным «зеркалом» всей предыдущей цепи передачи информации вплоть до исходного факта. Если на каком-либо этапе возникает искажение, то оно сохраняется и отражается в конечном, самом производном доказательстве.

На корректном применении норм, регулирующих доказывание, непосредственно основывается успешное разрешение наиболее острых и современных проблем уголовного судопроизводства.

В теории уголовно-процессуального права были разработаны различные классификации форм косвенных

доказательств. Например, Р.А. Бостанов [1] аргументировано выделяет следующие формы передачи доказательственной информации:

- индивидуальное доказательство может воспроизводиться через личное, письменное либо устное доказательство;
- письменное доказательство допускает передачу содержания как посредством письменной, так и личной либо вещественной формы;
- вещественное доказательство способно проявляться через вещественные, письменные или устные источники.

Показания, основанные на сведениях, полученных не из собственного восприятия, а за счет передачи информации от третьих лиц, принято именовать показаниями с чужих слов. К таким относятся сведения о фактических обстоятельствах, полученные в ходе допроса различных участников уголовного процесса (например, свидетелей, потерпевших или подозреваемых), которые лично не воспринимали значимые для расследования события.

Среди них можно выделить: а) показания, передаваемые одним участником судопроизводства со слов других лиц, включая других участников процесса — свидетелей, потерпевших или подозреваемых; б) показания построены на основании прочитанного текстового источника.

Большую долю косвенных доказательств в форме показаний составляют именно сообщения с чужих слов. Законодатель трактует их как сообщения (устные, письменные или иные), адресованные определенному факту и основанные на информировании со стороны третьего лица.

Формирование таких показаний осуществляется на основании первоисточника с возможностью их дальнейшей фильтрации и изменений участником уголовного производства под влиянием субъективных факторов. В связи с этим, в доктрине уголовного процесса, акцентируется внимание на необходимость их получения и использования только в таких случаях [8, с. 115]:

- 1) когда значимость такого доказательства дает дополнительную и единственную возможность суду установить существенные обстоятельства для уголовного судопроизводства, а также когда без наличия такого доказательства невозможно доказать необходимое обстоятельство для судопроизводства;
- 2) если использование такого доказательства является оправданным в случае отсутствия первичных доказательств или их сомнительности;
- 3) когда первичное доказательство утрачено или его невозможно получить;

- 4) когда с помощью показаний с чужих слов есть возможность обнаружить другие доказательства, к которым необходимо обратиться для проверки фактов, имеющих значение для судопроизводства;
- 5) когда данные, полученные с чужих слов, могут служить средством проверки других доказательств уголовного судопроизводства;
- 6) когда показания с чужих слов могут использоваться как средство замены первичного доказательства.

В качестве косвенных доказательств документы рассматриваются как специально созданные материальные носители, предназначенные для хранения информации, которая зафиксирована различными способами — при помощи письма, аудиозаписи, изображения и иных технических средств — и отражает сведения, способные подтвердить те или иные обстоятельства, выясняемые в уголовном процессе.

По мнению Т.В. Варфоломеевой [2], косвенные вещественные доказательства представляют собой физические модели, созданные на основе первоначальных вещественных объектов, точно воспроизводящие их ключевые качества и выполняющие функцию замены оригинала в рамках доказывания. Они становятся самостоятельными источниками информации об исходном предмете и применяются в процессе анализа.

Научное сообщество выделяет целесообразные случаи обращения к производным вещественным доказательствам:

- требуется сохранить важные признаки объекта, учитывая возможность их изменения со временем;
- необходима сохранность предмета, что достигается через исследование его копий;
- объект обладает особыми характеристиками (значительный вес, хрупкость, неделимость с окружающей средой, невозможность длительного хранения), что делает использование копий при рассмотрении дела оптимальным решением;
- новая материальная форма, в которой создано производное доказательство, обеспечивает более четкое восприятие и анализ интересующей информации, чем первоначальный объект;
- оригинал был получен не в результате следственных действий, а предоставлен частным субъектом, участвующим в процессе доказывания.

Некоторые вопросы теории доказательств до сих пор остаются спорными или приобрели еще большую актуальность в контексте современной практики. Например, несмотря на формально четко отраженные в законодательстве положения о допустимости и оценке дока-

зательств (см. ст. 74, 17 УПК РФ), разъяснения судебной практики иногда демонстрируют неоднозначность, особенно в части производной вербальной информации. Эта проблема обостряется при работе с показаниями должностных лиц — полицейских, иных участников процесса, которые представляют сведения, добытые при исполнении служебных обязанностей.

Хотя в доктрине уголовно-процессуального права косвенные доказательства выделяются в особую группу, отечественное законодательство не предусматривает для них специальных процедурных правил, а их оценка осуществляется на основании общего принципа свободы исследования и оценки доказательственной информации. Несмотря на это, научное сообщество акцентирует внимание на наличии проблем при выборе подхода к таким доказательствам. Применительно к российским реалиям, учитывая расширяющуюся судебную практику и растущую значимость англо-американского принципа «hearsay», возникает потребность нормативного урегулирования особенностей функционирования косвенных доказательств в уголовных делах.

Актуальная дискуссия концентрируется вокруг следующих ключевых вопросов:

- существуют ли виды косвенных доказательств, которые всегда следует считать недопустимыми;
- можно ли установить отдельные процессуальные требования к определенным разновидностям косвенных доказательств (например, к устным показаниям);
- какие факторы должны учитываться при их анализе и оценке;
- насколько принципиальна необходимость классификации в зависимости от субъекта — источника производной информации;
- требуется ли введение единых оценочных критериев для косвенных доказательств как группы или по отдельным категориям.

Основным критерием для деления всех доказательств на первичные и производные выступает наличие или отсутствие промежуточного носителя, осуществляющего передачу доказательственной информации.

Косвенные доказательства представляют собой сведения, которые подтверждают определенные обстоятельства не напрямую, а через промежуточные источники, то есть их связь с устанавливаемым фактом осуществляется посредством других информационных звеньев. С давних времен правовая мысль подчеркивала уязвимость подобных доказательств — еще античные юристы настаивали на важности поиска первоисточника, отмечая, что предпочтительнее обращаться к «источку», а не к «ручейкам» передачи информации.

Принцип выделения первичных источников в качестве наиболее важных для процесса доказывания не только выдержал испытание временем, но и был закреплён в ряде национальных правовых систем. Например, в английской уголовно-процессуальной традиции, информация, полученная не от непосредственного свидетеля (hearsay), как правило, признается недостоверной и может рассматриваться лишь в исключительных предусмотренных законом ситуациях.

Соответствующие идеи были адаптированы и в теории российского уголовного процесса. По замечаниям А.И. Трусова, применение косвенных доказательств увеличивает риск возникновения искажений фактических данных, поэтому для следствия и суда принципиально значимой задачей остается обязательность поиска первичных источников при рассмотрении каждого дела [6, с. 11].

М.А. Чельцов, рассматривая специфику косвенных доказательств, отмечал, что степень их достоверности значительно уступает первоисточникам. По его мнению, процесс проверки таких доказательств осложнен, поскольку по мере передачи информации через ряд посредников существенные детали происшествия могут утрачиваться, а сама реконструкция события обогащается деталями, которые не обязательно отражают реальную картину произошедшего [7, с. 113].

Особое внимание в вопросе достоверности уделяется производной вербальной информации, характер которой во многом обуславливает высокий риск искажения в связи с действием субъективных факторов. Подобная угроза относится как к устной, так и к письменной производной вербальной информации. Вместе с тем, получение устных сообщений предоставляет следователю определенные возможности для контроля над процедурой возникновения доказательства (например, при опросе или допросе), в то время как письменные сообщения, как правило, поступают в виде уже оформленных материалов, созданных за пределами уголовного судопроизводства (например, электронные письма, в которых изложены услышанные от третьих лиц сведения). Этот аспект необходимо учитывать при анализе таких доказательств, однако, он не исключает возможности как преднамеренного, так и случайного искажения информации.

Некоторые исследователи объясняют критическую позицию в отношении косвенных доказательств их предполагаемой недопустимостью и ненадежностью. Такие взгляды обычно связываются с риском искажения информации на стадии возникновения производных сведений, а также с невозможностью всегда верифицировать первоисточник сообщения. В этой связи выдвигаются предложения о полной недопустимости косвен-

ных доказательств на уровне законодательства или, как минимум, о предоставлении первоначальным доказательствам приоритетного статуса по сравнению с производными.

Однако обоснованность этих суждений вызывает сомнения. На практике часто смешиваются понятия допустимости и достоверности доказательства, несмотря на принципиальное различие: легитимность доказывания не всегда совпадает с его истинностью. Факт того, что доказательство может быть признано допустимым даже при его сомнительной надежности, иллюстрирует следующий пример: если свидетель искаженно воспроизвел услышанные от кого-либо сведения и изложил их органу следствия, процессуальные требования, связанные с фиксацией таких показаний, могут быть формально соблюдены. Это делает соответствующее доказательство внешне соответствующим требованиям допустимости, однако с точки зрения содержания оно оказывается неточным. Априорно недостоверное доказательство утрачивает допустимость лишь тогда, когда оказывается нарушенным гарантированное установление фактов уголовного дела; нельзя забывать и о других уголовно-процессуальных гарантиях, влияющих на оценку доказательственной информации [5, с. 15].

Также риск искажения содержания информации существует не только в отношении производных сведений, но и при восприятии исходных сообщений. По сути, вся информация, сообщаемая участниками уголовного процесса в устной или письменной форме, уже носит производный характер, так как она основывается не на событии непосредственно, а на его интерпретации лицом, осуществляющим передачу. Передача информации через язык неизбежно связана с субъективным восприятием, предпочтениями, эмоциями, ассоциациями, а также с волевыми установками — это способно привести как к случайному, так и к преднамеренному искажению первоначальных данных. Именно поэтому в ходе проверки косвенных доказательств необходимо сосредотачиваться на процедурах выявления первичного источника.

При этом важно принимать во внимание, что законодатель ограничивает возможность использования сведений, полученных на основе слухов, предположений или догадок, а также сведений, для которых участник процесса не способен точно обозначить источник своей осведомленности (п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Корректная трактовка данного положения подразумевает, с одной стороны, невозможность признания допустимыми показаний потерпевшего, не способного указать конкретный источник полученной им информации, а с другой стороны — аналогичный подход применяется и к высказываниям обвиняемого или подозреваемого. Следует отметить, что признание виновности лица не может основываться на утверждениях обвиняемого, если они

сформулированы исключительно на базе домыслов, слухов либо не имеют подтвержденного источника [4, с. 105].

В связи с этим, возникает необходимость корректировки положений, содержащихся в пункте 2 части 2 статьи 75 УПК РФ. Когда установить первоисточник оказывается невозможным, требуется дать объективную оценку, как существованию самого источника, так и причинам, препятствующим такому установлению; результаты данной процедуры непосредственно отражаются на обоснованности использования косвенных доказательств. Применяя критерии, предусмотренные анализируемой нормой, можно утверждать, что если достоверность существования первоисточника вызывает сомнения, то подобные показания следует рассматривать как построенные на предположениях, слухах или догадках, а следовательно — признавать недопустимыми.

Научная дискуссия подтверждает, что многие исследователи не поддерживают идею полной неприемлемости косвенных доказательств, напротив, указывая на их самостоятельную ценность при проведении расследований. В ряде случаев производные доказательства демонстрируют существенную значимость, особенно при невозможности обращения к оригинальному источнику информации ввиду объективных причин. Более того, именно сопоставление производных и первоначальных сведений способствует уточнению степени достоверности последних, что усиливает возможности оценки доказательственного материала.

Исключение косвенных доказательств из процесса собирания и исследования доказательств ограничит доступ к важной информации, которую получить другим способом не представляется возможным. Среди специалистов существует точка зрения, согласно которой поиск и сбор доказательств должен преимущественно концентрироваться на первоначальных формах, придавая производным скорее вспомогательную роль, допустимую исключительно при недоступности оригинала вследствие его уничтожения, утраты или умышленного сокрытия. Однако подобная позиция недостаточно обоснована, поскольку даже при использовании первоисточника сохраняется риск получения недостоверной информации. В частности, не исключены ситуации, когда, например, подозреваемый намеренно искажает определенные обстоятельства или полностью отрицает причастность к событию в ходе следственных действий [3, с. 25].

Создание объективных и теоретически обоснованных стандартов для анализа косвенных доказательств, прежде всего относящихся к устным источникам, на сегодняшний день сохраняет ключевое значение для развития юридической науки. Разрабатываемые подходы к оценке должны учитывать специфику использования вербальной информации лицами, наделенными процес-

суальными полномочиями, а также учитываться при работе с подобными материалами со стороны иных участников процессуальных действий.

Подводя итоги, можно заключить, что наиболее важными в теории косвенных доказательств являются такие аспекты, как: что является данными доказательствами; как соотносятся производные и первоначальные сведения, способствующие уточнению степени достоверности совершенных событий; степень достоверности доказательств; целесообразные случаи обращения к производным вещественным доказательствам; проблемы недопустимости и ненадежности косвенных доказательств; возможности искажения в связи с действием субъективных факторов.

К числу косвенных доказательств, используемых в рамках уголовного судопроизводства, относятся:

- высказывания участников процесса, основанные на информации, полученной от третьих лиц (в том числе сведения, сообщаемые со слов других участников, а также высказывания, базирующиеся на прочитанном тексте);

- документы: копии, выписки, дубликаты, сводки, протоколы следственных либо оперативных мероприятий, электронные носители с информацией, полученной при проведении следственных действий с других носителей;

- вещественные доказательства — искусственно изготовленные копии, слепки, образцы, другие материальные модели (за исключением предметов-аналогов и образцов для экспертизы).

Вместе с тем научные дебаты относительно теории доказывания несколько уступили место другим направлениям — вопросам внедрения телекоммуникационных и цифровых платформ, процедурных упрощений, изменяющейся структуры стадий уголовного процесса и иных факторов, исходящих из новых общественных реалий. Тем не менее, доказывание по-прежнему сохраняет фундаментальное значение для судопроизводства, несмотря на уменьшение исследовательского интереса и предложения по изменению традиционных подходов к оценке результатов оперативно-розыскной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бостанов Р.А. Использование производных доказательств в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Нижний Новгород. 2012. 31 с.
2. Варфоломеева Т.В. Производные вещественные доказательства: криминалистическое и уголовно-процессуальное исследование: дис. ... канд.юрид. наук. Киев. 1973. 210 с.
3. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры. 1950. 308 с.
4. Победкин А.В. Принцип свободы оценки доказательств и его влияние на законность досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41). — С. 104–105.
5. Склизков А.Н. Принцип непосредственности уголовного судопроизводства: автореф. дис... канд. юрид. наук. Владивосток, 2007. 22 с.
6. Трусов А.И. Судебное доказывание в свете идей кибернетики // Вопросы кибернетики и право. М.: Наука, 1967. — С. 298–304.
7. Чельцов-Бebutov М.А. Советский уголовный процесс. М.: Госюриздат. 1962. 503 с.
8. Шуматов Ю.Т. Использование специальных познаний на предварительном следствии: дис. канд. юрид. наук. М., 1996. 179 с.

© Кример Леонид Семенович (leon1789@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБАЯ РОЛЬ БЮДЖЕТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ОХРАНЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПАРКОВ

THE SPECIAL ROLE OF BUDGETARY INSTITUTIONS IN ENSURING THE PROTECTION OF NATIONAL PARKS

E. Marchenko

Summary. The article is aimed at researching and analyzing the functions of state budgetary institutions of national parks in the context of recent changes in the environmental legislation of the Russian Federation. The legalization of mining and other activities in the territories of national parks, the construction of capital facilities and engineering infrastructure for the tourism industry leads to a decrease in the efficiency of management and preservation of the unique ecosystems of national parks by budgetary institutions that perform duties for the management and protection of national parks.

Keywords: specially protected natural territories, national parks, state budgetary institutions, protection of natural objects, functional zones, protected areas.

Марченко Елена Анатольевна

*аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»
Marchenko-all@yandex.ru*

Аннотация. Статья направлена на исследование и анализ функций государственных бюджетных учреждений национальных парков в условиях, связанных с последними изменениями природоохранного законодательства Российской Федерации. Легализация добычи полезных ископаемых и других видов деятельности на территориях национальных парков, строительство капитальных объектов и инженерной инфраструктуры для туристской индустрии ведет к снижению эффективности управления и сохранения уникальных экосистем национальных парков бюджетными учреждениями, которые исполняют обязанности по управлению и охране национальных парков.

Ключевые слова: особо охраняемые природные территории, национальные парки, государственные бюджетные учреждения, охрана природных объектов, функциональные зоны, охранные зоны.

Идея создания национальных парков в целях сохранения уникальных объектов природы появилась еще в прошлом столетии и была реализована с принятием Постановления о типовом положении создания национальных парков с целью туризма и отдыха, научных исследований и иных целях. [1]

Национальные парки создавались в виде государственных юридических лиц, на территории которых запрещались любые виды деятельности, снижающие ценность этих территорий. С целью усиления их охраны постановлением Правительства РФ принято положение о национальных парках [2] (далее в тексте — Положение) с расширением спектра задач, введением экологического просвещения и мониторинга, режимным зонированием и запретом всякой деятельности, угрожающей существованию охраняемых объектов. Причем, под национальными природными парками понимались не только природные территории, но и природоохранные учреждения, возглавляемые директорами, назначаемыми государственными органами управления Российской Федерации.

Основной деятельностью национальных парков являлось сохранение и восстановление эталонных заповедных зон, создание условий для регулируемого туризма, организация экологического просвещения

и ведение экологического мониторинга, с установлением восьми функциональных зон с особым порядком использования территорий — от заповедной, с запретом на любое хозяйственное использование — до зоны хозяйственного назначения, предназначенной для функционирования национального парка и для удовлетворения нужд проживающего в нем населения. Поскольку Положение не утратило силы, о чем будет упомянуто далее, то на территориях национальных парков, согласно п. 9 Положения запрещаются виды деятельности, представляющие особую экологическую опасность, и могут быть запрещены или ограничены иные понижающие ценность этих земель виды деятельности.[3]

Дефиниция особо охраняемых природных территорий согласно Закону об особо охраняемых природных территориях [4] (далее в тексте — Закон об ООПТ), включая в себя весь биогеноценоз этих территорий, запрещает (полностью или частично) хозяйственную деятельность на этих ценных землях, представляющих собой природно-заповедный фонд России. [5]

Многими учеными отмечается, что многочисленные изменения в области экологического права направлены не только на охрану природы, но и развитие предпринимательства на определенных территориях, что ведет к разрушению экосистем, понижается охранный статус

ценных земель, в заповедных землях развивается локальное предпринимательство и туристская индустрия, происходит сокращение и ликвидация особо ценных земель в результате их хозяйственного освоения, что ведет к безвозвратной потере ценнейших уголков природы.[6]

1. Изначально национальные парки создавались для их сохранения, исследования, регулируемого туризма и экологического просвещения (п.1 ст. 12 Закона об ООПТ) с семью функциональными зонами, причем в зоне хозяйственного назначения предусматривалась деятельность, обеспечивающая нужды самого национального парка и его населения, и запрещалась любая деятельность, способная нанести ущерб природным комплексам и объектам. С внесением изменений[7] — территории национальных парков разделены законодателем на две основные зоны: с сохранением естественной природной среды и запретом любой не предусмотренной этим законом деятельности, а также зоны, в которых ограничивается деятельность, противоречащая целям и задачам национального парка (п.1 ст. 12 Закона об ООПТ). Если следовать буквальному толкованию положения данной статьи, с учетом, что ограничение деятельности не является ее запретом — деятельность допускается, но «с сужением возможности осуществления субъективного права»[8], то на определенной территории национальных парков допускается деятельность, которая противоречит их целям и задачам. Данное положение не соответствует пункту 2 ст.15 Закона об ООПТ, ст. 95 ЗК РФ, ст. 59 Закона об охране окружающей среды.

Утвержденный постановлением Правительства перечень видов деятельности на территории национальных парков и охранных зон [9], национальных парков [10], среди которых — добыча полезных ископаемых, производство изделий из пластмасс и другие опасные производства [11] (далее в тексте — Перечень), противоречащие пункту 2 статьи 15 Закона об ООПТ, неразрывно связанные с возведением объектов капитального строительства, с нарушением почвенного слоя, загрязнением воздуха и воды отходами производства, высоким уровнем шума, способные нанести вред любой функциональной зоне национального парка, с утратой ценности этих территорий и невозможности их использования, в том числе, и для рекреационных, и туристических целей. И это при том, что по состоянию на данный момент законодательством РФ в национальных парках не предусмотрены функциональные зоны для промышленного производства. В этой связи без изменения видов разрешенной деятельности, установленной Перечнем, представляется малоэффективным установление правил согласования вышеуказанной деятельности с федераль-

ными органами исполнительной власти для сохранения биогеоценоза национальных парков (пункт 4 ст. 15 Закона об ООПТ). [10]

В соответствии с п.1 ст. 14 Закона об ООПТ создание национальных парков и расширение территорий национальных парков осуществляется решениями Правительства Российской Федерации [12] и передается в ведение Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Земельные участки предоставлены учреждениям на праве постоянного (бессрочного) пользования. Учреждение осуществляет деятельность по охране и содержанию территории национального парка и связанного с ним имущества, а также мероприятия по сохранению на его территории биологического разнообразия и поддержания в естественном состоянии природных комплексов и объектов. Таким образом, реализация возложенных на бюджетные учреждения обязанностей по сохранению национальных парков будет невозможна в условиях промышленного их освоения.

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации N 23-П от 28 мая 2025 г. [12] указано, что использование сельскохозяйственных земель на территории национальных парков должно осуществляться с учетом режима охраны, при условии совместимости сельскохозяйственной деятельности с целями и задачами парка. Соответственно, цели и задачи национальных парков являются основными критериями оценки возможности осуществления экономической и иной деятельности на этих территориях.

2. С изменением пункта 2 статьи 12 Закона ООПТ на территории национальных парков появились «иные пользователи и собственники земельных участков» с правом индивидуального жилищного строительства без согласования с федеральными органами власти [13], а также возможностью отчуждения земельных участков, т.е. фактически разрешается передача земельных участков национальных парков в собственность граждан и юридических лиц, при этом в Законе не уточняется, каким именно субъектам земельного права будет предоставлена такая возможность и на каких условиях. С 10 января 2021 г. Закон об ООПТ дополнен статьей 3.1, согласно которой в состав зоны хозяйственной деятельности национальных парков могут быть включены населенные пункты со свободной оборотоспособностью, находиться в публичной собственности (с возможностью предоставления земельных участков согласно земельному законодательству), а также в собственности граждан и юридических лиц, с ограничением права собственности режимом охраны (ст. 3.1. Закона об ООПТ). Причем, п.4 указанной статьи отменяет вышеуказанные положения на ООПТ

полностью или частично расположенных на территории населенного пункта.

3. В соответствии с пунктом 1 ст. 15 Закона об ООПТ в редакции от 30.11.2011 г., заменен императивный запрет любой хозяйственной деятельности и рекреационного использования территории в особо охраняемой зоне национальных парков — на возможность посещения в туристических целях. На основании распоряжения Правительства РФ от 26.08.2023 г.[14] в национальных парках разрешено возведение трехэтажных капитальных зданий, объектов инфраструктуры, что безусловно приведет к увеличению антропогенной нагрузки, гибели флоры и фауны этих территорий.
4. В соответствии с проектом Федерального закона № 914555-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [15], предусматривается возможность изменения видов основного и вспомогательного разрешенного использования в границах национальных парков без каких-либо разрешений и согласований с правообладателями земельных участков, за исключением органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, государственных и муниципальных унитарных предприятий. Также законопроектом разрешается изменение целевого назначения земельных участков в зонах хозяйственного назначения в границах национального парка и иных случаев, предусмотренных федеральными законами.
5. В настоящее время на стадии завершения независимой антикоррупционной экспертизы находится Проект Постановления Правительства РФ № 2467[16], которым из Перечня правовых актов исключается пункт 675 с отменой Постановления Правительства Российской Федерации от 10 августа 1993 г. N 769 «Об утверждении Положения о национальных природных парках Российской Федерации» (п. 675 Перечня). Особенности конкретного национального парка (зонирование и режим) определяются положением об этом парке, изданным на основании общего Поло-

жения о национальных парках (п. 6 ст. 21 Закона об ООПТ), поэтому отмена вышеуказанного Постановления может повлечь массовые нарушения режима охраняемых территорий. В настоящее время в ряде национальных парков имеются только постановления об их создании, но отсутствуют утвержденные Положения о национальных парках. [17]

С изменением природоохранного законодательства в несколько раз возросло количество преступлений и правонарушений на особо охраняемых природных территориях. Принимаемые нормативные акты [18] большей частью декларативны и с точки зрения автора не смогут обеспечить возможность сохранения уникального биогеоценоза национальных парков. Ослабление природоохранного законодательства с точки зрения автора выражается в превалировании частных интересов над публичными, уменьшении площади национальных парков, упрощении процедуры изменения использования этих заповедных земель, с угрозой их промышленного освоения, со стремительным развитием туристской индустрии, что несомненно приводит к ухудшению экологической ситуации, нарушению режима охраны и снижению эффективности управления и охраны национальных парков. В связи с увеличением правонарушений государственные бюджетные учреждения вынуждены проводить постоянные рейды, однако, учитывая вносимые законодательные изменения, и эти меры не смогут предотвратить уничтожение уникальных природных территорий, гибели животного и растительного мира национальных парков.

Анализ данной ситуации приводит к выводу о необходимости соблюдения баланса частных и публичных интересов в области охраны ценных земель национальных парков и хозяйственной деятельности на их территориях с учетом специфических особенностей каждого национального парка, при обязательном проведении экологической экспертизы, активном вовлечении общественности и экологическом просвещении населения с целью формирования бережного отношения к окружающей среде как основополагающему аспекту сохранения жизни на планете.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Госплана СССР и ГКНТ от 27 апреля 1981 г. N 77/106 «Об утверждении типовых положений о государственных заповедниках, памятниках природы, ботанических садах и дендрологических парках, зоологических парках, заказниках и природных национальных парках»// ЭПС ГАРАНТ.
2. Постановление Совета Министров — Правительства РФ от 10 августа 1993 г. N 769 «Об утверждении Положения о национальных природных парках Российской Федерации» //ЭПС «Система ГАРАНТ».
3. Постановление Совета Министров — Правительства РФ от 10 августа 1993 г. N 769 «Об утверждении Положения о национальных природных парках Российской Федерации» //ЭПС «Система ГАРАНТ».
4. Федеральный закон от 14 марта 1995 г. N 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»// Собрание законодательства Российской Федерации от 20 марта 1995 г. N 12 ст. 1024.

5. П.3 ст. 58 Федерального закона от 10 января 2002 г. N 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»// Собрание законодательства Российской Федерации от 14 января 2002 г. N 2 ст. 133.
6. Т.В. Злотникова. К вопросу об экологизации и деэкологизации законодательства и других сфер общественной жизни //Экологическое право. 2024. № 2 С. 5–11; Е.А. Галиновская. Проблемы модернизации законодательства об особо охраняемых природных территориях//Экологическое право.2022. № 5. С.22; Навасардова Э.С., Нутрихин Р.В. Проблема деэкологизации природоохранного законодательства России и Казахстана в контексте формирования эколого-безопасного пространства ЕАЭС // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10(2). С. 279–285.
7. Федеральный закон от 18 марта 2023 г. N 77-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»// Собрание законодательства Российской Федерации, 20 марта 2023 г. N 12 ст. 1890.
8. Е.В. Лунева. Правовые запреты и ограничения в обеспечении рационального природопользования//Lex Russica. № 11. 2022. С. 72.
9. Постановление Правительства РФ от 19 февраля 2015 г. N 138 «Об утверждении Правил создания охранных зон отдельных категорий особо охраняемых природных территорий, установления их границ, определения режима охраны и использования земельных участков и водных объектов в границах таких зон» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2 марта 2015 г. N 9 ст. 1323.
10. Постановление Правительства РФ от 2 июня 2022 г. N 1018 «О видах экономической и иной деятельности юридических и физических лиц на территориях национальных парков и их охранных зон, подлежащих согласованию с федеральными органами исполнительной власти, в ведении которых находятся национальные парки»//Собрание законодательства Российской Федерации, 6 июня 2022 г. N 23 ст. 3842.
11. П. 8 приложения 2 к Федеральному закону от 21 июля 1997 г. N 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов»// Собрание законодательства Российской Федерации от 28 июля 1997 г. N 30, ст. 3588.
12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 2025 г. N 23-П «По делу о проверке конституционности абзаца четвертого пункта 1 Постановления Совета Министров РСФСР «О создании Прибайкальского национального парка в Иркутской области» в связи с запросом Правительства Иркутской области»//сайт Конституционного Суда Российской Федерации (ksrf.ru).
13. Правила согласования видов экономической и иной деятельности юридических и физических лиц на территориях национальных парков и их охранных зон утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 2 июня 2022 г. N 1018.
14. Распоряжение Правительства РФ от 26 августа 2023 г. N 2294-р Об утверждении перечня объектов капитального строительства, строительство, реконструкция, капитальный ремонт, ввод в эксплуатацию, вывод из эксплуатации и снос которых допускаются при осуществлении рекреационной деятельности в национальных парках, а также некапитальных строений, сооружений (в том числе нестационарных торговых объектов), элементов благоустройства, объектов сопутствующей инфраструктуры, возведение, эксплуатация и демонтаж которых допускаются при осуществлении рекреационной деятельности // Собрание законодательства Российской Федерации, 4 сентября 2023 г. N 36 ст. 6758/.
15. Проект Федерального закона № 914555-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»//URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/914555-8?ysclid=mc3ffq95ma741653618> (дата обращения 19.06.2025 г.).
16. Постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 2467 «Об утверждении перечня нормативных правовых актов и групп нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации, нормативных правовых актов, отдельных положений нормативных правовых актов и групп нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, правовых актов, отдельных положений правовых актов, групп правовых актов исполнительных и распорядительных органов государственной власти РСФСР и Союза ССР, решений Государственной комиссии по радиочастотам, содержащих обязательные требования, в отношении которых не применяются положения частей 1, 2 и 3 статьи 15 Федерального закона «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»//URL:<https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=156218>(дата обращения 05.06.2025 г.).
17. Постановление Правительства РФ от 6 августа 2018 г. N 915 «О создании национального парка «Ленские столбы», Постановление Правительства РФ от 8 февраля 2018 г. N 130 «О создании национального парка «Хибины», Постановление Правительства РФ от 20 декабря 2019 г. N 1735 «О создании национального парка «Токинско-Становой», Постановление Правительства РФ от 11 сентября 2020 г. N 1399 «О создании национального парка «Салаир», Постановление Правительства РФ от 20 октября 2023 г. N 1748 «О создании национального парка «Воттоваара», Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2023 г. N 2393 «О создании национального парка «Дьяковский лес», Постановление Правительства России от 28 марта 2024 г. N 389 «О создании национального парка «Нижегородское Поволжье» имени В.А. Лебедева, Постановление Правительства России от 1 апреля 2024 г. N 412 «О создании национального парка «Виштынецкий»// ЭПС «Система ГАРАНТ»; М.Л. Крейндин Заповедники и национальные парки могут потерять защиту//URL:<https://earthtouches.me/articles/2025/04/17/zapovedniki-i-nacparki-mogut-poterjat-zashhitu/> (дата обращения 05.06.2025 г.).
18. Постановление Правительства Российской Федерации от 31 мая 2025 г. N 813 «Об утверждении требований к предотвращению гибели объектов животного мира при осуществлении производственных процессов, а также при эксплуатации транспортных магистралей, трубопроводов и линий связи и электропередачи»// ЭПС «Система ГАРАНТ»; Постановление Правительства Российской Федерации от 29 мая 2025 г. N 785 «Об утверждении Положения о мерах по сохранению водных биологических ресурсов и среды их обитания»// ЭПС «Система ГАРАНТ»; Приказ Федерального агентства по рыболовству от 6 мая 2020 г. N 238 «Об утверждении Методики определения последствий негативного воздействия при строительстве, реконструкции, капитальном ремонте объектов капитального строительства, внедрении новых технологических процессов и осуществлении иной деятельности на состояние водных биологических ресурсов и среды их обитания и разработки мероприятий по устранению последствий негативного воздействия на состояние водных биологических ресурсов и среды их обитания, направленных на восстановление их нарушенного состояния»// ЭПС «Система ГАРАНТ».

© Марченко Елена Анатольевна (Marchenko-all@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ПРИМЕНЕНИЯ СУДОМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Намцараева Александра Куприяновна

Аспирант,

ФГБОУ «Байкальский государственный университет»

namtsaraeva867@mail.ru

THE PURPOSE AND OBJECTIVES OF THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES BY THE COURT IN CRIMINAL PROCEEDINGS

A. Namtsaraeva

Summary. The article explores the purpose and objectives of digitalization of criminal justice. The author comes to the conclusion that the main purpose of the introduction and application of digital technologies by the court in criminal proceedings is not only the digitalization of the criminal proceedings themselves, as well as certain aspects of its activities, but above all, ensuring transparency in the administration of justice in criminal cases, its openness. This will contribute to improving guarantees of proper protection of the rights and legitimate interests of interested citizens, as well as improving the image of the judicial system. The author also highlights the tasks of using digital technologies by the court in criminal proceedings.

Keywords: digitalization, criminal justice, purpose, tasks, judicial system.

Аннотация. В статье исследуются цель и задачи цифровизации уголовного правосудия. Автор приходит к выводу, что основной целью внедрения и применения судом цифровых технологий в уголовном судопроизводстве, является, не только цифровизацию самого уголовного судопроизводства, а также отдельных аспектов его деятельности, но прежде всего, обеспечение прозрачности отправлению правосудия по уголовным делам, его открытости. Это будет способствовать повышению гарантий надлежащей защиты прав и законных интересов заинтересованных граждан, а также повышению имиджу судебной системы. Автором также выделяются задачи применения судом цифровых технологий в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: цифровизация, уголовное правосудие, цель, задачи, судебная система.

На современном этапе развития цивилизации, человечество вступило в информационную эпоху и становление цифровых технологий, которые стремительным образом вырабатываются и внедряются во все сферы общественной жизни. Происходит новый виток формирования цивилизованного общества. Цифровая трансформация поэтапно охватывает все сферы жизнедеятельности человека, деятельность общества и государства. Поэтому диапазон цифровизации имеет широкий спектр применения.

Развитие сферы информационно-цифровых технологий и их внедрение в правовое пространство России, в экономику страны, стало одним из приоритетных направлений государственной деятельности, о чем свидетельствуют принимаемые стратегические и программные документы.

Цифровизация также не могла обойти стороной систему правосудия, важность участие которого в цифровой трансформации, была особо подчеркнута еще в 2019 году, когда указывалось на необходимость технической модернизации судов¹. В этой связи стоит отметить, что

¹ Правительство выделит более 200 млрд. рублей на развитие судебной системы // Российская газета. 13 февраля 2019. N 31 (7789) // <https://rg.ru/2019/02/12/pravitelstvo-vydelit-bolee-200-mlrd-rublej-na-razvitie-sudebnoj-sistemy.htm>.

в том числе работа по цифровизации судов ведется уже давно². Уголовное судопроизводство при этом имеет свою особенность, отличающую его от других судопроизводств, поскольку его цифровизация касается не только судебной деятельности, но и досудебного производства.

В настоящее время действует «Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы» (далее Концепция)³ основы, которой составили нормативно-правовые акты.

Исходя из целей Концепции, выработанной в условиях цифровой реальности, можно определить, что целью применения судом цифровых технологий в уголовном судопроизводстве, с точки зрения автора настоящего исследования, является:

1. Обеспечение доступности информации широкому кругу общественности, который способен повлиять в законодательных рамках на само уго-

² Постановление Совета судей РФ от 16.11.2001 N 60 «О Концепции информационной политики судебной системы» // Российская юстиция. 2002. N 4.

³ «Концепция информационной политики судебной системы на 2020 — 2030 годы» (одобрена Советом судей РФ 05.12.2019) // URL: <http://www.ssrf.ru> (дата обращения 27.05.2023 г.);

ловное судопроизводство, повышая его качество. Доступность информации посредством цифровых технологий способствует не только гармонизации отношений между обществом и отправлением правосудия, но и обеспечивает прозрачность правосудия по рассматриваемым уголовным делам.

2. Совершенствование способов доступа граждан и общественности к деятельности уголовных судов, посредством информирования населения с использованием различных цифровых платформ и средствах массовой информации.
3. Формирование позитивного имиджа уголовных судов, посредством объективного освещения их деятельности в цифровом пространстве, что будет способствовать повышению доверия к отправлению правосудия по уголовным делам.

Таким образом, основной целью внедрения и применения судом цифровых технологий в уголовном судопроизводстве, является, с точки зрения автора настоящего исследования, не только цифровизация самого уголовного судопроизводства, а также отдельных аспектов его деятельности, но прежде всего, обеспечение прозрачности отправления правосудия по уголовным делам, его открытости. Это будет способствовать повышению гарантий надлежащей защиты прав и законных интересов заинтересованных граждан.

Задачами применения судом цифровых технологий в уголовном судопроизводстве, прежде всего, должны являться:

- На базе цифровых технологий и развития государственных автоматизированных систем, достижение нового уровня доступности информации широкому кругу общественности;
- Обеспечение гарантий надлежащей защиты и ее своевременности;
- Оптимизация и улучшение организации самого уголовного судопроизводства;
- Снижение нагрузки на судей;
- Составление судебной статистики⁴ посредством государственных цифровых систем;
- Обеспечения эффективной связи с потерпевшими, обвинителями, защитой и т.п.

Помимо указанных моментов целеполагания и задач применения судом цифровых технологий нельзя обойти вниманием проблему коррупции, существующей в правоохранительных органах, а также органах наделенных властными судебскими полномочиями при разрешении уголовных дел.

⁴ Судебная статистика РФ // URL: <https://stat.api-npess.pf/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения 27.05.2023 г.);

Во всем мире коррупция признана системным явлением, являющейся комплексной проблемой для всех стран мира. Как справедливо отмечается в научной литературе, священные писания, появившиеся еще до возникновения первого государства, уже указывают, что время возникновения коррупции связано с моментом выработки первых форм общественной организации⁵.

Международным сообществом признается, что коррупционные проявления является глобальной проблемой. Об этом не в последнюю очередь свидетельствует принятие правовых актов по борьбе с коррупцией крупных международных организаций, таких как ООН, ГРЕКО, ОЭСР, Совета Европы, ЕС, СНГ и др.

Поэтому одной из не явно выраженных задач использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве, является противостояние, предупреждение, а также борьба с коррупционными проявлениями. Представляется, что цифровизация уголовного производства и ее возможности по борьбе с коррупционными проявлениями не останутся без внимания законодателя.

Влияние цифровых технологий велико. Особенно это относится к сфере осуществления уголовного правосудия, поскольку судебская ошибка, либо ошибки в ходе досудебного уголовного судопроизводства, могут привести к непоправимым ошибкам. Вследствие несовершенной доказательной базы могут иметь место огромные и неизгладимые последствия для общества.

Поэтому, поскольку цифровые технологии имеют свойство проникать в правовую культуру общества, они могут также, по глубокому убеждению автора настоящей статьи, способствовать доказыванию преступлений, совершенных именно преступниками, а не лицами, которые «случайным» образом попали под пристальное внимание правоохранительных органов.

Стоит обратить внимание также на следующую, можно сказать, что не явную задачу, применения судом цифровых технологий в уголовном судопроизводстве, касающуюся формирования у граждан России «правовой культуры». Представляется, что цифровизация уголовного правосудия будет способствовать развитию правовой культуры населения нашей страны.

Таким образом, влияние цифровых технологий, и возложение надежд, касающихся позитивного восприятия современным миром всех сферы человеческой жизни чрезвычайно велико.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

⁵ Цирин А.М., Черепанова Е.В., Тулинова О.А. Современные стандарты и технологии противодействия коррупции // Журнал российского права. 2014. N 7. С. 143–171.

1. Внедрение в правовое пространства России, касающееся уголовного производство в суде, цифровых технологий имеет основными целями:
  - 1) Обеспечение доступности информации широкому кругу общественности, которая будет способствовать гармонизации отношений между обществом и отправлением правосудия, а также обеспечит прозрачность правосудия по рассматриваемым уголовным делам.
  - 2) Совершенствование способов доступа граждан и общественности к деятельности уголовных судов, посредством информирования населения с использованием различных цифровых платформ.
  - 3) Формирование позитивного имиджа уголовных судов, посредством объективного освещения их деятельности в цифровом пространстве, что будет способствовать повышению доверия к отправлению правосудия по уголовным делам.
2. Задачами применения судом цифровых технологий в уголовном судопроизводстве, являются:
  - Развитие государственных автоматизированных систем на базе цифровых технологий, для достижения нового уровня доступности информации широкому кругу общественности;
  - Обеспечение гарантий надлежащей защиты и ее своевременности;
  - Оптимизация и улучшение организации самого уголовного судопроизводства и снижения нагрузки на судей;
  - Составление судебной статистики посредством государственных цифровых систем;
  - Обеспечения эффективной связи с потерпевшими, обвинителями, защитой и т.п.;
  - Противодействие и борьба с коррупционными проявлениями;
  - Содействие формированию правовой культуры у граждан.
3. Применения уголовным судом цифровых технологий и становление организации электронного правосудия, позволит сделать качественный скачок при разрешении уголовных дел.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции» (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // «Бюллетень международных договоров», 2006, N 10, октябрь, с. 7–54.
2. «Конвенция против транснациональной организованной преступности» (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) // «Бюллетень международных договоров», N 2, 2005, с. 3–33.
3. Концепция информационной политики судебной системы на 2020 — 2030 годы» (одобрена Советом судей РФ 05.12.2019) // URL: <http://www.ssrfr.ru> (дата обращения 27.05.2023 г.)
4. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // «Собрание законодательства РФ», 15.05.2017, N 20, ст. 2901
5. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N 313 (ред. от 31.03.2021) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» // «Собрание законодательства РФ», 05.05.2014, N 18 (часть II), ст. 2159 Постановление Совета судей РФ от 16.11.2001 N 60 «О Концепции информационной политики судебной системы» // Российская юстиция. 2002. N 4.
6. Постановление Совета судей РФ от 16.11.2001 N 60 «О Концепции информационной политики судебной системы» // Российская юстиция. 2002. N 4.
7. Правительство выделит более 200 млрд рублей на развитие судебной системы // Российская газета. 13 февраля 2019. N 31 (7789).
8. Цирин А.М., Черепанова Е.В., Тулинова О.А. Современные стандарты и технологии противодействия коррупции // Журнал российского права. 2014. N 7. С. 143–171.
9. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата обращения 27.05.2023 г.)
10. «Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы» (одобрена Советом судей РФ 05.12.2019) // URL: <http://www.ssrfr.ru> (дата обращения 27.05.2023 г.);
11. Судебная статистика РФ // URL: <https://stat.ani-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения 27.05.2023 г.)

© Намцараева Александра Куприяновна (namtsaraeva867@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ СОДЕРЖАНИЯ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ КАК ОБЪЕКТА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

APPROACH TO UNDERSTANDING THE CONTENT OF PERSONAL DATA AS AN OBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION

V. Pekareva

Summary. In modern theoretical and practical jurisprudence, the question of achieving a balance between ensuring the security of personal data and the use of personal information in the flow of various information and manipulations with them remains difficult to answer unambiguously. In order to counteract illegal acts committed using information and communication technologies and to prevent them using general scientific and private scientific methods of cognition of reality, a study of the concept of personal data, as well as related key issues, has been conducted in scientific work. The author's representation of the essence of the definitive characteristics of the specified concept and its structural elements falling under the protection of criminal legislation is proposed.

Keywords: unauthorised access, personal data, biometric data, computer information, criminal law, identification, personal data leakage.

Пекарева Виктория Владимировна

*Академия права и управления ФЦИН России, г. Рязань
viktoria.pekareva@yandex.ru*

Аннотация. В современной теоретической и практической юриспруденции пока остаётся сложным для однозначного ответа вопрос достижения баланса между обеспечением безопасности персональных данных и использованием личной информации в потоке различных сведений и манипуляций с ними. В целях противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, и их профилактики общенаучными и частнонаучными методами познания действительности в научной работе проведено исследование понятия персональных данных, а также связанных с ним ключевых проблем. Предлагается авторское представление сущности дефинитивных характеристик указанного понятия и его структурных элементов, попадающих под охрану уголовного законодательства.

Ключевые слова: неправомерный доступ, персональные данные, биометрические данные, компьютерная информация, уголовный закон, идентификация, утечка персональных данных.

Защита и правильное использование такой правовой и технической категории, как персональные данные, в совокупности требует единства в вопросах координации и контроля реализации правовых и организационных мер, что позволяет предотвратить возможные нарушения прав граждан, завладев их личной информацией. С развитием цифровых технологий любые сведения, связанные непосредственно с человеком, становятся персональными. Вся эта информация быстро может быть доступной в Интернете и сохраниться в различных базах данных, которые можно продавать и использовать для идентификации личности. Например, достаточно несколько точек постоянной геолокации, чтобы «выйти на человека». Подобное стало возможным по причине того, что некоторая информация, которая изначально считалась неидентифицируемой, может быть преобразована теперь в личную информацию при определенных условиях, а косвенно идентифицируемая информация может быть преобразована в напрямую идентифицируемую.

Совершенно справедливым можно считать обозначение набирающей обороты проблему того, что с каждым новшеством в области технологий нарастает вероятность неблагоприятного исхода при взаимодействии

тех, кто подвержен опасности в большей степени в информационном пространстве по различным субъективным и объективным причинам, и другими лицами, которые извлекают выгоду от указанных субъектов ранее.

Изучение вопросов обеспечения информационной безопасности, в частности защиты персональных данных, от негативных вмешательств обусловлено особенно актуальными факторами:

- 1) Введение 30 ноября 2024 года нового состава преступления в главу 28 УК РФ, согласно Федеральному закону от 30.11.2024 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». Этот закон устанавливает уголовную ответственность за использование, передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, полученной неправомерным доступом к средствам ее обработки или хранения, а также за создание и обеспечение функционирования информационных ресурсов для незаконного хранения и распространения таких данных;
- 2) Количественные показатели негативных проявлений совершения противоправных деяний с использованием информационно-коммуникацион-

ных технологий, содержание которых оставляет желать лучшего;

- 3) Принятие Правительством Российской Федерации распоряжением от 30 декабря 2024 года № 4154-р концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, в которой определены стратегические задачи, направления и подходы к обеспечению информационной безопасности, включая обязательство создания надежного барьера против преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации и утечками конфиденциальных данных, что может нанести ущерб как отдельным лицам, так и организациям, в том числе в оборонно-промышленном комплексе и смежных отраслях;
- 4) Цифровая трансформация способствует модернизации механизма совершения преступлений и стремлению прибегать к более изощренным методам среди злоумышленников.

Целью является установить какие именно типы персональных данных обозначены при незаконных альтернативных действиях в виде использования, сбора, передачи, хранения и распространения определены уголовным законом; осуществить интерпретационный процесс частей персональных данных как целого для характеристики их особенностей, выявления причин совершения преступлений с личной информацией граждан, неурегулированных моментов и трудностей обеспечения защиты. Анализ поставленного вопроса помогает осознать уязвимости устройств и систем, а также понять, какие действия и меры предосторожности могут быть предприняты для безопасности персональных данных как на индивидуальном уровне, так и на управленческом, государственном.

Ограничение доступа к популярным интернет-сервисам и социальным сетям в России в период с 2022 по 2024 гг., таких как LinkedIn, YouTube, RuTracker, Facebook, Instagram, TikTok и других, из-за внешнеполитической ситуации усугубило проблему защиты персональных данных. В стремлении обойти блокировки, пользователи начали активно использовать различные VPN-сервисы, что позволило им создать иллюзию надежного зашифрованного подключения к Интернету. Однако это привлекло внимание мошенников. В частности, VPN-сервисы стали использоваться для разнопланового хищения персональных данных, так как они позволяют получать конфиденциальную информацию без ведома пользователя и распространять ее в незащищенной цифровой среде. Кроме того, при загрузке приложений, маскирующихся под VPN-сервисы, или перехода по ссылкам существует высокий риск установки вредоносного ПО и (или) взаимодействия с ним, способного передавать личные

сведения пользователя третьим лицам. На фоне этих событий, крупные технологические компании начали разрабатывать новые методы защиты, включая использование искусственного интеллекта и машинного обучения для обнаружения и предотвращения киберугроз. Эти технологии позволяют более эффективно выявлять подозрительную активность на базе автономных протоколов и защищать пользователей от потенциальных атак.

Угроза утечки данных, несанкционированного доступа, нарушения приватности пользователей и злоупотребления личной информацией становится все более серьезной системой проблем, поскольку информационное пространство как многоуровневый технологический инструмент, который помогает достигать целей и выполнять задачи как отдельным лицам, так и организациям различного масштаба, включая государства [9], не только совершенствуется и усложняется, но становится одновременно в той или иной степени уязвимым. Поскольку, нужно понимать, что любое обновление имеет на какой-то период времени или (и) постоянной основе свои «лазейки». Утечка персональных данных масштабное явление последнего десятилетия, которое приносит исключительно негативные последствия. Несмотря на возможность как объективных технических, так и субъективных причин, например, халатность сотрудников или корыстные мотивы, персональные данные, попавшие в руки злоумышленников, могут быть использованы в преступных целях (займы, незаконные сделки с недвижимостью, денежные переводы и т.д.) [1].

Только в 2024 году Роскомнадзор зафиксировал 135 случаев утечек баз данных, содержащих более 710 миллионов записей о россиянах. По статистическим данным, опубликованным органом государственной власти, в 2022 году произошло около 150 крупных утечек персональных данных, из которых 87 % случаев факты незаконного распространения личной информации были подтверждены. В 2023 году Роскомнадзор зарегистрировал 168 утечек персональных данных, из-за которых в открытый доступ попало больше 300 млн записей о россиянах [11]. Как стало известно из СМИ к экспертам Центра правовой помощи гражданам в цифровой среде — создан по инициативе Роскомнадзора — в прошлом году обратились почти 1,7 тыс. заявителей. Большая часть обращений (52 %) касалась обработки личной информации без ведома и согласия человека, 16 % случаев связано от мошеннических действий с личными сведениями, 9 % — персональные данные использовались в рекламных целях без их согласия, а из 10 % случаев связаны с защитой гражданами своей чести, достоинства и деловой репутации. Э.Т. Халиулина в своей научной работе, рассуждая о причинах латентности, отмечает на основе статистических данных, что почти половина опрошенных прокуроров (43,1 %) указали на совершение преступлений в «виртуальной среде»; 39,2 % — на скрытость

для большинства населения, сложности выявления таких преступлений; 29,0 % — на создание новых IT-технологий; 28,3 % — на увеличение пользователей сети «Интернет» и мобильных компьютерных устройств [14].

Основными причинами, иллюстрирующими совершения противоправных деяний как с персональными данными, так и информационных преступлений в принципе, можно считать на данный момент: широкое распространение безналичных платежей, например, процветание и набирание оборота такой тенденции как осуществление купли-продажи на интернет-площадках; недостаточная подготовленность правоохранительных органов, что выражается в их неспособности оперативно реагировать на киберпреступления, эффективно проводить расследования в цифровой среде и отсутствие возможности адаптироваться к новым техническим вызовам; несовершенство законодательства, не исключение варианта избежать наказания или получить более мягкое IT-преступникам; слабо развитый механизм международного сотрудничества между правоохранительными органами и экспертами в различных странах; недостаточная осведомленность населения о рисках, связанных с использованием цифровых технологий [12]; социально-экономическое неравенство, которое наиболее ярко можно проследить в эпоху социальных сетей, преобладание медиа-контента от различных категорий населения и преуспевание развития инфоцыган, что способствует у некоторых групп людей видеть в преступлениях в сфере компьютерной информации способ достижения материального благосостояния; для организаций можно выделить такие причины для благоприятного осуществления кибератак, в большинстве случаев именно на персональные сведения клиентов и (или) сотрудников компаний, как недостаточные инвестиции в обеспечении информационной безопасности, непроведение аудита и пентеста, слабая инфраструктура и недостаток осведомленности сотрудников о рисках и мерах предосторожности.

Проблемы, привлекающие внимание к изучению и рассмотрению персональных данных, обусловлены не просто актуальностью времени, но и их сложной структурой и технической спецификой, в частности речь идет о биометрических данных, которые имеют выраженный характер особенной характеристики внутреннего устройства и требующий не менее уникального подхода к организационному и правовому регулированию; невозможностью своевременной адаптации законодательства и его применителей к модернизирующимся механизмам преступлений; а также сомнительным и не соответствующим действительности содержанием дефиниции «компьютерная информация», суть которой раскрыта законодателем в примечании к ст.272 УК РФ, поскольку с ней связана теперь категория персональных данных по факту нововведения ст.272.1 УК РФ.

Статья 23 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому право на защиту частной жизни, личной и семейной тайны, а также на охрану чести и доброго имени, что подчеркивает значимость защиты персональных данных, так как они являются неотъемлемой частью частной и личной жизни человека. Защита персональных данных считается одной из приоритетных задач государства и общества обеспечения информационной безопасности в рамках национальной не только из-за своей структурной специфики, а также масштаба последствий посягательства на такого рода информацию, но и наличия конституционной принадлежности. Во всех наших взаимодействиях мы используем информацию о себе, которая может варьироваться от паспортных данных и финансовых транзакций до генетических сведений и учетных записей. Эта информация формирует комплексный институт персональных данных, охватывающий как имущественные, так и личные характеристики конкретного человека. Законодатель не ограничивает объем идентифицирующей информации, поэтому такого рода сведения могут включать биографические детали и данные, возникающие в результате взаимодействия с государственными учреждениями, общественными и частными организациями на протяжении жизни индивида. Отсутствие любой конкретики способствует появлению дискуссий.

Одним из острых вопросов, существующей в доктрине, по праву можно считать, отнесение персональных данных к сведениям о частной жизни, личной и семейной тайн, которые подлежат из всех уровней защиты в том числе и конституционной. Суть проблемы заключается, что неопределенность их связей между собой этих понятий и персональных данных осложняет системное толкование законодательства и правоприменения, поскольку они как специальный объект защиты в Конституции РФ не упоминаются [3].

При дальнейшей характеристике сущности дефиниции «персональные данные» сквозь различные интерпретации будем придерживаться авторской позиции о том, что это самостоятельные категории, которые пересекаются в своем значении, но никак в содержании и объеме. Данное мнение основывается, во-первых, на понимании, что права человека на защиту персональных данных проистекают из его права на неприкосновенность частной жизни, во-вторых на восприятии сложной структуры персональных данных, а именно, на понимании специфики и самостоятельности тех видов сведений, которые она обобщает своей сутью идентификации личности, в-третьих, на разъяснении Судьи Конституционного Суда РФ Гаджиева Г.А.: «С точки зрения требований ч. 1 ст. 24 Конституции наиболее уязвимой является такая информация, по которой можно персонифицировать отдельную личность и которая находится вне пределов постоянного контроля данного лица. Законодательство

РФ выделяет информацию такого рода в отдельную категорию «персональные данные», которая хотя и пересекается с формулой «информация о частной жизни», но не вполне идентична ей» [6]. Поэтому невозможно не согласиться с М.И. Проскуряковой, которая констатирует, что охрана персональных данных непосредственно связана с такими конституционными правами человека, как право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, право на неприкосновенность жилища, а вышеперечисленные права образуют собой конституционно-правовые рамки защиты персональных данных [10, с. 15].

Для установления точных границ правомерной уголовно-правовой защиты персональных данных и недопущения нарушения права на неприкосновенность частной жизни необходимо иметь четкое определение того, что будет к ним относиться.

Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее — Закон о персональных данных) урегулировал вопросы защиты личной информации и устанавливает права и обязанности как субъектов данных, так и операторов, обрабатывающих эти сведения. Однако стоит отметить, что законодатель разъяснил суть сведений такого рода через ориентир прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных), что позволяет вести речь о содержательной вариативности как в доктрине, праве, так и практике.

Как было охарактеризовано нами ранее по своей сути в такие сведения включен один или несколько признаков человека, В.В. Вабищевич акцентирует на характерной их принадлежности к физической, психологической, умственной, экономической, культурной или социальной идентичности [2].

Нас непосредственно интересуют те типы личной информации, которые подпадают под уголовную защиту, а именно, перечень противоправных деяний с ними, который содержится в Особенной части УК РФ. Судебная практика по делам, связанными с персональными данными, основывалась до конца 2024 года исключительно на незаконном сборе или распространении сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространении этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации (ст. 137 УК РФ), и тех случаях, когда само деяние, совершенное лицом затрагивало персональные данные или подразумевало в своем исполнении их завладение и использование для реализации преступного умысла (например, против семьи и несовершеннолетних (гл. 20 УК РФ), в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ), против интересов службы в коммерческих и иных организациях (гл. 23 УК РФ), против здоровья на-

селения и общественной нравственности (гл. 25 УК РФ), преступления с использованием персональных данных в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ)). Например, Виничук П.В., Вронская М.В. выделяют такие конкретные известные нередкие случаи как доведение людей до самоубийства, распространение лживых сведений (клевета) в организациях, учебных учреждениях и т.д., вовлечение несовершеннолетних в сбор и продажу персональных данных физических лиц, что влечет за собой нарушение частной жизни граждан; владение чужими данными для пропаганды террористических действий, их подготовки и реализации; сбор, употребление и массовое распространение наркотических, психотропных веществ; вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией; распространение порнографических материалов, в частности с участием несовершеннолетних лиц; пробуждение всеобщей ненависти или вражды [4].

Ситуация изменилась произведенными изменениями в Уголовный кодекс Российской Федерации, а непосредственно в главу 28 УК РФ, Федеральным законом от 30.11.2024 № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». Новая статья УК РФ, разработанная в Законопроекте № 502113-8 и прошедшая все стадии дополняет имеющийся перечень составов преступлений в сфере компьютерной информации.

Непосредственным объектом преступления является общественные отношения, обеспечивающие правомерное использование и (или) передачу (распространение, предоставление, доступ), сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, самим создателем (владельцем), потребление ее иными пользователями. Предметом преступления выступает охраняемая законом (установлен специальный правовой режим, помимо данной статьи также Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» и рядом иных НПА) компьютерная информация, содержащая персональные данные.

При том, что складывается, на первый взгляд, впечатление о подмене понятий «персональные данные» и «компьютерная информация» с технической стороны (с текущей формулировкой невозможно не согласиться), однако в целях реализации целей уголовного закона отдать предпочтение данному закреплению не будет ошибкой, поскольку этимология использованной дефиниции законодателем охватывает две группы сразу. Семантический анализ «компьютерной информации, содержащей персональные данные» сводится к формулировке прямо или косвенно относящиеся к конкретному физическому лицу сведения, представленные в форме электрических сигналов независимо от средств их хранения, обработки и передачи в запоминающем устройстве электронно-вычислительных машин и в других компьютерных устройствах либо на любых внешних

электронных носителей (дисках, в том числе жестких дисках — накопителях, флеш-картах и т.п.) в форме, доступной восприятию компьютерного устройства, и (или) передаваться по каналам электрической связи. Это складывается из учета в совокупности таких правовых понятий как компьютерная информация, которая содержится в примечании к статье 272 УК РФ, и персональные данные из Федерального закона от 27 июля 2006 г. №152-ФЗ «О персональных данных». Разберемся в сущности каждого из них. Согласно уголовному закону под компьютерной информацией понимаются любые сведения (сообщения, данные), представленные в виде электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи.

По смыслу части 1 статьи 272 УК РФ в качестве охраняемой законом компьютерной информации рассматривается как информация, для которой законом установлен специальный режим правовой защиты, ограничен доступ, установлены условия отнесения ее к сведениям, составляющим государственную, коммерческую, служебную, личную, семейную или иную тайну (в том числе персональные данные), установлена обязательность соблюдения конфиденциальности такой информации и ответственность за ее разглашение, так и информация, для которой обладателем информации установлены средства защиты, направленные на обеспечение ее целостности и (или) доступности.

По отношению к ст.272.1 УК РФ взят исключительно элемент предмета касаясь персональных данных, что выделено теперь в отдельной статье. Последние в свою очередь подразумевают любые сведения, относящиеся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу, а персональные данные, разрешенные субъектом для распространения подразумевают такую информацию, доступ к которой у неограниченного круга лиц к которым предоставлен субъектом персональных данных путем дачи согласия на обработку персональных данных, разрешенных субъектом для распространения в порядке, предусмотренном настоящим Федеральным законом, который также констатирует цели, ориентировочный список сведений и условия, при которых персональные данные могут быть размещены в открытых источниках. К указанной информации относятся: фамилия, имя, отчество; год, месяц и дата рождения; место рождения; ИНН; адрес; телефон; семейное, социальное и имущественное положение; образование; профессия; занимаемая должность; стаж работы; доходы, а также другая информация (письмо Минкомсвязи России от 28.08.2020 N ЛБ-С-074-24059). Важно отметить, что абонентский номер и адрес электронной почты считаются персональными данными исключительно в отношении физических лиц. Если же они принадлежат юридическому лицу, такие данные не относятся к категории персональных. Так и получается, что по смыслу статьи

Уголовного кодекса Российской Федерации, информация, касающаяся физического лица, даже в косвенной форме, способна оказывать воздействие на его конституционные права.

Часть вторая статьи 272.1 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает ужесточенную уголовную ответственность за неправомерные действия в отношении персональных данных несовершеннолетних, а также специальной категории информации и биометрических данных.

В действующем законодательстве Российской Федерации отсутствуют специальные нормы, обеспечивающие безопасность и охрану персональных данных несовершеннолетних лиц. Перечень защищаемых данных для подобной категории граждан совпадает с перечнем для совершеннолетних лиц. Однако стоит учитывать позицию Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций России, которое полагает, что к персональным данным несовершеннолетних следует также относить информацию из свидетельства о рождении, а также данные, содержащиеся в личном деле ученика и классном журнале (письмо от 28.08.2020 ЛБ-С-074-24059).

К специальным категориям персональных данных относятся сведения о расовой и национальной принадлежности, политических взглядах, религиозных или философских убеждениях, здоровье, интимной жизни, а также информация о судимости, согласно пунктам 1 и 3 статьи 10 Закона о персональных данных. Эти данные могут использоваться исключительно для заранее определенных и законных целей, таких как медицинские исследования, статистические обработки или иные области, где такая информация необходима для достижения общественно значимых целей. Важно отметить, что субъекты данных имеют право на доступ к своей информации, ее исправление и удаление, что подчеркивает необходимость прозрачности и уважения к личной жизни.

Биометрические персональные данные, указанные также в юридической конструкции ст. 272.1 УК РФ, подразумевают такие сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность (статья 11 Закона о персональных данных). Такие характеристики представляют собой набор сведений о физиологической природе человека с их личными индивидуальными особенностями, позволяющими из-за технической основы автоматически идентифицировать человека и производить аутентификацию и обработку его персональных данных по собственному желанию или при наличии письменного согласия субъекта, за исключением определенных случаев. Совершенно справедливо Г.Г. Камалова конкретизирует принадлежность к субъекту биометрических персональных данных через

дактилоскопическую, антропометрическую, габитологическую (признаки внешнего облика), генотипическую и иную информацию, а также строение папиллярных узоров, размеры тела и отдельных его частей, особенности внешнего облика (красная кайма губ, строение радужной сетчатки глаза, кровеносных сосудов глазного дна), особенности артикуляции речевого аппарата и голоса, походки, жестикуляции, мимики, письма и т.д. [5]

Сложный характер и двойственность определения биометрических данных не препятствует выделению их признаков как дефиниции. Рассмотрим градацию характеристик через технический и правовой подходы, так как они представляют основу сложной структуры подобного типа данных, что позволит вообразить особенности этих сведений, а также базируясь на чем из всего перечня персональных данных, можно вычлени из них нужный тип необходимо понимание технических характеристик (шифрование привычных информационных объектов в специальный код; средство аутентификации; наличие специализированного интерфейса; надежность верификации; индивидуальный механизм регистрации в базе для каждого вида биометрических данных; применение ключей для считывания; изменчивость видов данных биологически, но невозможность их изменить технически; оптимальные параметры разрешения и качества загружаемых физиологических сведений субъекта; алгоритмы обработки) и правовых признаков (защиты и обеспечения приватности граждан; регламентация случаев, когда согласие лица для обработки сведений не требуется; урегулированность ответственности за нарушение законодательства в области информационной

безопасности, принцип прозрачности и минимизации, тесная связь с правом на защиту личной жизни[8]. Также они не утрачивают видовые признаки своих «парародителей» (биологических и поведенческих характеристик индивида): неотделимость от личности их обладателя; идеальный характер сведений; невозможность денежного восстановления (возмещения) объектов в случае посягательства на них; выполнение функции индивидуализации гражданина [7].

Таким образом, вопрос сущности персональных данных в уголовной сфере был представлен для дальнейшего изучения при учете нерешённых или менее значимых на данный момент аспектов. Однако в ближайшем будущем, благодаря теоретическим и практическим работам, эти проблемы смогут быть решены, и системы личной информации будут надёжно функционировать на цифровых платформах без страха ежеминутной уязвимости. При всех нюансах и противоречиях «свежего» состава в Особенную часть УК РФ пока делать выводы о пригодности или не работоспособности, предлагая изменения непосредственно в новеллу, ближайшие пару лет не совсем является правильным решением. Также многие люди не знают о масштабах возможных последствиях использования компьютерной информации для совершения преступлений, а другие не принимают достаточных мер для защиты своих данных. Это также создает благоприятную среду для развития киберпреступности и затрудняет борьбу с ней. Комплексные меры позволят создать надёжную и эффективную систему защиты информации, адаптированную к требованиям современного цифрового общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буркова А.Ю. Определение понятия «персональные данные» // Право и экономика. — 2015. — № 4. — С. 20–24
2. Вабищевич В.В. Определение персональных данных в целях их уголовно-правовой охраны // Вестник Полоцкого государственного университета: научно-теоретический журнал. 2019. № 14. С. 137.
3. Войниканис Е.А., Машукова Е.О., Степанов-Егиянц В.Г. Неприкосновенность частной жизни, персональные данные и ответственность за незаконные сбор и распространение сведений о частной жизни и персональных данных: проблемы совершенствования законодательства // Законодательство: право для бизнеса. 2014. № 12. С. 77.
4. Вронская М.В. Биометрические данные как объект правовой охраны и защиты: актуальные проблемы / М.В. Вронская, П.В. Виничук // Международный научно-исследовательский журнал. — 2024. — № 4(142). — DOI 10.23670/IRJ.2024.142.109. — EDN KRKPGM.
5. Камалова Г.Г. Биометрические персональные данные: определение и сущность // Информационное право. 2016 № 3 С. 8–12.
6. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. проф. В.Д. Зорькина — 3-е изд., пересмотр. — Москва: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. — 1040 с. ISBN 978-5-91768-441-3. — Текст: электронный. — URL: <https://znanium.com/catalog/product/431466> (дата обращения: 08.01.2025). — Режим доступа: по подписке.
7. Крутий Е.А. Биометрические данные как объект гражданских прав / Е.А. Крутий // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете: традиции и инновации: Материалы Международного научно-практического фестиваля, 15–29 апреля 2020 г. — Иваново: Ивановский государственный университет, 2020 г. — С. 516–519. — EDN UTDCOU
8. Пекарева В.В. Категории биометрических данных: правовой и технический подходы / В.В. Пекарева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 5-1(92). — С. 154–157. — EDN JOOPLA.
9. Пекарева, В. В. Характеристика цифровых прав: специфика и проблемное определение их содержания / В. В. Пекарева, В. В. Туарменский // Евразийский юридический журнал. — 2025. — № 3(202). — С. 513–515.
10. Проскуракова, М.И. Конституционно-правовые рамки защиты персональных данных в России / М.И. Проскуракова // Вестник СПбГУ. Сер. 14. Право. — 2016. — Вып. 2. — С. 12–27.
11. Роскомнадзор о состоянии утечек персональных данных. URL: https://t.me/rkn_tg/428 (дата обращения: 10.01.2025 г.).
12. Туарменский, В.В. Социология массовых коммуникаций / В.В. Туарменский. — Курс: ИД Университетская книга, 2022. — 156 с. — ISBN 978-5-907679-16-0. — EDN FSQMSQ.
13. Халиулина Э.Т. Преступления, совершаемые с использованием персональных данных: характеристика состояния // Военное право. — 2021. — № 2(66). — С. 289–294. — EDN QBXHE.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛОУКОСТЕРОВ: ВЫЗОВЫ И ПРОБЛЕМЫ

Соловьев Артем Владимирович

Аспирант, Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»
artem.solovyev53@gmail.com

LEGAL REGULATION OF LOW-COST CARRIERS: CHALLENGES AND PROBLEMS

A. Solovev

Summary. The article discusses the peculiarities of legal regulation of low-cost carriers in Russia, including the analysis of economic and legal barriers to their development. Special attention is paid to the legislative changes of 2014–2017, which allowed the launch and scaling of low-cost air carriers such as Pobeda. The issues of tariff policy, regulation of baggage and hand luggage, airport charges, as well as the complexities of access to international routes are analyzed. A comparative legal review of regulation in the EU countries where the low-cost model is widespread is conducted. Key challenges and directions for further improvement of regulation in Russian conditions are identified.

Keywords: low-cost airlines, budget airlines, air transportation, air law, tariff policy, airport charges, legal regulation.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правового регулирования лоукостеров в России, включая анализ экономических и юридических барьеров их развития. Особое внимание уделено законодательным изменениям 2014–2017 гг., позволившим запуск и масштабирование бюджетных авиаперевозчиков, таких как «Победа». Анализируются вопросы тарифной политики, регулирования багажа и ручной клади, аэропортовых сборов, а также сложности доступа к международным маршрутам. Проведен сравнительно-правовой обзор регулирования в странах ЕС, где лоукост-модель получила широкое распространение. Выявлены ключевые вызовы и направления дальнейшего совершенствования регулирования в российских условиях.

Ключевые слова: лоукостеры, бюджетные авиакомпании, авиаперевозки, воздушное право, тарифная политика, аэропортовые сборы, правовое регулирование.

Введение

Бюджетные авиаперевозки (лоукост-модель) — это специальная бизнес-модель авиакомпаний, ориентированных на радикальное снижение издержек и минимизацию тарифной политики. Такие перевозчики предлагают пассажирам базовый перелет без дополнительных услуг (питание, багаж и т.д.), за которые взимается отдельная плата. Мировые лоукост-авиакомпании (EasyJet, Ryanair, AirAsia и др.) коренным образом изменили структуру рынка пассажирских авиаперевозок: по состоянию на конец 2010-х годов доля низкобюджетных перевозок в Европе достигала 45–50 % (и продолжает расти) [10; 11]. В России и странах СНГ развитие бюджетного сегмента шло более медленно: на долю лоукостеров к 2019 г. приходилось не более 10–15 % пассажиропотока [6]. Тем не менее в последние годы их роль заметно возросла.

Данная статья посвящена правовому регулированию деятельности бюджетных авиакомпаний в России, а также сопутствующим экономическим вызовам. Рассматриваются текущие законодательные и подзаконные нормы, регулирующие авиаперевозки, особенности правоприменительной практики, а также проблемы развития лоукост-модели на российском рынке. Рассмотрено соотношение интересов перевозчиков, властей и пассажиров: отмечается, что либерализация авиасообщения

и «открытый небо» способствуют росту лоукостеров [2], но несут и новые правовые риски для потребителей и конкуренции [12]. В работе проводится сравнительно-правовой анализ российского подхода с практикой Евросоюза и других стран, выявляются препятствия для низкобюджетных перевозчиков, намечаются направления совершенствования отраслевого регулирования.

История и экономический контекст развития лоукостеров в России

В мире низкобюджетные авиаперевозки получили мощный импульс при либерализации авиасообщения. Постепенная либерализация позволила бюджетным авиакомпаниям занять прочные позиции в Европе и Юго-Восточной Азии, вытесняя традиционных перевозчиков с ближних и среднемагистральных маршрутов [2]. Аналогичная тенденция формировалась и в России: после волны советских ограничений и резкой либерализации 1990-х гг. к началу 2010-х гг. в отрасли сложилось жёсткое доминирование «Аэрофлота» и ряда старейших игроков, а попытки создать отечественные лоукост-авиакомпании (например, Sky Express, Avianova) заканчивались банкротством (2009–2011). Причины провалов были связаны не только с бизнес-моделью, но и с ограничениями законодательства (неспособность продавать невозвратные билеты, обязательное питание, бесплатный провоз багажа и др.).

Ситуация изменилась в 2014–2017 гг. В апреле 2014 г. были приняты поправки к Воздушному кодексу РФ (Федеральный закон от 30.04.2014 N 121-ФЗ), которые впервые разрешили авиакомпаниям официально продавать невозвратные билеты (ст. 108 ВК РФ) и отменили обязанность перевозчиков включать в стоимость билета горячее питание. Эти изменения поддержали запуск лоукост-авиакомпаний «Победа» («Аэрофлот»), первый полет которой состоялся в декабре 2014 г. Уже к концу года «Победа» перевезла десятки тысяч пассажиров, а через несколько лет — уже миллионы [3]. Далее в 2017 г. были приняты новые поправки, разрешившие авиакомпаниям устанавливать более строгие нормы бесплатного провоза ручной клади и вводить плату за багаж при покупке невозвратного билета. По данным отраслевых экспертов, эти реформы позволили бюджетному перевозчику «Победа» снизить цены на билеты примерно на 30–50 % [4]. Благодаря этим мерам и глобальному тренду в России к 2019 г. доля лоукостеров стала заметной (по некоторым оценкам, один лоукост «Победа» вывезла порядка 10 млн пассажиров), а зарубежные компании выразили интерес к российскому рынку (например, в регионах СНГ работают «FlyArystan», Bata Airways). Как отмечает В. Рублев, рост интереса зарубежных лоукостеров к рынку России и СНГ свидетельствует о перспективности бюджетного сегмента [6].

Тем не менее на отечественном рынке остаются экономические ограничения. Условия работы российской авиакомпании-бюджетника традиционно хуже европейских: выше аэропортовые сборы, нет дешёвых региональных хабов, действуют барьеры выхода на международные маршруты. В частности, государственные требования к новым перевозчикам («контрактовать 8 самолётов, иметь не менее трёх собственных» и т.д.) остаются высоким порогом входа на рынок. К тому же международный рынок, где маржа традиционно выше, открывается для новой российской компании лишь через два года после начала работы. Всё это замедляет распространение лоукост-модели на российском пространстве. Сформировавшаяся система субсидирования авиаперевозок (компенсация за «социально значимые» маршруты) рассчитана прежде всего на традиционную схему и редко учитывает особенности низкобюджетного формата.

Правовое регулирование лоукост-модели в России

Общие правовые основы авиаперевозок в РФ

Деятельность всех гражданских авиаперевозчиков в России регулируется Воздушным кодексом РФ и сопутствующими федеральными авиационными правилами (ФАП-82). Законодательство традиционно не даёт отдельного правового статуса «лоукостера» — все авиакомпании, будь то full-service или budget, подчиняются одинаковым нормам ВК РФ (глава IX) и ФАП. В частно-

сти, ВК РФ (ст. 106–108) устанавливает базовые права пассажиров: перевозчик обязан обеспечить бесплатный провоз ручной клади и багажа в рамках принятых норм, бесплатную регистрацию, а в случае задержки или отмены рейса — компенсации или альтернативный перевоз. До 2019 г. ВК РФ гарантировал пассажиру право провозить минимум 10 кг ручной клади и багажа, если иное не урегулировано правилами перевозчика (ст. 106). С принятием поправок 2017 г. обязательство авиакомпании бесплатно провозить 10 кг было снято при покупке невозвратного билета.

Федеральные авиационные правила (ФАП-82) детализируют технические требования и нормы обслуживания. Так, правилами устанавливаются размеры и вес ручной клади, перечень разрешённых к бесплатному провозу предметов (сумки, портфель, костюм в портпледе и др.). Все эти нормы формально применимы ко всем перевозчикам, однако тонкости их исполнения и толкования стали предметом судебных споров в лоукост-контексте. Например, оспаривались введённые «Победой» жёсткие габариты ручной клади: перевозчик указывал, что технически в салон самолёта помещается лишь ограниченное число громоздких сумок, и пытался обязать пассажиров сдавать габаритные предметы в багаж за плату. В одном из таких споров авиакомпания «Победа» требовала признать незаконным пункт ФАП, обязывающий её принимать на борт мелкие сумки и портфели сверх 5 кг без взвешивания, как это было установлено изменениями 2017 г. [1]. Перевозчик утверждал, что Минтранс превысил полномочия, вмешавшись в саму сферу регулирования багажных норм в рамках Воздушного кодекса, поскольку федеральным законом подобной обязанности не предусмотрено. Несмотря на дискуссии, Верховный суд отложил рассмотрение спора из-за параллельно вносимых изменений в правила, а к осени 2019 г. указанные поправки уже были утверждены законом (вступили в силу с сентября 2019). Новая норма («закона о невозвратных билетах») фактически разрешила перевозчикам не включать провоз багажа в тариф базового билета, устанавливая лишь обязательный минимум бесплатной ручной клади. С введением калибраторов для проверки габаритов ручной клади новые правила помогли «Победе» снижать тарифы — отмечалось, что благодаря реформам цена большинства билетов стала на 30–50% ниже предыдущего уровня [4].

Административно-правовые барьеры и меры поддержки

Правовое регулирование рынка авиаперевозок в России традиционно тесно связано с государственным стимулированием региональных маршрутов и субсидированием. В текущей «Транспортной стратегии РФ до 2030 г. (с прогнозом до 2035 г.)» указано, что одним из приоритетов является «обеспечение условий для соз-

дания и работы низкобюджетных перевозчиков (лоукостеров), ориентированных на развитие сети региональных воздушных перевозок» [5]. Официальная политика признаёт лоукост-модель как инструмент повышения доступности авиасообщения, особенно в отдалённых регионах. При этом формы господдержки бюджетников пока не выделены отдельно — они могут участвовать в тех же программах субсидирования «социально значимых» маршрутов, что и другие компании.

Законодательство в целом допускает свободную ценовую политику на внутренних маршрутах (контроль тарифов упразднён), но для лоукостеров сохраняются общие барьеры входа на рынок. Так, в целях обеспечения безопасности лицензии на международные перевозки выдаются только российским владельцам воздушных судов, а к новым авиакомпаниям предъявляются строгие экономические требования (законтрактовать определённое число ВС, иметь авиационный капитал и т.д.). Затянувшиеся процедуры получения разрешений и высокие требования увеличивают издержки создания бюджетной авиакомпании. Особую проблему представляют и аэропортовые сборы: исследователи отмечают, что высокие тарифы аэропортов (переходящие к вопросу инфраструктуры) часто связаны с избыточными административными регламентами. Понижение этих сборов при льготах для региональных или бюджетных перевозчиков рассматривается как ключевой фактор развития лоукост-модели (аналогично практике ряда стран, где государство или аэропорты устанавливают сниженные таксы для новых маршрутов).

Нельзя не отметить и сравнительно-правовой аспект: в Евросоюзе распространена практика «открытого неба» и либерализованных двусторонних соглашений, что создало благоприятные условия для низкобюджетного сегмента [2; 8]. В Евросоюзе регулирующие органы борются с злоупотреблениями лоукостеров в части багажных сборов: так, европейские потребительские организации уже в 2025 г. потребовали расследовать практики Ryanair, EasyJet и других за взимание платы за ручную кладь, ссылаясь на решение Суда ЕС (2014) о запрещении таких платежей при соблюдении «разумных параметров» сумок. В Испании в ответ на подобные жалобы крупные бюджетные авиакомпании были оштрафованы почти на 180 млн евро за платежи, введённые вопреки правилам [9]. Подобных жестких ограничений в российском законодательстве нет, что позволяет отечественным лоукостерам применять более свободный подход к платным опциям (за багаж, выбор места и пр.), но ставит пассажиров перед необходимостью тщательного изучения тарифов и правил.

Антимонопольный аспект и конкуренция

Повышение конкуренции на рынке авиаперевозок — одна из целей развития бюджетных авиакомпаний.

Исследователи отмечают, что появление недорогих перевозчиков заставляет традиционные авиакомпании снижать тарифы и предлагать более дешёвые альтернативы. С другой стороны, быстрый рост числа игроков требует обновления антимонопольного и отраслевого регулирования. Как показывают аналитики, авиаперевозки чувствительны к «схлопыванию» конкуренции: при малом числе перевозчиков возможны картельные сговоры или неэффективные альянсы [12]. С. Мелешкина и О. Маркова (2020) выдвигают тезис, что усиление конкуренции может потребовать от властей пересмотра подходов к отраслевой политике: выбор стоит между дальнейшей дерегуляцией (снятием барьеров выхода на рынок) и формами государственной поддержки (гарантии минимумов загрузки, льготы аэропортов и пр.).

В российской практике вопрос сбалансированности интересов различных участников остаётся актуальным. С одной стороны, государство заинтересовано в развитии доступной авиации и региональной связанности (включая лоукостеров), с другой же — в бесперебойной работе существующей инфраструктуры и обеспечении безопасности. Об этом свидетельствует и судебная практика: авиакомпания «Победа» требовала признать незаконным требование ФАП-82 бесплатно перевозить дополнительные виды багажа сверх нормы, но суды сочли, что установленные нормы были приняты во исполнение действующего законодательства и не превышают полномочий регулятора [1]. В то же время лоукостеры активно лоббируют дальнейшую либерализацию: уже выдвигались инициативы внести в правила специальное понятие «лоу-кост» и чётко прописать отдельное регулирование для этого сегмента [7]. Практика показывает, что при текущем регулировании любые дифференцированные льготы применимы лишь косвенно: гибкость тарифов и опций стала единственным принципиально новым инструментом, появившимся после изменений 2014–2017 гг.

Заключение

Развитие бюджетных авиакомпаний в России является явлением, включающим экономический, инфраструктурный и правовой аспекты. С одной стороны, низкие тарифы лоукостеров способствовали существенному росту пассажиропотока и конкуренции на рынке (как показала практика «Победы» и некоторых зарубежных игроков). С другой стороны, для функционирования бюджетной модели требуются особые условия: адекватная аэропортовая политика, адаптированное регулирование технических норм и защиты прав пассажиров. В России к концу 2020-х гг. проделаны важные реформы — отменены обязательные услуги (питание, багаж) для «дешёвых» тарифов, введены новые нормы провоза ручной клади и введён семейный трансфер. Однако остаются нерешённые задачи: создание лёгких условий входа на рынок для новых перевозчиков, баланс инте-

ресов при оплате дополнительных услуг, формирование правовой базы, учитывающей специфику бюджетной модели (например, повышение прозрачности сборов).

Эксперты сходятся во мнении, что дальнейшее развитие лоукостеров в России зависит от дополнительно субсидирования региональных маршрутов, снижения администрирования (включая оптимизацию аэропортовых сборов) и укрепления конкуренции. Развитие режима «открытого неба» внутри ЕАЭС и лояльного режима лицензирования (сокращение сроков ожидания между-

народных операций) могло бы ускорить этот процесс. При всём этом приоритетом должно оставаться соблюдение баланса интересов всех сторон: государство, перевозчики и потребители. Пассажиры низкобюджетных авиарейсов получили возможность доступного перелёта, но в ответ требуют понятных и справедливых правил перевозки. Профессиональное развитие отрасли потребует как дальнейшего совершенствования законодательства (исходя из лучших международных практик), так и гибкого подхода регулятора к появляющимся моделям бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кондратьева И. «Победа» проиграла: суд не позволил перевозчику сократить бесплатную ручную кладь / Информационный портал PRAVO.RU. — 2018. [Электронный ресурс]. — URL: <https://pravo.ru/news/204445/>
2. Кульков В.В. Либерализация авиасообщения в Европе и Юго-Восточной Азии, и ее влияние на развитие бюджетных авиакомпаний // Экономика и предпринимательство. — 2015. — №. 9-2. — С. 193–199.
3. Лунегов Д.А. Анализ влияния пандемии на сферу авиационных перевозок в Российской Федерации // Студент года 2020. — 2020. — С. 58–64.
4. Паньков В., Боруздина Л. Закон для экономии / РБК. — 2019. [Электронный ресурс]. — URL: <https://plus.rbc.ru/news/5dff200b7a8aa9069fc22f34>
5. Распоряжение Правительства РФ от 27.11.2021 N 3363-р (ред. от 06.11.2024) «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года».
6. Рублев В.В. Бюджетные авиакомпании стран СНГ: перспективы развития в условиях макроэкономической нестабильности // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2021. — №. 4 (126). — С. 56–64.
7. Федеральная инициатива № 34Ф50384. Внести формулировку «лоу кост» в Федеральные авиационные правила, а также прописать поправки, позволяющие контролировать деятельность лоу-кост авиакомпаний [Электронный ресурс]. URL: <https://www.roi.ru/50384/>
8. Burghouwt G., de Wit J.G. In the wake of liberalisation: long-term developments in the EU air transport market // Transport Policy. — 2015. — Т. 43. — С. 104–113.
9. European budget airlines' hand luggage fees violate EU laws, say consumer organisations / Euronews, 2025. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.euronews.com/travel/2025/05/22/european-budget-airlines-hand-luggage-fees-violate-eu-laws-say-consumer-organisations>
10. Gualini A., Martini G., Porta F. Are low cost carriers airfares still lower? A comparison with full service carriers in Europe // Journal of the Air Transport Research Society. — 2024. — Т. 2. — С. 100012.
11. ICAO / Economic Development of Air Transport / Low Cost Carriers (LCCs) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.icao.int/sustainability/pages/low-cost-carriers.aspx>
12. Meleshkina A., Markova O. Систематизация антимонопольных рисков на рынках пассажирских авиаперевозок с учетом особенностей бизнес-стратегий авиакомпаний (Systematization of Antitrust Risks in the Passenger Air Transportation Markets Taking Into Account the Peculiarities of Airline Business Strategies) // Available at SSRN 3596014. — 2020.

© Соловьев Артем Владимирович (artem.solovyev53@gmail.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПЕЦИАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ДОСУДЕБНОГО РАЗРЕШЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ КОНФЛИКТОВ НА СТАДИИ «DEADLOCK»: МЕХАНИЗМЫ «RUSSIAN ROULETTE», «TEXAS SHOOT-OUT» И «DUTCH AUCTION»

Тихонов Роман Игоревич
МГИМО МИД России, Москва
r.tikhonov00@gmail.com

SPECIAL METHODS OF PRE-TRIAL RESOLUTION OF CORPORATE CONFLICTS AT THE DEADLOCK STAGE: «RUSSIAN ROULETTE», «TEXAS SHOOT-OUT» AND «DUTCH AUCTION» MECHANISMS

R. Tikhonov

Summary. The article is devoted to the theoretical study and comparative legal analysis of special mechanisms for pre-trial resolution of corporate conflicts at the stage of a deadlock. Three mechanisms for overcoming a corporate deadlock are considered: clauses of the «Russian roulette», «Texas shootout» and «Dutch auction» types. Their legal nature, implementation procedure, advantages and disadvantages, as well as experience of application are analyzed. The work uses the formal legal method and the comparative legal method, which allow us to identify the features of regulation of these mechanisms in various jurisdictions. Based on the results of the study, conclusions are made about the admissibility and effectiveness of introducing such clauses into corporate agreements.

Keywords: deadlock, corporate conflict, deadlock, pre-trial dispute resolution, buy-sell clauses, shareholders' agreement, «Russian roulette», «Texas shootout», «Dutch auction».

Аннотация. Статья посвящена теоретическому исследованию и сравнительно-правовому анализу специальных механизмов досудебного разрешения корпоративных конфликтов на стадии тупиковой ситуации. Рассматриваются три механизма преодоления корпоративного тупика: оговорки типа «Русская рулетка», «Техасская перестрелка» и «Голландский аукцион». Проанализированы их юридическая природа, порядок реализации, преимущества и недостатки, а также опыт применения. В работе использованы формально-юридический метод и сравнительно-правовой метод, позволяющие выявить особенности регулирования указанных механизмов в различных юрисдикциях. По результатам исследования сделаны выводы о допустимости и эффективности внедрения таких оговорок в корпоративные соглашения.

Ключевые слова: тупиковая ситуация, корпоративный конфликт, deadlock, досудебное разрешение споров, buy-sell оговорки, соглашение акционеров, «русская рулетка», «техасская перестрелка», «голландский аукцион».

Одной из актуальных проблем корпоративного управления являются конфликтные ситуации, при которых органы компании или ее участники не могут принять необходимое решение из-за разногласий и блокируют действия друг друга. Такой «deadlock» (дедлок) — или тупиковая ситуация — особенно часто возникает в компаниях с паритетным составом участников (например, 50/50 совместное предприятие), когда ни одна из сторон не обладает решающим перевесом голосов. В результате важные вопросы деятельности общества остаются нерешенными, что фактически парализует управление компанией и грозит застоём или ущербом для бизнеса.

В отсутствие заранее предусмотренных процедур разрешения тупика заинтересованная сторона вынуждена прибегать к судебной защите (например, требовать роспуска или ликвидации компании). Однако судебный путь сопряжен с длительностью, затратностью и непред-

сказуемостью исхода. Поэтому в корпоративные договоры (соглашения участников) включают специальные оговорки о порядке разрешения тупиковых ситуаций во внесудебном порядке [14]. Так называемые deadlock-оговорки позволяют партнерам заранее договориться о механизме, который сработает как «аварийный выход» при блокирующем конфликте, избавляя от необходимости разрушать бизнес или обращаться в суд.

Цель исследования — провести анализ трех наиболее известных договорных механизмов buy-sell типа, используемых для разрешения корпоративного тупика: «Русская рулетка», «Техасская перестрелка» и «Голландский аукцион». Рассматриваемые механизмы представляют собой разновидности shotgun clauses — оговорок о принудительном выкупе доли одного участника другим по заранее определенной процедуре, запускаемой при возникновении тупика.

В работе последовательно рассмотрены правовая сущность каждого механизма, порядок и условия его реализации, сравнительные преимущества и риски, а также опыт их применения в зарубежной и российской практике. Методологическую основу исследования составляют формально-юридический метод (анализ норм законодательства, доктрины и судебной практики) и метод сравнительного правоведения (сопоставление подходов различных юрисдикций к рассматриваемым механизмам).

Научная новизна обзора заключается в обобщении современных доктринальных позиций и практических подходов к deadlock-оговоркам, а также в разработке предложений по совершенствованию регулирования таких условий в российском корпоративном праве. Работа выполнена в строгом научном стиле; все выводы и рекомендации основываются на анализе авторитетных источников и практики.

В корпоративно-правовом смысле тупиковая ситуация означает конфликт интересов или волеизъявлений, при котором ни одна из сторон (групп акционеров или органов управления) не может принять решение, обязательное для компании, из-за отсутствия превосходства в голосах [5]. Как правило, термин deadlock применяют к ситуациям паритета: классический пример — общество с двумя участниками, каждый из которых владеет 50 % долей (акций), либо блокирующими пакетами, и между ними возникли непримиримые разногласия. Возможны также «вертикальные» дедлоки — например, между общим собранием акционеров и советом директоров, когда органы блокируют решения друг друга из-за противоречий (хотя формально подчинены разным компетенциям) [10]. Ключевым признаком дедлока является именно долговременная неспособность компании принимать необходимые решения, что ставит под угрозу нормальную деятельность корпорации.

Дедлоки обычно возникают вследствие недоработок в корпоративном договоре или уставе, где не предусмотрены механизмы разрешения конфликта на случай, если мнения равноправных владельцев расходятся. Часто партнеры при создании бизнеса чрезмерно оптимистичны и избегают обсуждения процедур расставания, опасаясь подорвать доверие в начале сотрудничества. Однако в отсутствие превентивных мер даже небольшой конфликт может эскалировать в тупик, особенно если ставки высоки (стратегические решения, выбор директора, одобрение крупной сделки и т.п.). Последствия корпоративного дедлока крайне негативны: деятельность общества блокируется, страдает управление и финансовые показатели, растут риски для кредиторов и контрагентов. Более того, продолжающийся конфликт между совладельцами подрывает ценность бизнеса и может привести к его распаду (например, через раздел активов или принудительную ликвидацию).

В мировой практике существует несколько подходов к преодолению кризисных ситуаций. Во-первых, структурный способ — это введение в механизм управления «решающего голоса» третьей стороны. Например, в акционерном соглашении можно предусмотреть назначение независимого директора (арбитра) с правом решающего голоса при равенстве, либо ротацию функции председателя заседания, которому в тупиковой ситуации предоставляется дополнительный голос. Такой способ быстр, однако он нарушает баланс сил и может быть неприемлем для равноправных партнеров.

Во-вторых, можно прибегнуть к медиации или временной паузе (cooling-off period), когда стороны договариваются о периоде переговоров при участии нейтрального посредника, пытаются добровольно урегулировать спор [4]. Если соглашение не достигнуто, иногда привлекают третье лицо — авторитетного бизнесмена или эксперта — которое предлагает компромиссное решение.

В-третьих, при провале переговоров остаются «разводящие» механизмы (divorce mechanisms), предполагающие выход одного или обоих партнеров из общества. К ним относятся: добровольное разделение бизнеса (например, выделение двух компаний для каждой группы участников); выход участника с отчуждением доли по заранее согласованной цене; принудительное исключение участника; или ликвидация компании с распределением имущества. Каждый из этих шагов сопровождается сложностями — оценочными и судебными процедурами, необходимостью доказать основания и т.д. Например, в России исключение участника возможно только в судебном порядке и при доказанных злоупотреблениях с его стороны, а ликвидация компании как способ разрешения конфликта допускается лишь как крайняя мера [10]. Поэтому наибольший практический интерес представляют договорные buy-sell механизмы, которые позволяют сторонам самостоятельно и оперативно «развести» бизнес без разрушения ценности компании и с минимальным вмешательством суда.

В современном корпоративном планировании применяются заранее обусловленные процедуры выкупа долей при наступлении тупика. Англо-американская юридическая практика разработала несколько разновидностей таких shoot-out положений, и они были восприняты законодательством и доктриной ряда стран континентальной Европы. С 2014 года российское право прямо допускает заключение корпоративных соглашений между участниками, поэтому появилась возможность включать в них любые условия, не противоречащие императивным нормам (ст. 67.2 ГК РФ [1]). Предмет корпоративного договора по российскому ГК — осуществление участниками своих корпоративных прав определенным образом; это может включать обязанности голосовать за ликвидацию или отчуждать долю

при наступлении оговоренных обстоятельств и др. Хотя объем допустимых условий в российских соглашениях несколько уже, чем в англо-американских (некоторые положения организационного характера недействительны), условия о принудительном выкупе доли при deadlock формально могут быть включены. В частности, стороны вправе прописать опцион или механизм обязательного предложения о продаже/покупке доли в случае тупика. В литературе отмечается, что заключению таких условий не препятствуют положения российского законодательства [13]. Хотя прямых правовых барьеров для судебного признания shoot-out оговорок нет, хотя на практике сохраняется риск непредсказуемого судебного усмотрения [13]. Действительно, ранее российские суды скептически относились к соглашениям акционеров (известны дела ОАО «Мегафон» и др., где некоторые положения признаны недействительными), однако после реформы ГК и разъяснений Верховного Суда РФ ситуация смягчается [6]. Тем не менее, чтобы избежать правовой неопределенности, многие совместные предприятия с участием российских бенефициаров по-прежнему предпочитают подчинять акционерные соглашения иностранному праву, где deadlock-оговорки гарантированно исполнимы.

Механизм Russian roulette представляет собой push-pull процедуру, запускаемую одним из партнеров. Участник, инициирующий «русскую рулетку», направляет другому участнику оферту о продаже либо покупке 50 % корпоративных прав (доли/акций) по определенной цене [7]. Иначе говоря, инициатор оговаривает цену, по которой готов либо купить долю оппонента, либо продать ему свою долю — выбор остаётся за получателем оферты. Второй участник, получив такое уведомление, должен в установленный срок принять одно из двух решений: либо продать свою долю по названной цене инициатору, либо выкупить долю инициатора по той же цене. Какой бы вариант ни был выбран, в результате один из партнеров становится единоличным владельцем бизнеса, а другой выходит, получив денежную компенсацию по заранее обозначенной цене.

Русская рулетка считается радикальным, но эффективным способом снять затяжной конфликт. Главный принцип здесь — симметричный риск и «честная цена». Партнер, который инициирует процедуру, не знает заранее, станет ли он покупателем или продавцом; соответственно, он вынужден назначить такую цену за 50 % компании, которая была бы справедлива для любой из ролей. Если цена слишком занижена — есть риск, что оппонент предпочтет выкупить долю инициатора по этой низкой цене, оставив его без бизнеса. Если же цена явно завышена — велика вероятность, что оппонент согласится продать свою долю, и тогда инициатор будет обязан переплатить за контрольный пакет выше его объективной стоимости [13]. Таким образом, сам ме-

ханизм создает сдержки и противовесы, побуждая назначить максимально обоснованную, рыночную цену.

При этом эффективность русской рулетки напрямую зависит от относительной добросовестности сторон. В реальности одна сторона часто имеет преимущество — например, внутреннюю информацию о скрытых проблемах или, напротив, о перспективных активах компании. При информационной асимметрии менее осведомленный участник не сможет адекватно оценить справедливую цену, а более информированный инициатор может намеренно занижить цену предложения, зная, что оппонент скорее продаст долю по дешевой цене. В судебной практике известных юрисдикций подчеркивается, что риск злоупотребления shoot-out механизмами существует всегда, особенно при экономически неравных партнерах. Например, Высший земельный суд Нюрнберга (Германия) в 2013 г. отметил, что, если заведомо известно, что один из участников не способен профинансировать выкуп, включение такой оговорки может быть поставлено под вопрос на предмет злоупотребления правом [11]. Тем не менее, суд счел допустимым сам принцип русской рулетки, поскольку цель ее введения — устранение кризисной ситуации, угрожающей существованию компании. Важно понимать, что механизмы типа русской рулетки рассчитаны на добросовестное поведение. Если участник умышленно спровоцировал тупик, чтобы вытеснить партнера, или утаил существенные сведения, то правовые системы обычно либо признают такое поведение недобросовестным (что может повлечь недействительность реализации оговорки), либо предусматривают специальные меры защиты. Так, в одном из решений суд обязал инициатора процедуры раскрыть другой стороне имеющуюся у него внутреннюю информацию о делах общества и стоимости доли перед тем, как делать ценовое предложение [8].

Texas Shoot-Out — это еще один способ «развести» интересы партнеров при тупике, который часто рассматривается как разновидность или развитие «русской рулетки». В классическом варианте тexasской перестрелки оба участника одновременно делают секретное ценовое предложение на выкуп доли друг друга [9]. Практически это реализуется через независимого посредника (администратора процедуры), то есть каждый акционер запечатывает в конверте сумму, которую готов заплатить за 50 % компании, и передает посреднику. В условленный момент конверты вскрываются, после чего сравниваются предложенные ставки. Победителем считается сторона, указавшая более высокую цену; она получает право приобрести долю оппонента по своей цене (или по цене оппонента), а оппонент обязан продать свою долю победителю. В результате компания переходит под полный контроль участника, который был готов заплатить больше за бизнес.

Существует несколько модификаций shoot-out аукциона. Описанная выше — наиболее распространенная и прозрачная: обе стороны делают однократные закрытые предложения, исключая возможность тактических маневров после вскрытия ставок. Особенностью ее, отличающей от «русской рулетки», является отсутствие выбора у пассивной стороны, так как исход определяется автоматически на основе сравнения цен, тогда как при русской рулетке получатель оферты имеет опцию выбора купить или продать. По сути, перестрелка выявляет участника, который ценит бизнес выше (или располагает большими средствами для его покупки) — именно он и остается владельцем.

Преимуществом «техасской перестрелки» считается быстрота и окончательность: одна краткая процедура — и конфликт исчерпан. Отпадает необходимость в оценщиках, переговорах о справедливой цене — ее «устанавливает» конкурентный механизм, исходя из субъективных ставок сторон. Предполагается, что в результате компания достанется тому партнеру, который увереннее в перспективах бизнеса или более заинтересован в его продолжении (раз он готов заплатить больше). С точки зрения экономической эффективности это позитивно, поскольку фирма сосредотачивается в руках более мотивированного собственника. Однако минус в том, что такая схема может обойтись дорого победителю и одновременно слишком дешево проигравшему. То есть справедливость исхода не гарантируется — она зависит от рациональности и возможностей сторон. Как и в случае русской рулетки, не исключены манипуляции, например, один из партнеров может умышленно спровоцировать тупик, зная, что даст цену выше, чем у конкурента, и завладеет всей компанией. Идентифицировать злоупотребление в подобной ситуации крайне трудно, так как формально каждый действовал в рамках договора, предложив цену по своему усмотрению. Поэтому ключевой способ противодействия — осторожность на этапе заключения соглашения: партнеры должны хорошо представлять финансовые возможности друг друга и не соглашаться на shoot-out оговорку, если заведомо один из них не способен играть в таких «торгах» на равных. Таким образом, техасская перестрелка — эффективный, но очень рискованный инструмент, требующий взвешенной оценки рисков сторонами перед его применением.

Под названием Dutch auction («голландский аукцион», иногда — «мексиканская дуэль») в контексте deadlock обычно понимают вариацию закрытого аукциона, в которой стороны предварительно заявляют не максимальную цену покупки, а минимальную цену, за которую согласны продать свою долю [9]. Процедура схожа с описанной выше — оба партнера одновременно передают посреднику запечатанные предложения, содержащие пороговые суммы. После раскрытия кон-

вертов сравниваются минимальные приемлемые цены продажи. Партнер, указавший более высокую сумму, тем самым продемонстрировал, что ценит свою долю дороже (т.е. менее склонен расставаться с бизнесом за малую цену). Именно он получает право выкупить долю второго участника. При этом расчет осуществляется по цене, указанной в предложении другого участника. Иными словами, «победитель» аукциона платит за долю «проигравшего» ту сумму, которую проигравший сам запросил. В результате инициатор с более высокой оценкой сохраняет бизнес, а его оппонент уходит, получив за свою долю сумму не ниже той, на которую он согласился.

Голландский (в данном понимании — обратный) аукцион во многом действует на тех же принципах, что и техасский: одна сторона остается, одна уходит, никакого выбора после раскрытия заявок нет. Отличие — в правилах определения цены. Здесь инициаторы как бы меняются ролями, то есть каждый выступает продавцом, называя устраивающую его цену продажи. Данный механизм интересен тем, что обе стороны заранее декларируют свою удовлетворенность определенной суммой от сделки. Проигравший партнер фактически получает за свою долю ровно ту цену, которую сам же назвал приемлемой (минимальной). Поэтому трудно говорить, что его интересы ущемлены — он изначально согласился продать не дешевле X и получил X. Победитель же, напротив, платит меньше, чем был готов заплатить (ведь его минимальная цена продажи выше, чем у соперника). Таким образом, сторона, которая сильнее ценит компанию и менее желала бы продавать, получает ее целиком по цене, рассчитанной по представлению второго участника о справедливой компенсации. С определенной точки зрения это компромиссный исход. Однако успех механизма зависит от рационального поведения сторон. Если один из партнеров недооценил бизнес (либо занил свою минимальную цену в надежде, что и оппонент укажет низкую), то он рискует проиграть и продать долю дешевле объективной стоимости. Фактически получается, что Dutch auction создает стимул партнерам завышать заявляемый минимум, чтобы не оказаться продающей стороной за бесценок.

«Мексиканская дуэль» или «голландская аукцион» встречается в соглашениях реже, чем предыдущие механизмы, но используется как более «коварный» вариант аукциона. Она чаще оказывается выгоднее для более сильного партнера. Зная о стесненном положении оппонента, такой участник предполагает, что тот поставит низкую минимальную цену продажи. Сам же он может поставить достаточно высокую (чтобы выиграть право покупки), после чего выкупит долю второго по его же низкой цене [11]. Для слабого партнера это обернется уходом с компенсацией ниже справедливой, хотя формально он сам ее предложил. Поэтому рассматриваемый механизм не устраняет риска недобросовестности

и неравенства; напротив, он наиболее уязвим к информационному дисбалансу, ведь каждая сторона не знает реальной оценки бизнеса другой стороной.

Механизмы принудительного корпоративного выкупа при тупике зародились в рамках англо-американского общего права. В США и Великобритании buy-sell оговорки давно стали стандартным элементом соглашений акционеров, особенно в совместных предприятиях 50/50. Их юридическая сила обычно не вызывает сомнений, поскольку действует принцип свободы договора, в рамках которого стороны вправе предусмотреть любые условия выхода из бизнеса. Американские суды, как правило, стоят на страже добросовестности: если процедура была реализована честно, без обмана и давления, ее результаты защищаются законом. Более того, судебная практика США порой сама использует подходы shotgun-механизмов для разрешения споров между участниками (например, назначая «публичный аукцион» или принуждая одну сторону выкупить другую) [12]. Однако непосредственно договорные Russian roulette или shoot-out оговорки оспариваются редко. Прецеденты свидетельствуют, что суды склонны поддерживать их действие, видя в самом механизме гарантию честной цены при равных возможностях сторон. Конечно, в случае явного злоупотребления (скажем, партнер умышленно создал тупик с единственной целью вытеснить второго) потерпевший вправе попытаться оспорить сделку как нарушающую фидуциарные обязанности. В целом, в США и Англии buy-sell положения рассматриваются как коммерчески целесообразные и законные инструменты, а вопрос об их справедливости решается самими сторонами на стадии переговоров.

В странах континентальной Европы путь к признанию deadlock оговорок был менее простым. Например, в Германии долгое время господствовала позиция, что договорное предоставление одному акционеру права выкупить другого без согласия последнего противоречит императивным нормам об исключении участника только по веским основаниям [11]. Однако позднее судебная практика скорректировала подход. В решении Высшего суда земли Бавария (OLG Nürnberg) от 20.12.2013 было прямо подтверждено, что клаузула «Русская рулетка» не противоречит закону, если она направлена именно на разрешение тупиковой ситуации, а не на беспочвенное вытеснение совладельца [11]. Суд отметил, что цель такой оговорки — предотвратить кризис компании при паритете, а не «наказать» участника без причины, поэтому она допустима при условии добросовестной реализации. Это прецедентное решение открыло дверь для использования shoot-out положений в немецкой корпоративной практике, хотя определенные требования (например, разумность условий, отсутствие явного дисбаланса возможностей сторон) остаются в силе. Кроме того, известен пример Австрии, где в 2009 г. Апелляци-

онный суд Вены утвердил включение deadlock-оговорки в устав GmbH (аналог ООО), позволявшей одному участнику установить выкупную цену доли без учета балансовой стоимости, с правом второго участника купить долю по той же цене, если посчитает ее заниженной [8]. Суд признал такую схему законной и даже полезной, указав, что она содержит встроенный механизм противовесов, препятствующий несправедливости. Таким образом, зарубежная практика в целом демонстрирует возрастающее одобрение buy-sell оговорок как цивилизованного способа преодоления тупика, при условии, что они не нарушают принцип добросовестности и не обходят императивные гарантии для участников.

В Российской Федерации правовая база для применения deadlock механизмов сформировалась недавно. До 2014 года соглашения акционеров не регулировались законом, и суды относились к ним настороженно. Несколько известных споров (включая уже упомянутое дело ОАО «МегаФон») привели к признанию отдельных условий корпоративных договоров недействительными на основании их несоответствия закону или уставу, что охладило интерес инвесторов к заключению подобных соглашений внутри российской юрисдикции — зачастую применяли обходной путь через иностранные холдинговые компании, на уровне которых заключался договор по английскому праву. Ситуация изменилась с принятием Федерального закона № 115-ФЗ (2009 г.) и особенно с реформой ГК РФ 2013–2015 гг., которые узаконили корпоративные соглашения и ввели в правовое поле инструменты, ранее известные лишь в иностранном праве (опционы и т.д.). В частности, ст. 67.2 ГК РФ прямо позволяет участникам непубличного общества заключить соглашение об осуществлении их прав, определив любые варианты голосования, отчуждения долей и т.п. при наступлении определенных условий. Указанная новелла и создает косвенную основу для deadlock-оговорок (как частного случая условий об отчуждении доли).

Нормы о досрочном выходе или исключении участника при корпоративном конфликте также присутствуют, так, Закон об ООО позволяет предусмотреть в уставе право участника требовать выкупа его доли обществом при невозможности достижения целей общества, фактически имея в виду тупиковые ситуации [2]; в АО аналогичной нормы нет, но ГК РФ упоминается корпоративный конфликт как возможное основание для ликвидации в суде. Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума № 25 от 23.06.2015 разъяснил критерии, при которых корпоративный конфликт может вести к принудительной ликвидации: это случаи, когда допущены существенные злоупотребления всеми участниками и деятельность общества существенно затруднена [3]. Одновременно ВС РФ указал, что при тупике нельзя удовлетворять иск одного участника об исключении другого. Данными разъяснениями фактически поощря-

ется поиск внесудебных решений, чтобы не доводить до крайней меры в виде ликвидации.

На сегодняшний день российское законодательство не запрещает сторонам включать в корпоративный договор оговорки типа русской рулетки или перестрелки. Более того, введение норм об опционных соглашениях позволяет реализовать shoot-out через взаимные опционы, в рамках которых участники выдадут друг другу безотзывные оферты на продажу/покупку, которые активируются при наступлении условий тупика. Тем не менее, единообразной судебной практики по спорам вокруг buy-sell оговорки пока нет — прецедентов их принудительного осуществления через суд практически не публиковалось.

Таким образом, тупиковые ситуации в корпорациях представляют угрозу для устойчивости бизнеса, особенно в структурах с паритетным управлением. Предварительное договорное регулирование таких ситуаций — через механизмы принудительного выкупа

долей — показало свою эффективность в зарубежной практике.

Анализ трех классических shoot-out механизмов — «русской рулетки», «техасской перестрелки» и «голландского аукциона» — позволяет сделать следующие обобщения. Все они преследуют одну цель — разрядить конфликт путем выхода одного из партнеров, предоставив ему справедливую компенсацию за долю и оставив компанию под контролем другого партнера. Механизмы различаются по способу установления цены и степени контроля сторон над исходом. При этом во всех механизмах ключевым условием справедливости является добросовестность сторон и баланс сил. Если один партнер сознательно злоупотребляет процедурой, формируя тупик ради выгоды, результат может быть несправедливым. Именно поэтому в практике выработаны требования и рекомендации, призванные формализовать buy-sell оговорки так, чтобы минимизировать возможность недобросовестного или неаккуратного применения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 №51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (Дата обращения: 01.05.2025).
2. Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 №14-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/ (дата обращения 01.05.2025).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения 01.05.2025).
4. Абадиха М., Нигматуллин Р.В. Медиация как средство примирения в рамках положения об урегулировании споров между инвесторами и государством: общий обзор российских двусторонних инвестиционных договоров // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 1 (75). С. 203–213.
5. Волков А.Ю., Яркин А.А., Субанова А.Б. Корпоративный договор как способ разрешения «deadlock» // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 6. С. 100–102.
6. Куделин А. Акционерное соглашение по российскому праву // Корпоративный юрист. 2009. № 10. С. 23–29.
7. Кухаренко А.С. Роль опционных соглашений при разрешении «тупиковых ситуаций» в рамках соглашений участников обществ в российском и зарубежном праве // Юридическая наука. 2022. № 5. С. 60–62.
8. Никишова М. Deadlock: как выйти из корпоративного тупика. Российская и зарубежная практика // Corpshark.ru. URL: <https://corpshark.ru/p/deadlock-kak-vyjti-iz-korporativnogo-tupika/> (дата обращения: 15.05.2025).
9. Осокин А.В., Шульгина В.А. Правовые механизмы предотвращения и разрешения корпоративных споров // Вопросы российской юстиции. 2022. № 21. С. 222–237.
10. Deadlock: пленум ВС пояснил, когда корпоративный конфликт ведет к ликвидации фирмы // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/review/view/119384/> (дата обращения: 15.05.2025).
11. Harbecke N., Gresbrand K. Russian Roulette and Texas Shoot-Out Clauses as elements of JV or Shareholder Agreements // Deloitte Tax News. URL: <https://www.deloitte-tax-news.de/german-tax-legal-news/russian-roulette-and-texas-shoot-out-clauses-as-elements-of-jv-or-shareholder-agreements> (дата обращения: 15.05.2025).
12. Landeo C.M., Spier K.E. Shotguns and Deadlocks // Yale Journal on Regulation. (Forthcoming). — URL: <https://ssrn.com/abstract=2258966> (дата обращения: 15.05.2025).
13. Obgoltz V. Contractual deadlock resolution mechanisms in joint venture companies in Russia: Master's thesis. International Business Law (LLM) / Supervisor: Jing Li. — Tilburg: Tilburg University, 2019. — URL: <http://arno.uvt.nl/show.cgi?fid=149359> (дата обращения: 15.05.2025).
14. Unlocking corporate deadlock // Dentons. URL: <https://www.dentons.com/en/insights/alerts/2019/april/11/unlocking-corporate-deadlocks> (дата обращения: 15.05.2025).

© Тихонов Роман Игоревич (r.tikhonov00@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ: ГРАНИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

SOCIOCULTURAL PORTRAIT OF THE YOUNG GENERATION: FACETS OF SELF-DETERMINATION AND VECTORS OF DEVELOPMENT

V. Skopa

Summary. Growing transformation processes reveal fundamental fault lines in the traditional value system, where local identities conflict with unified standards of international interaction. The fundamental challenge lies in rethinking the mechanisms of individual choice through the prism of multicultural reality, where classical national models of worldview are constantly changing under the influence of global communication flows. The system of value orientations of young people is not just a set of abstract attitudes, but a deep structure that determines the substantive orientation of the individual. It performs a system-forming function in the processes of socialization of the younger generation, acting as a kind of navigation tool for the interaction of the individual with social reality. The socio-cultural portrait of modern youth is highly dynamic, flexible and ready for constant changes.

Keywords: youth socialization, social institutions, socio-cultural portrait, stratification, society.

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии
естествознания, Алтайский государственный
педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Аннотация. Нарастающие трансформационные процессы вскрывают принципиальные разломы в традиционной системе ценностей, где локальные идентичности вступают в противоречие с унифицированными стандартами международного взаимодействия. Фундаментальный вызов заключается в переосмыслении механизмов индивидуального выбора сквозь призму мультикультурной реальности, где классические национальные модели мировосприятия постоянно видоизменяются под воздействием глобальных коммуникационных потоков. Система ценностных ориентаций молодежи является не просто набором абстрактных установок, а глубокой структурой, определяющей содержательную направленность личности. Она выполняет системообразующую функцию в процессах социализации подрастающего поколения, выступая своеобразным навигационным инструментом взаимодействия личности с социальной реальностью. Социокультурный портрет современной молодежи отличается высокой динамичностью, гибкостью и готовностью к постоянным изменениям.

Ключевые слова: социализация молодежи, социальные институты, социокультурный портрет, стратификация, общество.

В динамичной реальности XXI века молодежь формирует уникальную систему координат, где традиционные ценности взаимодействуют с инновационными установками. Современная молодежь представляет собой социальную группу, характеризующуюся сложным и многогранным процессом самоидентификации в быстро меняющемся мире.

Динамика современного мира порождает сложный диалог между устоявшимися культурными нормами и возникающими тенденциями глобального социума. Нарастающие трансформационные процессы вскрывают принципиальные разломы в традиционной системе ценностей, где локальные идентичности вступают в противоречие с унифицированными стандартами международного взаимодействия [2]. Фундаментальный вызов заключается в переосмыслении механизмов индивидуального выбора сквозь призму мультикультурной реальности, где классические национальные модели мировосприятия постоянно видоизменяются под воздействием глобальных коммуникационных потоков [1, 6]. Ключевые изменения концентрируются в плоскости переопределения личностной автономии, когда тра-

диционные детерминанты социального поведения уступают место более гибким, контекстуальным стратегиям самоидентификации.

Феномен самоопределения выступает многогранным исследовательским конструктом, привлекающим внимание представителей различных научных дисциплин — от философии до педагогики. В социологическом контексте данное понятие раскрывается как осознанный процесс внутренней идентификации, где субъект не просто констатирует собственные характеристики, но и целенаправленно формирует свою позицию в сложных жизненных коллизиях [7]. Психологическая интерпретация трактует самоопределение как ключевой транзитивный период социализации, в котором индивид вырабатывает персональную стратегию жизнедеятельности [8]. Этот процесс предполагает глубокую внутреннюю рефлексию соотношения личных устремлений, возможностей и внешних социальных запросов. Известный российский социолог В.А. Ядов убедительно демонстрирует необходимость комплексного подхода к изучению данного феномена. Он акцентирует внимание на диалектическом взаимодействии внешних

социальных обстоятельств и внутренней активности личности, подчеркивая взаимодополняющий характер социологических и психологических исследовательских стратегий [10].

В контексте современных социальных трансформаций назрела острая необходимость комплексного исследования аксиологического ландшафта молодежи. Ценностные ориентации молодого поколения выступают своеобразным индикатором и катализатором социальной динамики, отражая глубинные процессы общественного развития.

Усложняющаяся социальная реальность демонстрирует нарастающую многовекторность общественных систем, где культурные детерминанты приобретают определяющее значение в процессах социальной организации и трансформации. Молодежь все более становится не только объектом, но и активным субъектом социальных изменений, трансформируя собственный статус и роль в различных институциональных подсистемах [9]. Углубленное изучение аксиологических координат молодежного сознания позволяет не просто диагностировать актуальное состояние общественного развития, но и прогнозировать потенциальные траектории его эволюции. Это дает возможность идентифицировать ключевые векторы — происходит ли движение в направлении радикальной социокультурной модернизации или осуществляется преемственность традиционных российских ценностных паттернов.

Современный научный дискурс представляет множественную палитру идентичностей — от глубоко личностных до широкомасштабных цивилизационных конструктов. Каждая из них — будь то гендерная, этническая или профессиональная — выступает сложным механизмом самоотождествления личности с определенными социальными контекстами.

Социология рассматривает идентичность преимущественно через призму интеграции индивида в социальное пространство: освоение нормативных паттернов, ценностных матриц и символических кодов конкретной общности. Этот процесс можно условно разделить на два взаимопроникающих уровня: индивидуальный — внутренняя рефлексия своего опыта, и социальный — как включенность в коллективные структуры и взаимодействия. Принципиально важно подчеркнуть, что идентичность не является статичной категорией, а представляет собой динамичную систему самоопределения, где постоянно происходят процессы переосмысленная трансформации социальных границ [3].

Социальное самоопределение представляет собой многогранный процесс интеграции индивида в комплекс социальных взаимосвязей, где человек не просто

адаптируется, но и активно конструирует собственную траекторию в социальном пространстве.

Ключевые особенности молодого поколения формируются под влиянием технологических, социальных и культурных трансформаций. В данной связи ключевыми маркерами можно выделить:

1. Личностную самореализацию, представленную приоритетом индивидуального успеха, стремлением к персональному брендингу и желанием создать уникальную траекторию развития.
2. Цифровую идентичность, которая включает в себя активное онлайн-пространство, глобальные коммуникативные стратегии, мобильность и адаптивность.
3. Социальную ответственность: экологическое мышление, этические потребительские практики и включенность в общественные процессы.
4. Профессиональную гибкость, раскрывающуюся посредством многозадачности, непрерывного обучения и готовности к кардинальным трансформациям.

Молодое поколение формирует новую матрицу ценностей, где значимость индивидуального потенциала сочетается с глобальной солидарностью. Современная российская реальность представляет сложную мозаику социальных противоречий, где молодое поколение погружено в деформированное информационное пространство [5]. В этом контексте доминируют искаженные ценностные ориентиры: потребительский прагматизм, культ индивидуального успеха любой ценой, пренебрежение моральными нормами и солидарностью. Социальная атмосфера характеризуется торжеством циничного прагматизма, где приоритет отдается личной выгоде над общественными интересами. Агрессивный индивидуализм и деструктивные модели поведения становятся повседневной реальностью, размывая традиционные социальные связи и нормативные устои. Трансформационные процессы в обществе создают амбивалентную ситуацию: с одной стороны, существует риск глубокой социальной деградации, с другой — потенциал для качественного обновления и формирования новой системы ценностей [4]. Культура и базовые социальные принципы выступают основным механизмом консолидации и преодоления системных противоречий.

Ценностный ландшафт сознания современной молодежи представляет собой многогранный и динамичный феномен общественного развития. Его структура обладает амбивалентным потенциалом: способна как генерировать революционные социальные трансформации, так и поддерживать status quo существующих общественных систем. Ценностный контекст нашего общества отражает сложную структуру переходного периода, характеризующегося не столько классической постиндустриаль-

ной траекторией, сколько гибридной моделью развития с элементами незавершенной индустриализации. Этот процесс кардинально повлиял на аксиологическую матрицу молодого поколения. Особенно рельефно проявляется проблема идентичности молодых россиян, которая формируется на пересечении разнонаправленных культурных векторов: размывания национальных традиций, влияния западных потребительских паттернов и внутренних адаптационных механизмов [5, 9]. Процесс самоопределения осложняется диссонансом между расширяющимися возможностями самореализации и реальной социальной невостребованностью молодежи. Отсюда как следствие, в ценностной иерархии молодого поколения доминантными становятся персонально-ориентированные приоритеты: семья, личные взаимоотношения, индивидуальное здоровье, творческая самореализация и непрерывное самосовершенствование.

Ключевая парадигма воспитания сегодня — это возвращение человека в координаты культурной цивилизации через глубокую интеграцию личности в социокультурное пространство. Стратегическая цель — создание гуманистической модели развития, ориентированной на универсальные общечеловеческие ценности, межнациональный диалог и внутреннюю культурную динамику [3]. Гуманизация образовательного процесса предполагает кардинальную трансформацию традиционной педагогической парадигмы: учебное заведение должно стать пространством персонализированного развития, где в центре внимания — уникальный внутренний мир обучающегося, его эмоциональные потребности, индивидуальные устремления и моральные ориентиры. Исходя из этого основными функциями гуманистического воспитания будут выступать:

- культурная трансмиссия: приобщение молодого поколения к цивилизационным ценностям, развитие духовно-нравственного потенциала, обеспечение преемственности культурного опыта;
- социальная адаптация: обеспечение плавной межпоколенческой трансформации, создание комфортных условий для личностного становления;
- защитная миссия: гарантирование психологической безопасности, сохранение физического и ментального здоровья, соблюдение прав и достоинства каждого обучающегося;
- самореализационная поддержка: раскрытие индивидуального творческого потенциала, содействие личностной самоидентификации и профессиональному самоопределению в динамичном социальном контексте.

Учебные дисциплины в данном контексте выступают не только источником научного знания, но и мощным инструментом формирования морально-ценностной матрицы личности. Личностно-ориентированный под-

ход в образовании позволяет диагностировать существующие дефициты и проектировать стратегии их преодоления. Ключевая миссия современного воспитания должна сводиться к развитию гуманистического мировоззрения молодежи через призму фундаментальных человеческих ценностей. Спектр межличностных отношений и социальных практик оценивается через категориальные оппозиции морального выбора: добро и зло, истина и ложь, красота и безобразие, справедливость и несправедливость.

Стержневым элементом гражданского воспитания является формирование патриотического самосознания. Патриот — это не просто носитель национальной идентичности, но активный субъект культурно-исторической преемственности, готовый к служению и защите Отечества, где патриотизм реализуется через глубокое уважение к традициям, языку, культурному коду своей страны [7, 9].

Современное молодое поколение характеризуется беспрецедентной свободой самоопределения. Каждый индивид конструирует собственную жизненную траекторию, где личный выбор становится ключевым фактором социальной реализации. Значительная часть молодежи демонстрирует конструктивную жизненную стратегию, осознанно формулируя амбициозные цели и последовательно двигаясь к их достижению. Правильный выбор жизненного пути позволяет не только обеспечить личное благополучие, но и внести продуктивный вклад в общественное развитие [2].

Параллельно с вышеобозначенным существует и деструктивный сценарий, где молодые люди попадают в ловушку самоограничения через саморазрушительные практики. Наиболее опасными социальными девиациями являются: алкогольная зависимость, табакокурение, наркотическая аддикция. Масштаб распространения этих явлений достигает критической отметки. Негативные аддикции не только разрушают физиологию несформировавшегося организма, но и продуцируют системные социальные деформации, к числу которых можно отнести:

- снижение интеллектуального потенциала;
- деградация репродуктивного здоровья;
- криминализация в молодежной среде;
- экономический ущерб обществу.

Преодоление этих вызовов требует комплексной профилактической стратегии, включающей воспитательную работу, психологическую поддержку, формирование здоровых социальных норм, альтернативные модели самореализации.

Современная молодежь находится в уникальном информационном пространстве, где безграничный доступ

к контенту провоцирует перманентный поиск новых впечатлений и альтернативных реальностей. Этот феномен порождает сложную социально-психологическую динамику, где виртуальные конструкты конкурируют с реальными жизненными траекториями.

Молодое поколение существует в сложной социокультурной среде, где трансформация общественных структур неизбежно влияет на формирование молодежных субкультурных практик. Процессы институционального кризиса находят непосредственное отражение в мировоззрении и поведенческих стратегиях современной молодежи. Разработка молодежных проектов сталкивается с существенными ограничениями, за исключением адаптационных и ориентационных направлений [9]. Любые попытки корректировать механизмы социализации неминуемо упираются в системные проблемы образовательных, культурных и информационных институтов российского общества. Принципиальная взаимосвязь социальной среды и молодежной субкультуры очевидна: характер общества напрямую определяет содержание и направленность молодежных социальных практик. Молодежь выступает своеобразным индикатором состояния и потенциала общественной системы.

Углубляющийся кризис семейного воспитания создает риски формирования социально дезадаптированной личности. Подавление индивидуальности и инициативы ребенка со стороны родителей и педагогов может провоцировать деструктивные модели поведения, включая склонность к экстремальным и противоправным действиям. Агрессивная коммуникативная среда порождает соответствующие молодежные установки [6].

Стремление молодежи преодолеть традиционные поведенческие паттерны приводит к конструированию собственных норм, зачастую конфликтующих с обще-

принятыми. Этот процесс сопровождается маргинализацией влияния традиционных социальных институтов и активным формированием неформальных молодежных сообществ. В альтернативных группах создается особое пространство свободы, где элиминируются социальные ограничения. Для участников таких сообществ первостепенное значение приобретает возможность неформального времяпрепровождения и самореализации.

Молодежная субкультура становится мощным социальным инструментом, требующим грамотного и тактичного управления со стороны общества. Задача социальных институтов — разработать эффективные стратегии конструктивного взаимодействия с молодежными сообществами.

Таким образом, можно подчеркнуть, что ценностное самоопределение выступает ключевым внутренним механизмом регуляции поведенческих стратегий молодой личности. Этот процесс формирует уникальную аксиологическую матрицу, которая детерминирует жизненные траектории и социальные практики индивида. Система ценностных ориентаций является не просто набором абстрактных установок, а глубокой структурой, определяющей содержательную направленность личности. Она выполняет системообразующую функцию в процессах социализации молодежи, выступая своеобразным навигационным инструментом взаимодействия личности с социальной реальностью.

Социокультурный портрет современной молодежи отличается высокой динамичностью, гибкостью и готовностью к постоянным изменениям. Ключевой характеристикой поколения становится способность быстро адаптироваться к новым реалиям, сохраняя при этом индивидуальность и целостность личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булкин А.Н. Социально-философские аспекты ценностного ориентирования молодежи. Автореф. дис. на соиск. ученой степени к.ф.н. Ставрополь, 1997.
2. Габриелян О.А., Ильинович Е. Б. Молодёжь в динамике культурных и общественных трансформаций // Молодёжь VS культура: духовно-нравственное воспитание. Симферополь, 2011.
3. Докучаев Д.С. Региональная идентичность российского человека в современных условиях: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Иваново: ИГУ, 2011.
4. Жаде З.А. Россия в поисках региональной идентичности // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2007. № 6.
5. Журавлева Л.А., Зарубина Е.В., Ручкин А.В., Симачкова Н.Н., Чупина И.П. Жизненные приоритеты и ценности современной молодежи // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 1А.
6. Кувенева Т.Н., Манаков А.Г. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социологические исследования. 2003. № 7 (231). С. 77.
7. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация — 2010). Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФ РАН, 2010.
8. Сафин В.Ф., Ников Г.П. Психологический аспект самоопределения личности // Психологический журнал. 1984. Т. 5, № 4.
9. Шиловцев А.В., Сорокина Н.И. Выбор ценностных ориентаций как фактор социальной безопасности молодежи в Российской Федерации // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 5А.
10. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ХАРАКТЕРИСТИКИ, СМЕНА СОДЕРЖАНИЯ И МЕТОДЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ КИТАЯ В ПРОЦЕССЕ РЫНОЧНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Хуан И

Доцент, Синьцзянский педагогический университет
hy82811@163.com

CHARACTERISTICS, SHIFT IN CONTENT, AND METHODS OF REGULATING THE ECONOMIC BEHAVIOR OF LOCAL AUTHORITIES IN CHINA DURING MARKET TRANSFORMATION

Huang Yi

Summary. The decentralized economic reform in China not only stimulated the autonomy of local authorities in regional economic development but also formed their own interests. During the tax and budgetary reform, the mechanism of «regional decentralization + career promotion incentives for officials» defined the characteristics of local authorities' economic behavior under market transformation. In the process of market transformation, there was an evolution from «enterprise management» to «urban development management.» This shift, on the one hand, contributed to the positive economic development of the country, but on the other hand, influenced by political achievement motivations and interests, as well as contradictions between economic and legal logic, it created certain risks. Currently, the central government of China, by strengthening scientific development concepts and the public budgeting system, aims to clearly delineate administrative and economic functions of local authorities. This is aimed at optimizing the regulation of their economic activities while ensuring high-quality economic development.

Keywords: local authorities in China; market transformation; enterprise management; urban development management; regulation methods.

Введение

С 1978 года в Китае проведены реформы экономической системы, направленные на децентрализацию, что предоставило местным властям автономию в развитии экономики регионов и управлении местными делами. Местные власти стали ключевыми игроками в быстром экономическом и социальном развитии страны. В 1987 году система «фискальной ответственности» стимулировала местные органы власти, но привела к росту внебюджетных средств и ослаблению функций центрального бюджета. В 1994 году введенная система разграничения налогов между центральным и местным уровнями восстановила налоговые правила и увеличила долю централизованных налоговых поступлений с 22,0 % в 1993 году до 55,7 %, что способствовало укреплению фискальных возможностей центрального пра-

Аннотация. Децентрализованная экономическая реформа в Китае не только стимулировала автономию местных властей в развитии региональной экономики, но и сформировала у них собственные интересы. В ходе налогово-бюджетной реформы механизм «региональной децентрализации + стимулирование карьерного роста чиновников» определил особенности хозяйственного поведения местных властей в условиях рыночных преобразований. В процессе рыночной трансформации произошла эволюция от «управления предприятиями» к «управлению городским развитием». Данный переход, с одной стороны, способствовал позитивному экономическому развитию страны, но с другой — под влиянием мотивации политических достижений и интересов, а также из-за противоречий между экономической и правовой логикой, породил определённые риски. В настоящее время центральное правительство Китая, укрепляя научную концепцию развития и систему публичного бюджетирования, стремится чётко разграничить административные и хозяйственные функции местных властей. Это направлено на оптимизацию регулирования их экономической деятельности при обеспечении высококачественного развития экономики.

Ключевые слова: местные власти Китая; рыночная трансформация; управление предприятиями; управление городским развитием; методы регулирования.

вительства и его способности к макроэкономическому регулированию. Несмотря на централизацию фискальных полномочий, механизм «местной децентрализации + стимулирование карьерного роста чиновников» активизировал стремление местных властей к получению экономических преимуществ, что привело к росту конкуренции, инновациям и увеличению иностранных инвестиций на местах.

Однако важно отметить, что в китайской политической системе решающую роль играет кадровая политика Коммунистической партии Китая. Это означает, что местные власти должны следовать идеалам и политике партии, а не просто действовать в рамках бюрократических норм. Несмотря на административную децентрализацию, центральное правительство сохраняет контроль за местными властями через кадровые назначения, что

позволяет ему в любой момент вернуть переданные полномочия. Под воздействием политического давления и институциональных механизмов местные власти адаптировали свои стратегии, ориентируясь на экономический рост. В условиях давления на конкуренцию за экономическое развитие местные органы власти стали проявлять управленческий и предпринимательский подход, что способствовало развитию инфраструктуры и улучшению эффективности управления. Тем не менее, это также породило определенные риски для системы управления. Этот обзор посвящен анализу эволюции местных властей в рамках реформ, их поведению и политическим стратегиям.

Характеристика поведения местных властей в процессе рыночных реформ Китая

Реформа и открытость Китая представляют собой экономическую и социальную трансформацию, в ходе которой центральное правительство постепенно передает полномочия местным властям, а рынок становится основным инструментом для распределения и регулирования ресурсов. В этом процессе децентрализация и рост рыночных механизмов тесно связаны. Экономическая модель развития, ориентированная на увеличение инвестиций, с центральным руководством и местными властями как основными субъектами, стала главным путем развития китайской экономики. Развивающийся характер местных властей, направленных на экономический рост, проявляется в том, что они активно управляют промышленными зонами, поддерживают местную промышленность, привлекают инвестиции и способствуют урбанизации и строительству новых городов [1].

Особенности развивающегося типа местных властей в Китае заключаются в следующем: во-первых, местные власти активно участвуют в экономическом «соревновании», ориентированном на рост, под руководством центральных властей; во-вторых, их деятельность в основном проводится в рамках давления системы, с акцентом на экономический рост и усилением задач через политическое делегирование; в-третьих, местное бюджетное финансирование и инвестиции увеличиваются, и местные власти активно участвуют в управлении городами и государственными активами через инвестиционные компании. Эти особенности создают политику, которая способствует экономическому росту, но одновременно размывает границы между правами и обязанностями местных властей, что приводит к расширению их функций и полномочий.

Механизмы, определяющие действия местных властей, включают децентрализацию с предпочтением максимизации доходов и систему оценки чиновников на основе экономических показателей. Исследования показывают, что местные власти используют различные

политические и административные инструменты для стимулирования экономического роста, что ведет к увеличению конкуренции между регионами. Важным аспектом является то, что после введения системы разграничения налогов в 1994 году центральное правительство сохранило контроль над местными финансами, а местные власти были вынуждены активно искать способы увеличения доходов, например, через продажу земли и привлечение инвестиций. Система «местного государства корпоратизма» [2], предложенная рядом ученых, описывает местные власти как ориентированные на максимизацию экономических выгод и вмешивающиеся в управление предприятиями с целью достижения этих целей.

Исследователь Jean Oi называет такую форму отношений между государством и предприятиями «местным государственным интеграционизмом», подчеркивая, что в условиях системы финансового контроля местные власти вмешиваются в управление экономикой и предприятиями для максимизации местных интересов [4]. Это приводит к образованию интересов, похожих на корпоративные группы, где местные партийно-государственные структуры контролируют ресурсы и контракты с предприятиями, создавая взаимовыгодные связи. Подобные теории также были предложены такими учеными, как Andrew G. Walder, который говорит о «государстве как предприятии» [5], и Пэн Юшэн, который предлагает концепцию «государства деревни как компании» [3]. Эти концепции и теории подчеркивают предпринимательскую роль местных властей и их характерные особенности в управлении. В рамках системы финансового контроля «деление котла» местные власти на всех уровнях стали субъектами с предпринимательской ролью. В ответ на всплеск тенденции к созданию и расширению крупных предприятий в условиях финансового контроля ученые описали местные власти как «государственных предпринимателей» и «государственных предпринимателей, ориентированных на прибыль», что отражает их склонность к управлению и получению прибыли, подобную принципу «пускать воду, чтобы вырастить рыбу» [11].

После реформы местные власти продолжили расширять свои функции, что привело к изменению стратегий в управлении, особенно в области городского строительства и развития земельных ресурсов. В связи с этим поведение местных властей приобрело признаки, схожие с корпоративной моделью управления, где центральное руководство делегирует задачи и оценивает результаты через систему ответственности и контроля [8]. Важно отметить, что местные власти в Китае продолжают использовать административные инструменты и ресурсы для поддержания роста и достижения политических целей, что привело к развитию новых форм взаимодействия между государством и рынком, особенно через проектное управление [7].

От управления предприятиями к управлению городами: изменение поведения местных властей в процессе рыночных реформ Китая

После начала реформ и открытости китайское центральное правительство все больше акцентировало внимание на экономическом развитии как основном критерии законности результатов работы местных властей. В условиях роста требований к местным властям, центральное правительство зачастую закрывало глаза или даже поощряло гибкость в применении национальных правил и норм. Это дало местным властям свободу в попытках обойти государственные ограничения для улучшения контроля над ресурсами. В период начальной рыночной трансформации, когда административная и экономическая системы были несовершенными, поведение местных властей менялось в зависимости от условий. Важным фактором изменения местных властей стала реформа налогового разделения в 1994 году, которая позволила четко проследить эволюцию поведения местных властей от управления предприятиями к управлению городами.

В начале реформ Китай сосредоточил усилия на децентрализации, предоставляя местным властям больше прав, включая контроль над государственными предприятиями, налогами и инвестициями. Это породило систему, в которой местные власти активно искали способы увеличить доходы за счет развития местной экономики. В 80-90-е годы прошлого века в рамках системы бюджетного обеспечения местные власти стали основными игроками в экономике, предпринимая усилия по созданию и расширению местных предприятий, что служило источником увеличения налоговых поступлений. Эти усилия привели к появлению тесных связей между местными властями и предприятиями, что способствовало развитию местной экономики, но также породило проблемы местного протекционизма и использования государственных ресурсов для достижения личных целей [10].

После внедрения системы налогового разделения центральное правительство исключило связь между территориальной принадлежностью налогов и предприятий, что дало местным властям свободу в поиске альтернативных источников доходов. Местные власти начали активно использовать землю как основной ресурс для экономического роста, создавая двустороннюю структуру управления, в которой местные власти разрабатывали планы по использованию земельных ресурсов и стимулировали развитие инфраструктуры, а предприятия, в свою очередь, получали землю и ресурсы для расширения своего производства [14]. Эта модель привела к тому, что городской строительством стало центральной частью деятельности местных властей, а города — важ-

ным посредником в отношениях между правительством и бизнесом.

В последние годы местные власти, используя строительные проекты как узловые точки и ключевые инвестиционные площадки, стали выступать в качестве инвестиционных и операционных единиц, выходя на рынок и осуществляя кредитные операции [12]. В текущей модели управления городами местные власти в основном используют структуру «управляющий комитет — компания». В этой организационной модели «управляющий комитет» является представительством местных властей, осуществляющим публичные полномочия, а «компания» создается местными властями и подчиняется управляющему комитету, выполняя функции финансовой платформы. Руководители и члены «компании» часто совмещают свои должности с членами «управляющего комитета», что приводит к образованию структуры «две (или более) вывески — одна команда». Преимущество такой структуры заключается в возможности объединить центральные и местные власти, а также связанные с ними предприятия и организации в единую систему управления финансами. Эта структура оказала глубокое влияние на внутреннюю систему управления китайского правительства. В своем исследовании, касающемся этой организационной модели, Чжоу Луяо описывает ее как форму «интегрированного управления», подчеркнув, что местные власти, создавая проектные платформы, могут извлекать прибыль из повышения стоимости земельных участков и финансирования [13]. В рамках интегрированного управления местные власти, через объединение своего представительства и предприятий, фактически обходят законы и регулирующие нормы, расширяя свои возможности по мобилизации капитала, организации и контролю за ресурсами и кадрами. В этом процессе местные власти используют проектные платформы для получения монопольных прав на ключевые ресурсы региона и с помощью политических мобилизаций получают ведущую роль, а также могут действовать как основные субъекты экономического развития, используя поведение, схожее с корпоративной моделью. Это привело к беспрецедентному взаимодействию между властью, волей и результатами местных властей. В условиях рыночных реформ и усиления межправительственного давления местные власти все больше зависят от финансовых гарантий и проектных платформ, связанных с продажей земельных участков, для привлечения крупных финансовых кредитов, что необходимо для поддержания экономического роста и политических капиталовложений в регионе. Однако действия местных властей в управлении городами не ограничиваются лишь интеграцией ресурсов региона, а, скорее, представляют собой смешение моделей корпоративного управления и рыночных реформ в сфере публичных услуг, что неизбежно приводит к ряду рисков [9].

**От ослабления политических ограничений
до качественного развития: стратегии
центрального правительства Китая
по регулированию рисков местных властей**

Долгое время поведение местных властей Китая было реакцией на экономическую стратегию централизованного развития, что обеспечивалось политикой либерализации и децентрализации, проводимой центральным правительством. В процессе перехода от управления предприятиями к управлению городами местные власти решали задачи, связанные с развитием экономики региона, привлечением ресурсов и улучшением производственных показателей. Однако в конечном итоге некоторые местные власти использовали эти действия для укрепления своей власти и достижения личных политических и экономических целей, что создавало внутреннюю замкнутую систему. С точки зрения государственного управления, это часто приводило к ситуации, когда публичная власть использовалась для достижения частных интересов, а правовые и экономические конфликты усугубляли ситуацию [15].

После введения налогового разделения и последующих реформ местные власти продолжали использовать стратегию «управления городами», что позволило создать схему «земля-финансы-финансовое кредитование». Это обеспечивало местным властям значительные финансовые ресурсы, но одновременно создавалось перекрестное влияние между правительственными и корпоративными структурами, что ослабляло возможности центра для контроля. Некоторые местные власти, действуя как инвесторы, владельцы и управляющие, часто могли избегать строгого контроля со стороны центральных властей и местных надзорных органов. Такая ситуация создавала условия для коррупции и использования государственного аппарата для личной выгоды.

С 2012 года, после 18-го съезда КПК, Китай вступил в эпоху всесторонней реформы, направленной на модернизацию государственного управления и повышение качества экономического роста. Центральное правительство активно работает над снижением рисков, связанных с поведением местных властей. Во-первых, продолжается углубление реформы налогового разделения, чтобы согласовать финансовые и административные полномочия местных властей. Реформа ориентирована на устранение «плохой конкуренции» между местными чиновниками, связанной с показателями экономического роста, и на снижение зависимости от земельных финансов. В этом контексте происходит постепенная замена доходов от продажи земли налоговыми поступлениями, что снижает риски, связанные с финансовыми спекуляциями.

Во-вторых, ключевым направлением реформы является управление бюджетными расходами, а не только распределение доходов. В этом контексте централь-

ное правительство усиливает контроль за бюджетными и внебюджетными фондами, связанными с земельной политикой и кредитованием. В процессе выкупа земли разрабатываются новые стандарты компенсации и механизмы контроля, чтобы минимизировать внешние негативные эффекты от земельных финансов. Одновременно идет расширение социальных расходов, направленных на обеспечение равенства в доступе к базовым государственным услугам и развитие городов.

В-третьих, в процессе совершенствования рыночной экономики Китай сталкивается с серьезными вызовами, связанными с тем, что местные власти, несмотря на реформы, продолжают сохранять старые подходы к управлению. Центральное правительство, предоставляя местным властям определенную свободу для реформ, также ищет баланс между жестким контролем и эффективным стимулированием, чтобы предотвратить накопление долгов и минимизировать негативные последствия для качественного экономического развития [6]. Это требует четкого разграничения между административными и экономическими функциями, а также внедрения системы стимулирования и ответственности для управления рисками и достижения устойчивого роста.

Заключение

В заключение, поведение местных властей в Китае прошло значительные изменения в процессе рыночных реформ, от управления предприятиями до управления городами. На этом пути местные органы власти сыграли важную роль в стимулировании экономического роста и увеличении доходов местных бюджетов, однако их деятельность также вызвала множество рисков, связанных с размытым разграничением публичных и частных интересов, а также чрезмерной зависимостью от земельных финансов и финансовых платформ. Несмотря на прогресс, достигнутый в рамках реформ, тенденция к «коммерциализации» местных властей и растущие риски долговых обязательств остаются актуальными проблемами.

Для достижения высококачественного экономического развития центральному правительству Китая необходимо, с одной стороны, предоставить местным властям определенную гибкость и пространство для реформ, а с другой — усилить контроль и надзор за их действиями, чтобы обеспечить баланс между экономическими целями и общественными интересами. Углубление налоговой реформы, совершенствование системы управления бюджетом и усиление контроля над земельными и финансовыми ресурсами помогут эффективно снизить риски, связанные с деятельностью местных властей, и направить местную экономику в сторону более устойчивого, инклюзивного и эффективного развития. Это не только институциональная мера по ограничению местных властей, но и необходимый шаг на пути к модернизации государственного управления в новой эпохе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Blecher, M., & Shue, V. Into Leather: State-led Development and the Private Sector in Xinji. // *The China Quarterly*, 2001, №166. С. 368–393.
2. Montinola, G., Qian, Y., & Weingast, B.R. Federalism, Chinese Style: The Political Basis for Economic Success in China. // *World Politics*, 1995, Vol. 48, №1. С. 50–81.
3. Peng, Yusheng. Chinese Villages and Townships as Industrial Corporations: Ownership, Governance, and Competition. // *American Journal of Sociology*, 2001, №5. С. 1338–1370.
4. Qi, Jean. The Role of the Local State in China's Transitional Economy. // *China Quarterly*, 1995, №4. С. 1132–1149.
5. Walder, Andrew. Local Governments as Industrial Firms: An Organizational Analysis of China's Transitional Economy. // *American Journal of Sociology*, 1995, №2. С. 263–310.
6. Тан Минчжи. Строгий контроль и стимулирование: политическая природа «снижения и увеличения земельных объемов» и ее внедрение на местах. // *Китайские социальные науки*, 2014, №7. С. 125–142.
7. Чжан Бочэнь, Лю Вэй. Управление деревней: исследование поведения местных властей в контексте прав и обязанностей — на примере проекта «Снижение и увеличение земельных объемов» в Чэньцуне. // *Социальные науки провинции Чжэцзян*, 2020, №8. С. 62–73.
8. Чжан Бочэнь, Лю Вэй. Управление деревней: исследование поведения правительства в контексте прав и обязанностей — на примере проекта «Снижение и увеличение земельных объемов» в Чэньцуне. // *Социальные науки провинции Чжэцзян*, 2020, №8. С. 62–73.
9. Чжоу Луюо. «Интегрированное управление»: теоретическое объяснение поведения местных властей. // *Журнал Университета Чжэцзян (серия гуманитарных и социальных наук)*, 2015, №6. С. 177–188.
10. Чжоу Фэйчжоу. В поисках выгоды: финансовые отношения и поведение местных властей. // *Шанхай: Издательство «Шанхай Санлянь»*, 2012. С. 41–47.
11. Чжоу Фэйчжоу. Поведение правительства и развитие китайского общества: социологические исследования и изменения парадигм. // *Социальные науки Китая*, 2019, №3. С. 21–38.
12. Чу Цзиндун. Проектное управление: новая система государственного управления. // *Социальные науки Китая*, 2012, №5. С. 113–130.
13. Чэнь Гоцюань, Мао Иминь. Исследование регионального управления и централизации власти в третьей зоне. // *Исследования политических наук*, 2015, №2. С. 45–54.
14. Чэнь Ци. От «монополии в одном лице» до «двойной монополии»: исследование механизмов поведения местных властей в сфере земельной разработки. // *Социологические исследования*, 2019, №2. С. 25–48.
15. Юань Чао. Финансовая логика изменения поведения правительства: критический обзор книг «В поисках выгоды» и «Современные отношения между центром и местными властями в Китае». // *Обзор публичного управления*, 2018, №3. С. 134–151.

© Хуан И (hy82811@163.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ

Abdullaev E. — candidate of legal sciences, scientific advisor of «Educational systems» LTD, Moscow

Abzalov V. — Ufa University of Science and Technology

Aksenov S. — Doctor of Economics, Professor, Ufa University of Science and Technology

Aksenov S. — Doctor of Economics, Professor, Ufa University of Science and Technology

Bilashenko E. — Candidate of pedagogical sciences, Associate Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia

Borodavkin S. — Applicant, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

Bulokhov A. — Employee, Academy FSO of Russia (Orel)

Emelyanov E. — Applicant, Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

Huang Yi — Associate Professor, Xinjiang Normal University

Kaipov R. — Ufa University of Science and Technology

Krimer L. — Postgraduate Student, Autonomous Non-Profit Higher Education Institution «Russian University of Advocacy and Notary Services named after G.B. Mirzoev»

Li Jie — Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen

Marchenko E. — Postgraduate student, Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»

Mikhaylov M. — Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Employee, Academy FSO of Russia (Orel)

Namtsaraeva A. — postgraduate student, Baikal State University (Irkutsk)

Orlova E. — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Employee, Academy FSO of Russia (Orel)

Pekareva V. — Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan

Perminov V. — Researcher, Lomonosov Moscow State University

OUR AUTHORS

Platonov A. — Candidate of philosophical sciences, Associate Professor, Leningrad Regional Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Rubtsov S. — Doctor of historical sciences, Professor, Northwest Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation

Savonkina A. — Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K.I. Skryabin

Skopa V. — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Solovev A. — Postgraduate student, Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

Stepanova S. — Postgraduate student, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Tikhonov R. — MGIMO University Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow

Timofeev E.O. — Postgraduate Student, Synergy University, Moscow

Trubin A. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Synergy University, Moscow

Vasquez Guanuchi Sabrina Natali Shael — PhD student, Southwestern State University

Verezubova N. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K.I. Skryabin

Yakovleva O. — Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K.I. Skryabin

Zhou Chuanming — graduate student, Transbaikalian State University, Chita, Russian Federation

Zuev A. — Candidate of historical sciences, Associate Professor, Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping; Herzen State Pedagogical University of Russia; Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные — 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).